

**МИР**

**№ 3-1924**

# **ПРИКЛЮЧЕНИЙ**



**ИЗДАТЕЛЬСТВО  
ЛЕНИНГРАД.**



**П.П. СОЙКИНА  
СТРЕМЯННАЯ, 12.**



# СОДЕРЖАНИЕ

|   | СТР. |
|---|------|
| «ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ». — «ТОТ, В ЧЬИХ РУКАХ СУДЬБЫ МИРОВ». Фантастический роман Н. Муханова. Иллюстрации М. Мизернюка . . . . . | 1    |
| «ЕЖОВАЯ ЛАПКА МАРАБУТА». Рассказ Р. Хитченса. Сангл. пер. Марианны Матвеевой. Иллюстрации П. Василенко. . . . .             | 55   |
| «ОХОТНИКИ ЗА ГОЛОВАМИ». Рассказ Роберта Леммона. Пер. с англ. Иллюстрации А. Михайлова. . . . .                             | 63   |
| «СУНДУК С ПРУЖИНОЙ». Американский рассказ Марка Троекурова. Иллюстрации Н. Кочергина. . . . .                               | 85   |
| «КОТОРЫЙ ИЗ ДВУХ?» Рассказ-задача А. П. Горш. С фото-клише. . . . .   | 101  |
| Всем, интересующимся содержанием вышедших книг журн. «Мир Приключений»  | 105  |

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК. — ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Обложка III—IV

Обложка исполнена художником М. Я. Мизернюком.

## От Издательства.

С каждым выпуском новой книжки «Мир Приключений», со стороны читателей проявляется все больший и больший интерес к фантастическому роману Н. И. Муханова «Пылающие Бездны». В этой книжке напечатана часть третья и последняя: — «Тот, в чьих руках судьбы миров». В виду значительного промежутка времени между выпуском первых двух частей романа, хотя и носящих характер самостоятельных, законченных произведений, но связанных единством, как действия — мировой переворот, — так и главных деятелей, — даем краткое содержание первых 2-х частей.

«Мир Приключений», книга первая, часть I. «Пылающие Бездны». — «Война Земли с Марсом в 2423 году». — Начинается война Земли с Марсом из-за культурной и экономической гегемонии в мире. Во главе Федерации Земли стоят два вождя: Начальник Технических Сил Роне Оро-Бер и Главнокомандующий Воздушным Флотом Гени Оро-Моск. Марсианами предводительствует знаменитейший поэт марсиан и Председатель Союза Ларгомерогов (потомков древних царствовавших династий) Гро Фезера-Мар. Гени женат на Авире — сестре Гро Фезера, любящей мужа, но, в силу условий рождения, преданной Ларгомерогам. Происходит покушение на жизнь вождя Земли. Войну начинает Земля. Сталкиваются воздушные флоты планет. Земле удается уничтожить двух спутников Марса — Деймос и Фобос. В свою очередь, Марс особыми лучами накаливает Луну. На обоих планетах — ад. Титанические постройки в развалинах. Живые существа закапываются глубоко в каменные недра. Новые лучи, изобретенные на Марсе, накалывают межпланетное пространство и саназерожабля Главнокомандующего Земли, в котором присутствует и Роне Оро-Бер, превращается в воздушный гроб.

«Мир Приключений», книга вторая, часть II. «Пылающие Бездны». — «Пленники Марса». — Герои первой части попадают пленниками Марса и попадают к ученому Нооме, живущему со своей внучкой Лейанитой. Широкими мазками и яркими красками рисуется быт Марса, его необыкновенная природа, описываются чудеса техники марсиан. Вспыхивает на Марсе междоусобная война, как результат войны двух миров. На этом фоне нежно и тонко рисуется взаимная любовь Лейаниты и Гени Оро-Моск. Гро-Фезера замораживает вождя Земли и Авире кончает с собою у стекляного гроба мужа.



# ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ.

## Тот в чьих руках судьбы миров.

Фантастический роман Н. Муханова.

Иллюстрации М. Мизернюка.

### ГЛАВА ПЕРВАЯ.

#### ПОСЛЕ ВОЙНЫ МИРОВ.

Небывалая война двух соседних миров — Земли и Марса — окончилась при изумительных условиях.

Железный закон мирового тяготения был поколеблен.

Гениальное открытие юного Кэна Роне нарушило размеренный ход планет и сделало их игрушками в руках человека, пешками в шахматной игре миров, которыми человеческий гений мог двигать по своему произволу.

В сущности, как можно было подозревать, никакой незыблемой в веках гармонии в взаимоотношениях небесных тел никогда не существовало; было лишь вынужденное сожительство соседей, гнавшихся одни за другими, безостановочно стремившихся, — в силу закона компактования масс, уплотниться друг с другом, слиться во-едино, пожрать друг друга, оправдать изначальный, громоздящий закон хаоса, по которому — всякая случайно установившаяся планомерность являлась уже нарушением основных свойств космического движения — находиться в непрерывной стадии перегруппировки, бурления, клотания материи.

Вечность и Время — не есть нечто абсолютное.

Те тысячелетия затишья, приостановки в разрушении пространственных тел, которые человечество могло наблюдать глазами разума, в сущности являются лишь случайными мигами, паузами, передышками в разрушительной, кромсающей работе хаоса.

Эти тысячелетние моменты обманчивой гармонии являются лишь кажущимися и зависят от ограниченности человеческого кругозора, создающего иллюзию гармонии.

Если бы человек мог раздвинуть горизонты своих наблюдений и охватить весь исполинский масштаб вселенной, он убедился бы, что каждый данный миг, каждый атом времени, заполнен сотнями мировых катастроф в безднах пространства.

Хаос в необозримых просторах вселенной безостановочно выполняет свое назначение — крушить, рушить, дробить, давить, измельчать, превращать в пыль, — каждый миг перетряхивать содержание лукошка Космоса.

Тысячелетия для человечества — миги для Бездны.

Кэн Роне открыл лишь способ изменять — ускорять и замедлять — ход планет, используя силу их собственной инерции, — а, следовательно, он нашел и возможность длить миги случайно установившейся гармонии, предупреждать и отдалять неизбежность катастроф или же ускорять и вызывать эти катастрофы.

Правящий Совет Земли знал, что он обязан своей победой гению Кэна Роне, знал, что близящаяся катастрофа на Марсе побудила неприятеля пойти



на какие угодно условия мира, лишь бы сохранить свое существование, — но он не знал характера той силы, которая даровала ему эту нечеловеческую победу.

Для марсиан была очевидной неизбежность их гибели, гибели всего живого на планете, как было очевидным и то, что таинственная сила, влекущая их в бездну, исходит от командования Земли, повисшего над ними как сама Непредотвратимость, как грозная, непобедимая, загадочная судьба.

Побежденные были вправе искать причины своего удушения в новейших открытиях и изобретениях ученых Земли, но они еще не знали, кто этот гений, неожиданно получивший власть над ними и, вполне естественно, сгорали от желания узнать имя виновника своего поражения.

Особенно был заинтересован этим таинственный и неуловимый Совет Пяти союза Ларгомерогов, ускользнувший из рук революционных масс.

Как бы то ни было, борьба миров кончилась.

Планеты, участницы войны, с лихорадочной поспешностью зализывали раны, нанесенные менее чем трехдневной борьбой.

Огромные участки территории Земли были обращены в мертвую пустыню, одетую серо-зеленым пеплом, — результат испепеляющего действия страшного оружия марсиан — лучей «фелуйфа».

Многие культурно-промышленные центры планеты, — этого сплошного города-мира, — лежали в развалинах.

Луна, под влиянием беспощадного накаливания со стороны Марса, растопила свои тысячевековые льды и оделась плотной атмосферой, изобилующей электрическими скоплениями, сеющими непрерывные грозы.

Попытки марсиан угнать спутника Земли в пространство не увенчались успехом. Начавши медленно принимать собственное вращательное движение, независимое от Земли, и сделав всего один неполный оборот, Луна остановилась, по прежнему связанная невидимыми, но прочными узами притяжения со своей метрополией. Изменились лишь слегка черты ее бледного лица, обращенного к Земле.

Число человеческих жертв на Земле было велико, но не чрезмерно. Массы своевременно укрылись в подземных городах, надежно защищенных.

Гигантские общественные постройки последних десятилетий, возведенные из непроницаемого для всех известных элементов строительного материала — свентория — совершенно не пострадали. Они лишь окислились, покрывшись красивыми, причудливыми арабесками ярко-зеленого цвета.

Странно было видеть на выжженных участках громады этих неуязвимых колоссов, гордо возносящих свои арки, башни и обелиски в голубое безоблачное небо, — они стояли, как фениксы, возрожденные из пепла.

Зодчие Земли, облетев на своих птицеподобных аэрожаблях пожарища пострадавших участков и ознакомившись с картиной разрушения, постановили в дальнейшем возводить на поверхности Земли строения только из свентория, изгнавши из употребления все иные строительные материалы.

Безконечные заводы Федерации в Сибири, Тибете, в Альпах, Пиринеях, Андах, Центральной Африке, в Синих горах Австралии, в Гренландии, а также на материках Арктического и Антарктического океанов, — во всех местах обработки свентория, — безостановочно приготавливали здания, по своей колоссальности равняющиеся целым городам древности каждое; эти здания из свентория, крепкого, как алмаз, но ковкого и не ломкого, превосходящего легкостью все известные металлы, — в разобранном виде перебрасывались на воздушных кораблях к месту назначения.

Миллиарды человеческих существ, владея над титаническими машинами, казалось, возводили заново весь мир. Гигантские подъемные краны, без всяких усилий, без шума и грохота, перебрасывали готовые многоэтаж-



ные здания туда, где им надлежало сrostись с почвой. Целые улицы мягко катились по рельсам на предназначенные им места.

Нивелировка огромных площадей, покрытых развалинами и хаотическими нагромождениями изъеденного и изуродованного железа, производилась с помощью исполинских катков-рубанков, сострагивающих и вбирающих в себя все лишнее, подлежащее удалению.

Эти исковерканные материалы разрушенных в борьбе построек не сортировались, они целиком поступали в прожорливые мельницы, перетиравшие их в однородную массу, которая, будучи смешана со связующим веществом особого состава, шла на образование прочного, устойчивого, непоколебимого грунта.

Колоссальные буровые машины упруго въедались в этот быстро отвердевающий искусственный грунт, образуя зияющие колодцы, через которые устанавливалась связь с подземными артериями городов.

На сотни верст тянулись трубы землепроводов, поставлявших искусственный чернозем для садов и парков.

Воздушные площади, повисшие на стройно переплетающихся легких ажурных арках и виадуках, заполнялись этим черноземом и на нем в несколько дней выращивались многоверстные бульвары, сады и парки из тропических, благородных, цветущих пород деревьев. Агрономическая химия в этой области творила сказочные чудеса.

Скульптурные украшения садов и площадей, — а равно фронтонов и галлерей зданий, — как будто, рождались тысячами тут же на месте.

В действительности они извлекались из запасных хранилищ Федерации, непрерывно пополняемых многочисленными кадрами ваятелей, творческий гений которых был признан всей Федерацией и потенциальные способности которых казались неизсякаемыми.

Архитектура зданий не имела никаких точек соприкосновения ни с одной из архитектур предшествовавших эпох. Полное отсутствие громоздкости, грузности, монументальности.

Легкий ажур, воздушность, смелый бросок в высь, мягкие, сливающиеся контуры, отсутствие прямых линий, обилие незаполненных, красиво изогнутых пространств, придающих постройкам характер артистически сплетенного кружева, — вот первое впечатление от стиля «Федеро», властно вытеснившего все другие стили. Прямолинейная геометрия смело заменена всевозможными кривыми линиями. Преобладают круг, эллипсис и другие сечения конуса. Поражает обилие галлерей, кружевом сплетающих все здания. Много зеркального стекла особого состава — упругого и не ломкого. Большое место отведено сравнительно дорогим прозрачным металлам, имеющим способность проводить свет на подобие самого прозрачного стекла или же становиться совершенно непроницаемым, — по желанию.

Работа повсюду кипела безостановочно день и ночь, — продуманная, планомерная, продуктивная, без лишнего напряжения и суматохи.

Девять с половиной десятых этой работы падало на долю свенториевых, стальных и иных механических гигантов.

Там, где требовалось применение человеческих рук, механизация работы давно уже была доведена до идеала и в этом направлении дальше идти было некуда. Три часа размеренных, до секунды высчитанных движений, из которых непроизводительно не пропадало ни одно — составляли трудовой день каждого из жителей Федерации.

Когда уставшее солнце обнаруживало стремление уйти на покой — неугомонные люди заливали места построек светом искусственных солнц и работа кипела тем же темпом.

Сплошь закованные в гранит и мрамор берега океанов, морей, рек и вообще всех водных бассейнов, местами пострадавшие, уже повсюду были



приведены в порядок. Кое-где, под влиянием разрушительных сил неприятеля, водные массы пытались прорвать свои преграды; однако, эти попытки были ликвидированы еще почти под огнем марсиан. Давно смиренная водная стихия, с прежней ласковостью укрощенного, ручного зверя, задумчиво ворчала у неодолимых берегов.

Центр жизни Федерации — Гроазур, раскинувшийся на высотах древнего Урала, почти совершенно не пострадал.

Гигантский город, если только можно назвать городом сектор почти беспрерывно застроенного пространства двух частей света — Европы и Азии, — жил в чуть-чуть приподнятом, слегка лихорадочном темпе.

Столица мира ожидала с Марса двух своих вождей, — начальника технических сил Федерации, гениального ученого Роне Оро-Бера и командующего боевыми силами Гени Оро-Моска, — возвращающихся из неприятельского плена.

Была ночь, вернее, то время суток, когда солнце освещало противоположное Гроазуру полушарие.

Полная луна, одетая стараниями марсиан в давно утраченные ею покровы атмосферы, величественно плыла по светло-синему небу, — пышная, улыбающаяся, заметно выросшая для глаз.

Слабый блеск звездной свиты совершенно терялся перед лицом этой возрожденной царицы полуночи.

Исполинский город с его тысячами башен, с воздушными садами и озерами, с подвесными галереями площадей и улиц, утопая в мягком, феерически прекрасном, непривычно-новом для него, ласкающем полусвете.

Обычно день и ночь в Гроазуре мало отличались друг от друга. Одно закатившееся дневное светило немедленно заменялось тысячами искусственных солнц.

В эту ночь, в виду щедро сверкающего воздушного фонаря, так легко-мысленно зажженного неприятелем, все искусственные источники света были притушены, чтобы не лишать население зрелища волшебной картины и дать возможность на мягких полутонах отдохнуть утомленному зрению.

Гибель лунных поселений щедро окупалась столь блестящим подарком. Федерация Земли приобрела новый мир, большая половина которого могла быть колонизирована без разорительных затрат на искусственную атмосферу. Упрощающаяся разработка колоссальных естественных богатств Луны сулила неисчерпаемые возможности. А пока возрожденная девственница величественно совершала свой обычный путь над Гроазуром, зачарованным ее голубой улыбкой.

В северной части неба, споря своею яркостью с молниями, вспыхивали огненные письма очередных официальных сообщений. Эта гигантская небесная газета передавала все выдающиеся новости обитаемых миров и мирков солнечной стороны. Сообщения проектировались на голубом фоне неба, застывали на некоторое время огненными зигзагами и гасли, уступая место новым.

Вот четко вспыхнул ярко-красный световой плакат:

«М а р с. Столица Федерации — Марогенос, разрушенная до основания, не будет восстановлена. Местность, по постановлению революционного совета, переименована в «Некрополис-Марс». Город смерти будет обнесен священной стеной с тридцатью тремя воротами. В память вечного воспоминания о величайшей борьбе двух миров, переступать черту города разрешается только с обнаженной головой.

Сообщение погасло. На его месте невидимая рука начертала фосфорическими завитками новый текст:

«М а р с. Все старания революционного совета раскрыть нити страшной организации Ларгомерогов не приводят ни к чему. Штаб-квартира союза до



сих пор не обнаружена. Личности председателя и Совета Пяти не выяснены, несмотря на обещание предоставить раскрывшим высшие почетные должности в Федерации».

Новая сенсация из млечных сплетений:

«Луна. Все наружные строения превращены в пепел и смыты бушующими потоками. Население успело укрыться в подземных галереях. Все оставшиеся в живых спасены. Грозы постепенно стихают. Водные массы находят свои русла. Падают обильные дожди. Появилась повсюду молодая растительность. Температура воздуха на полушарии, обращенном к Земле, + 20 С.».

Новое сообщение из разноцветных звездных точек:

«От астероуправления<sup>1)</sup>. 115 планетоид марсиан и 35 наших обращены в первичную материю. Часть материи, с огненным ядром в центре, устремилась в пространство, образовав новую небольшую комету. Из обитаемых планетоид погибло в борьбе 24 — девять наших и пятнадцать противника».

«От астроакадемии. Продукты разложения бывших спутников Марса — Демоса и Фобоса — обнаруживают ярко выраженную тенденцию — неуклонно вращаться вокруг планеты, постепенно вытягиваясь в длину и привлекая к себе массы мелкой космической материи. Есть основания полагать, что в недалеком будущем планета украсится узким блестящим кольцом на подобие кольца Сатурна».

Сенсация погасла. Неожиданно вся северная часть неба загорелась гигантскими огненными словами:

«Марс. Бывшие пленники Марса — великий ученый Роне Оро-Бер и командующий боевыми силами Гени Оро-Моск, восторженно напутствуемые миллионными массами революционного народа, отбыли на Землю в 24 ч. 11 м. по земному времени. Гени Оро-Моску сопутствует его невеста Лейянита Нооме-Мар со своим дедом, величайшим ученым Марса, который отправляется в краткосрочную научную экспедицию на Землю».

Гром рукоплесканий и восторженных криков миллионов людей покрыл последнее сообщение.

Взоры всех без исключения обратились к красноватой точке Марса, слабо блистающей в беспредельности ночной синевы.

Плакат погас. Через весь небесный свод, с Севера на Юг, перебросилась гигантская радуга с искрящимися словами:

«Привет вождям!».

## ГЛАВА ВТОРАЯ.

### С О М Н А М Б У Л А.

Огибая землю с Востока на Запад, в над-атмосферных слоях, со стороны американского материка, молнией летела голубая воздушная машина. Отстающие лучи солнца все слабее золотили кормовую часть санаэрожабля, пока, наконец, совершенно не расплылись в окружающей среде.

Почти без перехода в сумерки, в каютах воздушного корабля сгушался мрак.

Одинокая человеческая фигура, склоненная над грудой чертежей в одной из кают, порывисто подняла голову и нетерпеливо крикнула:

— Аль-Загроо, что случилось?

<sup>\*)</sup> Управление делами колоний на астероидах.

В дверях каюты появилась другая фигура.

— Ничего, божественный.

— Почему вдруг стало темно?

— Мы обогнали солнце, машина находится в тени.

Не дожидаясь приказа, секретарь повернул выключатель. Бледный полусвет залил внутренность каюты.

— Что делают члены Совета?

— Ожидают, когда вы освободитесь, божественный.

Гро Фезера несколько секунд находился как бы в нерешительности.

— Посмотрите, Аль, что делает Эолисса.

Секретарь председателя Ларгомеровов исчез за противоположной дверью.

Гро Фезера поднялся и сделал несколько шагов.

— Ну, что, Аль?

— По обыкновению, девушка плачет.

— Попроси членов Совета обождать, я скоро выйду.

Секретарь неслышно исчез. Фезера повернулся, чтобы направиться в каюту Эолиссы. В соседней двери стояла миниатюрная женщина, с гордо закинутой назад головой и с сверкающими глазами.

— Что тебе, Эйрейя?

Женщина молчала.

— Я занят, Эйри. Что тебе нужно?

Эйрейя сделала шаг вперед, энергично тряхнув короной вьющихся, коротких, золотистых волос.

— Занят? — она нервно рассмеялась. — Опасную игру ты затеял, мой дорогой Гро Фезера...

Эйрейя одним прыжком очутилась перед поэтом:

— Скажи, Гро, как долго останется здесь эта женщина?

В зеленоватых глазах красавицы забегали подозрительные огоньки.

— Стыдно, Эйрейя, подобные чувства недостойны такой умной женщины, как ты, — проговорил Гро, слегка отворачиваясь.

— Я спрашиваю, долго останется здесь эта женщина?

— Пока это необходимо для моих высших целей.

— Я догадываюсь об этих «высших» целях!.. — криво усмехнулась женщина.

— Сомневаюсь, — покачал головой Фезера.

— Напрасно... Скажи, Гро, как же ты думаешь поступить в этом случае со мной? Только скажи прямо, как подобает отмеченному гением существу, не заставляй меня мучиться и играть унижительную роль обманутой любовницы...

— Не болтай пустяков, Эйри...

— Без лжи, мой возлюбленный поэт. Ты отлично знаешь, насколько хорошо я читаю в твоих глазах. Я не из тех женщин, которых можно безнаказанно оскорблять... Я ставлю вопрос прямо, — или я или эта...

Эйрейя не договорила. Фезера уколол злым взглядом свою возлюбленную.

— Как же ты поступишь, если выбор окажется не в твою пользу?

— Это будет видно из дальнейшего, — медленно отчеканила женщина.

— Значит — борьба?

Эйрейя смерила его презрительным, уничтожающим взглядом.

— Бороться... с тобой? Нет, «божественный», этой чести ты от меня не дождешься. Через час вы дадите мне ваш ответ.

Эйрейя быстро направилась к своей каюте.

— Эйри, будь же благоразумна!..

Но женщина уже исчезла за дверью и заперлась на ключ.



— Сумасшедшая женщина!

Гро Фезера минуту постоял перед закрытой дверью и исчез в соседнем помещении.

В углу небольшой каюты, обитой нежно-голубой материей с искрящимся серебристым оттенком, на низком восточном диване сидела печальная, бледная женщина.

— Эолисса!—резко окликнул Фезера.

— Да, божественный.

— Я тебе запретил плакать.

— Да, божественный.

— Почему же ты не исполняешь моих приказаний?

Бледная женщина потупила свои голубые глаза. Это был редкий тип холеной, вырождающейся земной красоты.

Хрупкая, стройная, нежная, вся сотканная из нервов, Эолисса, казалось, светилась изнутри каким-то тихим, мерцающим светом. Длинные волнистые волосы пепельного цвета заполняли отлогие плечи, как будто выточенные из белоснежного мрамора. Обильные складки необычайно легкой, воздушной материи не в состоянии были скрыть контуры ее медлительно-грациозного тела.

— Ты любишь меня, Эолисса?

Девушка подняла на него огромные глаза, в которых мелкими алмазами блеснули росинки слез.

— Да, божественный.

— Ты на все готова ради меня?

Эолисса вместо ответа опустилась на колени.

— Это не ответ. Поднимись. Смотри мне в глаза...

Гро Фезера, не мигая, уставился в голубые глаза девушки. Та, не в силах отвести своего взгляда, погрузилась в бездонные глаза марсианина.

Прошло несколько секунд.

— Ты спишь, Эолисса?

— Да!

— Сядь! Запомни, что я тебе приказываю. В соседней каюте находится женщина по имени Эйрейя. Ты знаешь ее. Когда вы останетесь вдвоем, ты опустишься перед ней на колени, поцелуешь край ее одежды и скажешь следующее: «Вы моя повелительница. Ради вас я готова на все. У меня нет никаких прав на известное вам лицо. Когда я выполню свое назначение, я уйду из мира». Ты меня поняла? Повтори.

Девушка тихо, но отчетливо повторила продиктованное.

— Теперь слушай далее. Ты помнишь при каких обстоятельствах мы встретились в первый раз?

— Да, я помню.

— Ты и твои родители находились на Марсе. Вас там застала война и позднее — революция. Взбунтовавшаяся чернь заподозрела в твоём отце ларгомерога. Он погиб, погибла и твоя мать. Я вырвал тебя из рук разъяренной толпы. Я твой спаситель.

— Вы мой спаситель, — как эхо повторила девушка.

— Ты знаешь кто я? Отвечай.



— Вы мой спаситель, — как эхо ответила Эолисса председателю союза ларгомерогов.

— Вы — Гро Фезера-Мар, великий поэт.  
— А еще?  
Девушка в замешательстве молчала.  
— Я тебе приказываю проникнуть в тайники моей души.  
— Вы — Председатель Союза Ларгомеров.  
— Ты знаешь мои намерения?  
— Да.  
— Что сейчас творится на Марсе?  
Лицо девушки изобразило величайшее напряжение.  
— Революция... Люди убивают друг друга... Много крови, много жертв...  
— Хорошо. Скажи, что происходит сейчас на Земле... В Гроазуре?  
— Люди готовятся к большому торжеству... Много света, цветов... Они кого то ожидают...  
— Хорошо. Я знаю кого. Можешь не отвечать. А он, Кэн-Роне, кого ты считаешь величайшим из людей, он в толпе?  
— Да, но он одинок.  
— Когда мы спустимся в Гроазуре, ты отыщешь его и поцелуешь со словами: «Вы наш спаситель!» Повтори.  
— «Вы наш спаситель».  
— На этот раз довольно. Проснись!  
Фезера крепко сжал руку девушки. Та слегка вскрикнула. Фезера заговорил ласково, наклонившись к ней:  
— Что с тобой, моя милая Эолисса?  
Девушка схватилась за голову и растерянно оглянулась вокруг.  
— Неужели я спала? Какой неприятный сон.  
— Тебе, дитя, необходимо немного развлечься. Пройди к Эйрейе, поболтай с ней. Скоро мы будем в Гроазуре.  
Фезера поцеловал девушку в лоб и поспешно вышел.  
Эолисса поднялась на ноги, сжимая виски руками.  
— Какой мучительный сон!..  
Постояв минуту неподвижно и подталкиваемая какою-то внутренней силой, девушка неуверенно направилась к выходу. В дверях своей каюты стояла Эйрейя, с гневно закушенными губами.  
Эолисса медленно подошла к маленькой красавице, опустила на колени, припала губами к краю ее одежды. Потом подняла на нее полные слез глаза и без выражения, как затверженный урок, проговорила:  
— «Вы—моя повелительница. Ради вас я готова на все. У меня нет никаких прав на известное вам лицо. Когда я выполню свое назначение, я уйду из мира»...

---

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

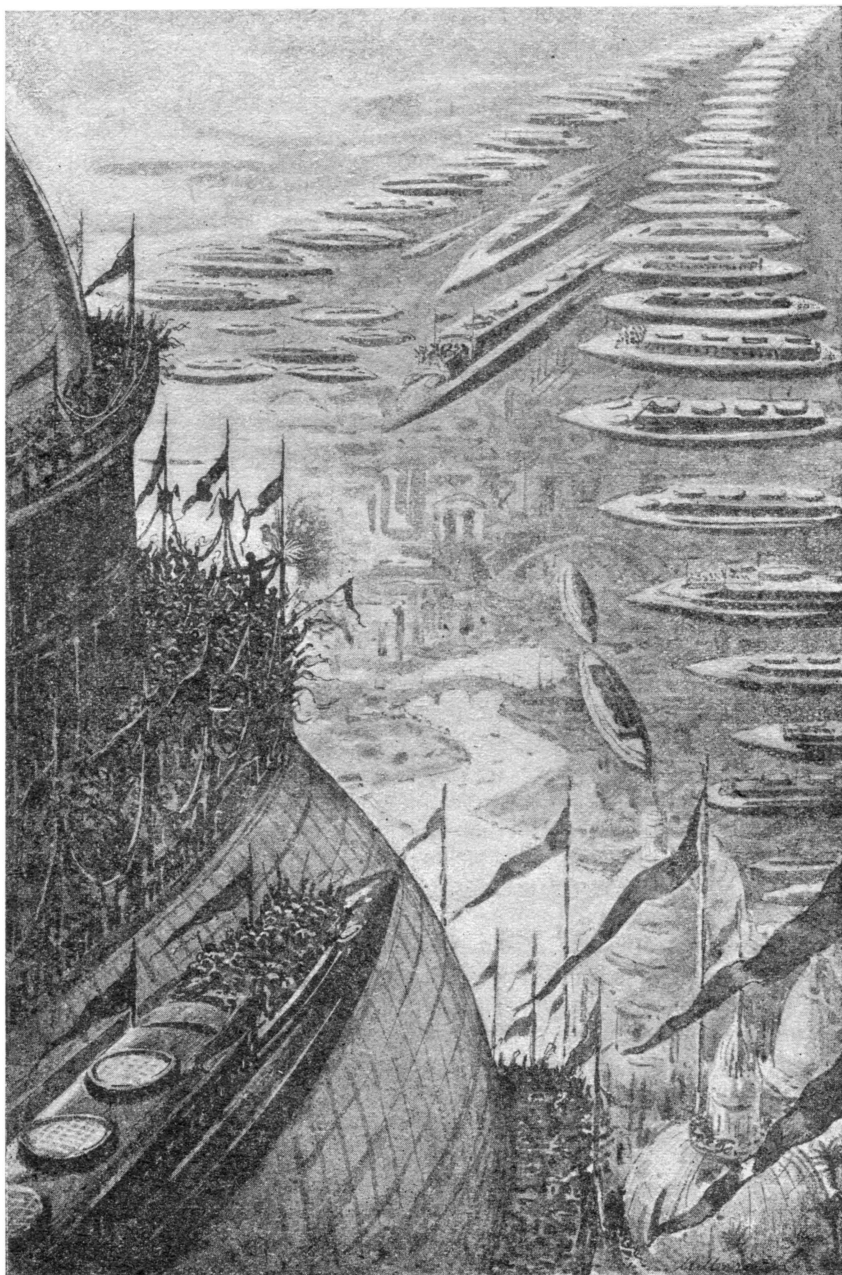
### С О В Е Т П Я Т И.

Посреди слабо освещенной каюты воздушного корабля, за круглым легким столом сидело пять человек — Гро Фезера и остальные члены Совета Пяти.

Аль-Загроо помещался около автоматического стенографа, за отдельным столиком.

Говорил гигант Ними-Зооро, потомок древней императорской династии, некогда властвовавшей над половиной Марса в течение десяти веков подряд, — сутулый, огромного роста марсианин, с хищным темно-коричневым





Гроазур, столица Федерации Земли, торжественно встречала своих вождей, пленников Марса...

лицом, с выпученными синеватыми белками глаз. Ними-Зооро славился жестокостью и непреклонностью в достижении своих планов. Когда он говорил, его заостренные уши вздрагивали и шевелились на бугристых, медно-красных висках. Клювообразный нос почти покрывал крохотный ротик, из которого вырывалось какое-то клокочущее ворчание.

— Может быть, таким именно образом и должна проявляться деятельность гениальных политиков, — не берусь судить. Только лично меня смешит эта детская игра. Зачем мы носимся здесь, как потерпевшие крушение, а не сидим спокойно у себя, выжидая пока схлынет волна? Что в сущности произошло? Проиграна война? Вспыхнуло возстание? Какое, подумаешь, несчастье! Разве мы не прежние властители положения? Разве мы не свободны в своих действиях? Мы сильны, как всегда, — мы неуловимы. Мы, Ларго-мероги, никем не подозреваемые, сидим всюду: в революционном совете Марса, в федеральном управлении Земли, в высшем военном совете, на фабриках пищепилюль, в управлении каналов, в совете техники и наук, в городских муниципалитетах, в бюро снабжений граждан федерации, — всюду, всюду! Все в наших руках и все в нашей власти. Разве не так? Так! Если желаете, — завтра же на планете поднимется шакалий вой и половина наших врагов будет корчиться в предсмертной агонии. Для этого стоит лишь распорядиться произвести очередную выдачу пищепилюль с пустячной дозой акогена \*) или включить в радиофонную сеть, хотя бы, ток лучей плойфоса или фелуйфа. Это было бы превосходно!

При последних словах все слушатели, не исключая Фезера, поморщились.

— Гримасничать тут нечего, — продолжал подметивший это Ними-Зооро, — я предлагаю радикальное средство. Я кончил... Послушаю, что скажут другие.

Маленький подвижной старичек, по имени Корхо-Альгель, предки которого владели неисчислимыми богатствами, национализированными при переходе к федеральному строю, жестом попросил разрешения говорить.

Председатель наклонил голову.

Я чрезвычайно ценю решительность и энергию нашего общего друга, высокородного Ними-Зооро, — начал старик звонким, красивым голосом, так не идущим к его тшедушной фигурке. — Не спорю, только-что предложенные меры избавили бы нас от многих лишних хлопот. Только я полагаю, что истребление населения Марса не может входить в наши расчеты, каковы бы они ни были. Мы боремся с известной группой лиц, возглавляющих революционное движение, к ним могут быть применены какие-угодно меры, но население?!. Для меня положение ясно. Мы временно покинули Марс, так как наше присутствие на Земле, при сложившихся обстоятельствах, может принести значительную пользу нашему делу. Из некоторых разговоров общего характера я понял, что расставшись в Гроазуре, мы будем действовать по одиночке. Меня интересует только одно, будут ли нам даны нашим главой более точные указания в какую сторону должна быть направлена наша энергия?

Старик замолчал, хитро посмотрев на Гро Фезера.

Председатель слегка нахмурился и обвел всех присутствующих медленным, гипнотизирующим взглядом.

— Разве кто-нибудь из вас имеет причины жаловаться на сбивчивость выработанного мною плана действий? — медленно проговорил Гро Фезера. — Если так — прошу извинения. Здесь мы имеем дело, повидимому, с проблемами чисто информационного характера. Постараюсь их пополнить.

---

\*) Сильнейший яд, продукт длительного брожения синильной кислоты. Совершенно безцветный, безвкусный порошок, одного миллиграмма которого достаточно, чтобы убить человека. Действует не сразу, через 30 — 40 часов.

Все мы, здесь собравшиеся, — потомки древних владетельных родов, лишенных когда-то своих наследственных прав. Мы были-бы недостойны носить свои славные имена, если бы сложили оружие и бессильно отдались на волю течения. Нам удалось собрать распыленные силы некогда могучего класса ларгомерогов и сорганизовать его в один сильный тайный союз, ставший себе задачей восстановление своих законных прав, прав, освященных тысячами лет. Накануне последней революции, вспыхнувшей всего несколько дней назад, мы являлись настолько внушительной силой, что перед нами склонялось само правительство Марса, — к слову сказать, наполовину состоящее из наших единомышленников. Война с Землей была начата под нашим давлением. Никто из нас не сомневался в ее победном завершении. По логике вещей, мы в настоящее время должны были-бы уже занимать восстановленные троны, потерянные нашими предками. Как мы видим, этого в действительности нет...

Гро Фезера горько улыбнулся и обвел всех своим медленным взглядом. Члены Совета сидели мрачно нахмурясь, не поднимая глаз.

— Но это будет! — с силой продолжал председатель. — Самое поражение марсиан мы обратим к нашей победе!

Все четверо разом подняли головы и впились глазами в лицо Фезера.

— Прогоните с ваших лиц недоумение, которое я на них читаю. Мы, члены великого Совета Пяти, не случайно находимся вместе. Я настоял на этом, так как всегда знал кратчайший путь к победе и лишь временно не говорил вам всего, не имея в руках всех данных. Теперь эти данные налицо. Предвкушение победы обратилось для нас несколько дней тому назад в поражение. Еще через несколько дней из этого поражения вырастет неслыханная, блестящая победа! Час торжества близок! Знайте, что наша судьба, судьба Марса, судьба всех известных миров находится в руках лишь одного человека и этот человек должен открыть нам путь к могуществу!

— Кто этот человек? Кто он? Каким образом? — в один голос закричали члены Совета, повскакавшие со своих мест.

Гро Фезера обвел всех торжествующим взглядом.

— Не угодно ли будет собранию занять снова свои места, — чуть заметно улыбаясь, проговорил председатель.

Все, слегка смущенные, сели.

— Это — юный ученый Земли, открывший закон управления небесными телами. Его имя — Кэн Роне...

— Кэн Роне?..

— Да, Кэн Роне. Это сын известного всем вам Роне Оро-Бера. В чем заключается сущность открытия и где скрыта эта сила, способная по воле человека управлять движением небесных светил — вот два положения, которые нам надлежит выяснить на Земле. По выполнении этой части нашей задачи, мы сумеем подчинить себе не только революционную чернь Марса, но и торжествующих победителей Земли.

— Zeyzo! Да здравствует великий Гро Фезера! — восторженно закричал Аст-Адоре, молодой красавец, потомок смелых рыцарей-разбойников, не раз оспаривавших власть у всемогущих императоров Марса.

-- Zeyzo! — подхватили остальные.

Взволнованный Альгель обнял и горячо поцеловал председателя Совета.

Когда возбуждение несколько улеглось, Фезера обратился к пятому члену Совета, своему интимному другу Хойхороо, спасшему его в начале войны из зеленого ада, созданного на острове Тихого океана лучами фелуйфа.

— Хойхороо, как идет борьба с революционерами?

— Весьма успешно, божественный. Тайный террор применяется умело и осмотрительно. Опасные вожди гибнут один за другим при более или



менее загадочных на первый взгляд обстоятельствах. В зале заседаний революционного совета и во многих других местах установлены тайные истребители. Это дает возможность поражать по выбору тех лиц, которых мы находим наиболее опасными. Системы истребителей различны: одни из них — поражают на смерть, другие — действуют на мозг, на нервы, на зрение. Наша агентура работает безукоризненно. Главная наша задача — воздействие на воображение масс. По возможности, мы разнообразим характер кар, внося в них элементы чудесного и необъяснимого.

Гро Фезера одобрительно кивал головой.

Заседание продолжалось...

В это время в полумраке соседней каюты беседовали две женщины.

— Вы для меня, дорогая подруга, несмотря на всю вашу искренность, остаетесь загадкой. Вы говорите, что вы не любите Гро Фезера? — тихо говорила Эйрейя, обращаясь к бледной девушке.

— Я его любила.

— А теперь?

Эолисса подумала.

— Он мне внушает страх. Все мое существо содрагается при его имени. Что же касается моего сердца, то оно до краев полно чем-то неведомым мне, сладким и мучительным... Есть существо, которому я отдала бы десятки, сотни своих жизней, если бы я их имела, — полужакрыв глаза рукою, говорила Эолисса.

— Где вы встретили это существо? — осторожно спросила Эйрейя.

— Я его нигде не встречала. Я его вижу только в мечтах. Он лучезарен, как божество! В его глазах скрыта тайна мира... Он не человек...

— Кто же он?

— Я не могу вам объяснить... Я сама еще не знаю.

Неожиданно, с легким криком, девушка вскочила с низенького табурета, на котором она сидела у ног Эйрейи.

— Откуда вам известно это имя? — почти закричала Эолисса.

— Какое имя, дитя мое? — удивилась Эйрейя.

Бледная девушка бросала растерянные взгляды в полумрак, наполнявший каюту.

— Тогда... тогда кто-же произнес его имя?

— Вы утомлены, моя милая подруга. Ваши нервы болезненно вибрируют на ваши же мысли. Мы здесь вдвоем и никто, кроме нас, не мог произнести никакого имени.

— Тогда... быть может там, за стеной?.. — тихим шопотом произнесла Эолисса.

— Да, там есть люди, но их слова сюда не могут доноситься. Что касается меня, я не слышу ни малейшего звука.

Обе женщины стояли посреди каюты и напряженно вслушивались в молчащую тишину.

— Вот опять... опять прозвучало это имя!.. — девушка порывисто схватила за руку Эйрейю.

— Я ничего не слышу, дитя мое. Что же это за магическое имя, которое можете слышать только вы одна?

— Это имя... это имя — Кэн!.. Оно наполняет мое сердце невыразимым восторгом. В нем шопот ветра, аромат цветов, в нем божественная гармония! — восторженно говорила странная девушка.

Эйрейя давно уже успокоилась за своего Гро. Она с участием смотрела на призрачный силуэт девушки с простертыми перед собою руками. Призрак утопал в целом потоке мягких, воздушных складок своего легкого одеяния и бросал только одно слово в молчащую темноту:

— Кэн! Кэн! Кэн!..

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

### В ГРОАЗУРЕ.

Тысячи электрических солнц вспыхнули разом. Эффект перехода от лунной зачарованности к солнечному блеску был изумителен и вызвал короткое, невольное восклицание из миллионов грудей.

Гроазур засверкал, переливаясь в лучах искусственных солнц. Неисчислимо множество разноцветных, ярких флагов трепетало в струях легкого, ароматного ветерка, навеваемого колоссальными вентиляторами, расположенными на вершинах башен.

В просветленном воздухе бесконечными гирляндами протянулись колонны аэрожаблей, образуя триумфальный путь в высь, за грани света.

Кое-где колоссальными дугами перекинулись по триумфальному пути подвижные воздушные арки из легкокрылых папиллопланов, отливающих светящимися флагами.

Узорчатые фигуры из летательных аппаратов, изображающие огромные гербы Федерации, там и здесь неподвижно застыли в воздухе, сверкая бесчисленными разноцветными огнями. Казалось, все пространство неба увешано гигантскими украшениями из драгоценных камней.

На общественных площадях, на воздушных бульварах и садах, на подвесных, прозрачных кровлях улиц, на обширных галлереях дворцов — разместились многотысячные колонны рабочих и общественных организаций со своими эмблемами труда, знаменами и значками.

Лиюуще величественные звуки радио-музыки ласкали слух и вдохновляли сердца.

На кровле-площади дворца Совета Федерации десять тысяч членов Совета в торжественном молчании дожидались прибытия своих вождей — пленников Марса.

Неожиданно все звуки затихли. Все взоры скользнули вдоль воздушной триумфальной дороги. Там, где параллельные линии аэрожаблей сходятся, образуя как-бы гигантскую воронку, — показалась движущаяся точка, с одним ярко блестящим, перемещающимся бликом.

Точка быстро увеличивалась, несясь с головокружительной быстротой. Вот она уже миновала шпалеры воздушных кораблей, выросла в стройную, грациозную машину и неподвижно застыла в воздухе, повиснув над дворцом Федерации.

Электрические солнца погасли. Лунное золото вновь обильно разлилось над столицей Земли. Контуры воздушных кораблей, башен, обелисков, зданий дворцов, воздушных пристаней, деревьев в парках и садах — засверкали разноцветными огнями, как будто густо усеянные драгоценностями.

В просветах неба поплыли гигантские змеи письмен:

«Привет вождям!»

Неожиданно из центра Гроазура, с легким шипеньем, вырвались исполнские коромысла радуг и феерическими веерами метнулись куда-то в высь. Огромные огненные колеса завертелись в воздухе, заливая пространство каскадами разноцветных искр. Гигантские ракеты, как вспугнутое стадо комет, торопливо понеслись в пространство, рассыпаясь в воздухе звездным дождем. Как будто все далекие миры вселенной стеклись к торжествующей Земле и закружились вокруг нее в веселом танце.

Невидимый тысячеголосый оркестр клокочущей лавой звуков вырвался откуда-то из недр Земли и в воздухе торжественно поплыли мощные аккорды гимна Федерации. На-встречу им, несслыханными, нарастающими гаммами неслись крики восторга из десятков миллионов человеческих грудей.

Вот вновь вспыхнули электрические солнца, и аэрожабль пленников Марса плавно опустился в центре галереи Совета.

Из аэрожабля первым появился Роне Оро-Бер в своих неизменных зеленых окулярах и фиолетовой шапочке.

На-встречу ему выступили председатель Совета Омер Амечи и заведующий политическим равновесием Альба Афрег.

— По какому случаю такой шум, друзья мои? — с приятным недоумением спросил старый ученый.

— «Слава, слава, слава великому Роне!» — дружно ответили десять тысяч голосов.

— Что такое? В чем дело? Здесь какое-нибудь недоразумение, дети мои, смею вас уверить! Меньше всего весь этот приятный шум может относиться к моей особе. Я подозреваю здесь шутки моего проказника Кэна, — это он все подстроил. Где он, кстати? Я его что-то не вижу... Вот всегда так! Напроказит, а сам спрячется, — поводя своими зелеными окулярами озирался по сторонам ученый.

— «Слава Гени Оро - Моску! Слава дорогому гостю — великому Нооме!» — раздались новые дружные возгласы.

Из воздушного корабля, поддерживая старого Нооме под руки, вышли Гени и Лейянита.

Новая овация, подхваченная миллионными массами народа, длилась несколько минут.

Роне обнял и горячо поцеловал Омера Амечи и с чувством пожимал тянувшиеся к нему со всех сторон многочисленные руки членов Совета.

Когда шум несколько утих, старый ученый поднялся на высокую трибуну.

— Друзья и дети мои! — взволнованно начал он. — Судьбе угодно было, чтобы необычайная борьба миров окончилась нашей победой. И мы, и наши бывшие противники, в порыве общего безумия, получили много ран. Да послужит это ко благу тем и другим. Мы залечим эти раны и твердо будем надеяться и всеми силами стремиться к тому, чтобы будущее человечество не омрачалось больше братоубийственными истреблениями.

Мы победили. Мы жаждем видеть виновника нашего торжества, мы даже готовы сами создать его, — так велика потребность души излить на когонибудь обуревающие ее восторги. Истинный виновник победы — ни я, ни он, никто в отдельности. Победил могучий гений народа, его глубокая вера в силу человеческого разума, его стихийное стремление к абсолютному благу всего существующего. Вот он стоит, этот многоликий победитель! — старый ученый широким жестом протер перед собой руки по направлению к раскинувшимся повсюду миллионным массам.

Снова торжествующий всплеск восторженных кликов затопил окрестности, долго не давая возможности продолжать речь. Когда гул несколько утих, Роне закончил:

— Что же касается меня и моего спутника, Гени Оро-Моска, или, вернее, — теперь уже можно сказать это, — моего старшего сына Гени Роне, воспитанного Федерацией и вплоть до последнего времени не подозревавшего во мне виновника его существования, — то мы, за время борьбы, уже дважды приобшились бы к великому Ничто, если бы не сверхчеловеческие знания величайшего ученого современности — Нооме-Мара, который не научился еще делить человечество на друзей и врагов, на своих и чужих, и которому, как я, так и Гени, дважды обязаны жизнью.

Весь неисчерпаемый энтузиазм собравшихся обрушился на голову ученого марсианина.

Когда внимание всех отвлеклось в сторону Нооме, из толпы выделилась



стройная фигура с ясным, лучистым взглядом, со спокойным, богоподобным лицом.

— Бесценный отец, разрешите обнять вас!..

— Кэн! — старик порывисто заключил сына в свои объятия. — Милый мой Кэн! Гениальный мой триумфатор! Ты видишь, я исполнил твою волю, как это ни тяжело было моему любящему отеческому сердцу. Я ни словом не упомянул о тебе, об истинном виновнике нашей победы. Дай мне еще обнять тебя, мой скромный гений! Не видя тебя, я уже начинал подумывать, что ты почему-либо не пожелал встретить твоего старого друга-отца.

— Отец! — с легким упреком бросил юноша. — Вам известны мои чувства к вам. А также известные и мои взгляды, не позволяющие мне выставить себя на первый план..

— Дорогое дитя мое! По возможности, я шадил эту твою великую, благородную скромность, скромность истинного гения, но что же поделаться с сердцем, которое разрывается от желания крикнуть на весь мир: «Вот он, наша гордость! Вот он, наш спаситель!»

— Пощади же меня, отец!..

В это время Лейянита, увлекла Гени в сторону, тихо шептала:

— Милый Гени, меня утомляет этот шум и блеск. Мои глаза закрываются от нестерпимого света, а сердце трепещет от твоей близости. Мне вспомнился Марс, с его задумчивыми, молчаливыми гротами... Серебряно-опаловые бассейны... Золотой полумрак.... Я хочу быть с тобой вдвоем, Гени...

— Яркая моя звездочка, ты затмеваешь весь этот блеск! — отвечал Гени. — Мы должны примириться с этим неизбежным торжеством, правда, несколько шумным, но вполне искренним. И на Земле мы найдем красоты, не уступающие задумчивым красотам золотистого Марса... Вот кончится торжество и...

— Мое сердце сжимает какое-то предчувствие...

Гени наклонился к своей подруге и шутливо проговорил:

— Не доверяй, Звездочка, такому несовершенному аппарату, как человеческое сердце.

— Гени! — Лейянита с упреком подняла глаза на своего жениха.

— Я шучу, моя радость! Просто ты несколько утомлена.

Влюбленные забыли весь мир, утонув в глазах друг друга.

— Где же это твой брат, милый Кэн? Ты ведь знаешь, Гени? Он твой брат, — прелестное сердце! Ты его полюбишь с первого взгляда, а он тебя любит уже давно. А у его прелестной подруги глаза, как две звезды. Гени, Лейянита, идите сюда! Вот это — Кэн. Мой Кэн, как и вы оба мои, милые дети...

Гени и Кэн бросились друг другу в объятия.

— Видите, какую я вам подстроил романтическую встречу! Что поделаешь, так случилось... Поцелуй же, Кэн, и свою будущую сестру Лейяниту. Ты знаешь, что значит Лейянита? Лейянита — это Утренняя Звездочка. Ты однажды уже наблюдал ее в телескоп, когда разговаривал со мною по люксографу. Ты помнишь?

Кэн перевел свои ясные, чарующие глаза на невесту брата.

«Так вот кто был третий!» — вспомнил Кэн свое недоумение.

Он, спокойно улыбаясь и протягивая к ней руки, смотрел в бездонные глаза марсианки.

Но Лейянита не замечала этого приглашающего жеста. Она слегка дрожала, прикованная неодолимой силой к светлому, лучистому взгляду юного ученого. Ее сердце еще болезненнее сжалось и куда то упало. Предчувствие непредотвратимого несчастья холодной змеей вползало в слабую, детскую грудь.

— Поцелуйтесь же, дети мои, — весело говорил Роне Оро-Бер.

Восковое личико Лейяниты побледнело. Она зашаталась и, поддерживаемая Гени, бессильно склонилась к нему на руки.

Неожиданно близь стоящая толпа расступилась, пропустив бледную девушку с распущенными пепельными волосами, в легких белых одеждах, ниспадающих воздушными складками. Она остановилась перед Кэном, устремив на него голубые печальные глаза. Все с недоумением смотрели на это странное видение. Девушка порывисто подалась вперед и короткий, звонкий поцелуй прозвучал на устах Кэна.

— Вы — наш спаситель! — восторженно произнесла девушка, опускаясь на колени.



— Вы — наш спаситель! — восторженно произнесла девушка.

## ГЛАВА ПЯТАЯ.

### МАРС В ОГНЕ.

Пока Земля торжествовала свою победу, на Марсе разворачивались исключительные события.

Благодаря своеобразной организации союза Ларгомерогов, борьба с ними представляла необычайные трудности для молодого Революционного Совета.

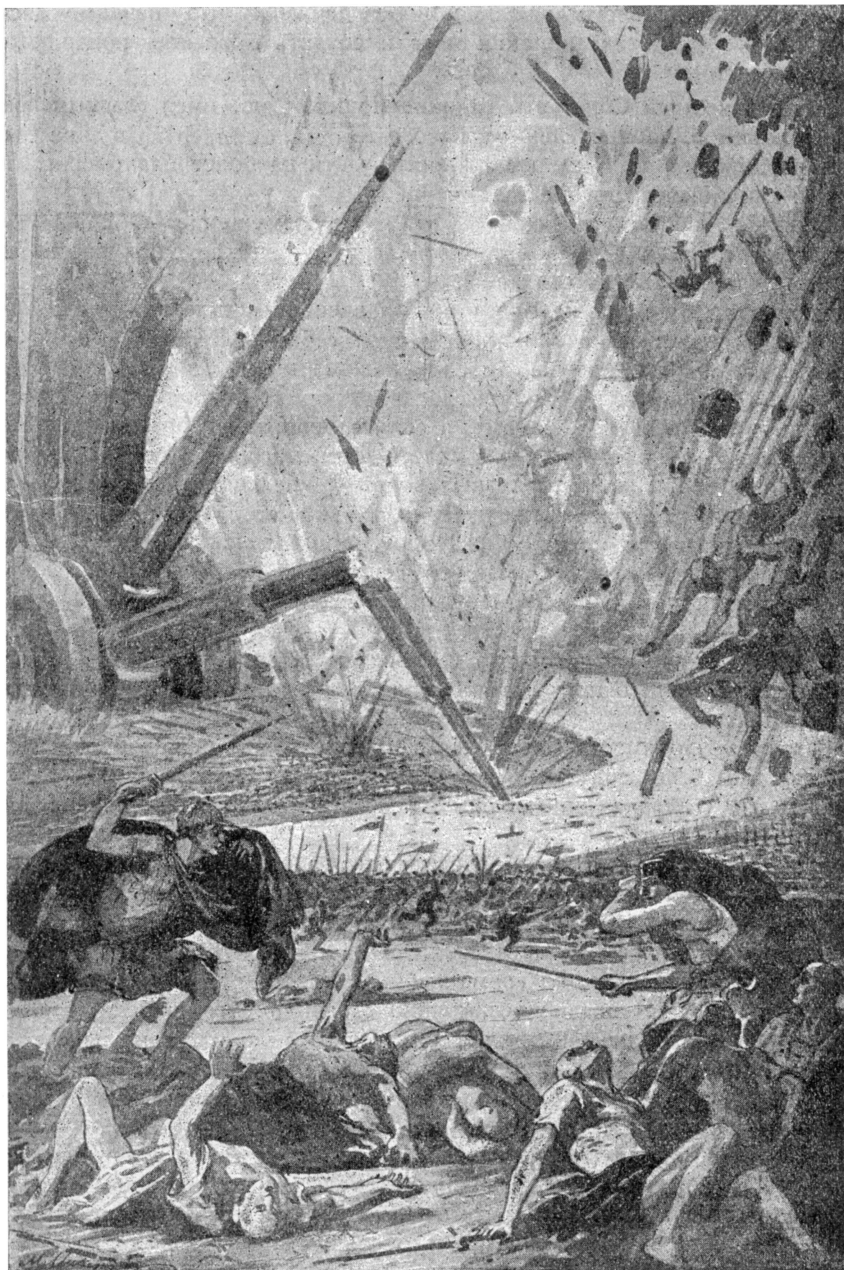
Первое время после вспыхнувшей революции союз, как будто, перестал существовать. Однако, уже по прошествии нескольких дней Ларгомерогии оправились и стали приводить в наличность уцелевшие силы. Как из рога изобилия посыпались террористические акты, — всегда хорошо продуманные и умело выполняемые, таинственные и загадочные, устрашающим образом действовавшие на психологию масс.

Ожесточение с обеих сторон достигало постепенно крайнего предела. Как та, так и другая сторона ставили на карту все. Революционные массы — свою независимость, свободу, право на культурное развитие, Ларгомерогии — свою вековую мечту о восстановлении могущественных тронов, те и другие — право на участие в той великой трагедии, которая называется жизнью. Шансы борьбы были не равны.

Со стороны революции, — прямолинейная отвага, кипучий революционный пафос, готовность открыто жертвовать собой во имя поставленной цели, жажда колоссальной, титанической борьбы, но борьбы честной, прямой, грудь с грудью и лицом к лицу. Со стороны тайного союза, — многовековая дисциплина, изощренная тактика борьбы из за угла, борьбы тайными средствами, без большого риска, без больших потерь, возможность распоряжения неразгаданными средствами истребления, устранение наиболее опасных противников по выбору, систематическая прослойка революционных кадров своими агентами, коварство, провокация, подкуп и измена, измена.

Революционный Совет, начавший свою деятельность мягко и доброжелательно, вынужден был на тайный террор страшного врага ответить террором явным.

Все заподозренные в принадлежности и сочувствии Ларгомерогам истреблялись беспощадно. При такой системе борьбы на одну треть действи-



Гражданская война в сердце Марса.



тельно виновных приходилось две трети ни в чем неповинных жертв. Провокация, как со стороны тайных агентов Ларгомеров, так и со стороны многочисленных противников всякого правового строя, достигла чудовищных размеров; предательство постепенно и незаметно возводилось в систему, расцветало пышным махровым цветом. Это была та наклонная плоскость, которая могла современем довести революционное движение до бездны, дискредитировать его в глазах широких масс и создать обратное, контр-революционное движение.

Революционный Совет это отлично понимал, но, имея главным врагом нечто неуловимое, неопределенное, какого-то *deus ex-machina* в лице Совета Пяти Ларгомеров, не имел возможности выйти на более плановый путь борьбы и изнемогал в погоне за химерой.

Боролись две неравные силы — открытое возмущение, — буйное, кипучее, разящее с плеча, и тайное сопротивление — гибкое, упорное, жалящее тогда, когда менее всего ожидаешь.

Сознавая, что пока не будет обезглавлена таинственная гидра контр-революции, революция может пожрать самое себя, — Революционный Совет назначил колоссальные награды тем, кто назовет имена Совета Пяти. Однако, и эта мера не привела ни к чему, по той простой причине, что почти все члены совета пятидесяти, которому, в силу своеобразной организации Союза Ларгомеров, был известен состав совета пяти, погибли в первые дни революции. Члены больших секторальных советов, уцелевшие от разгрома, подчинились тайным распоряжениям пятерки, не зная из кого она состоит и кем возглавляется. Вторым могучим фактором борьбы ларгомеров являлась вековая спайка всех членов Союза, спайка во имя сохранения класса, которому при всяком революционном строе грозит неминуемая и окончательная гибель.

Каждый из ларгомеров это сознавал и естественно считал назначенную награду недостаточной, чтобы искупить все неисчислимые последствия предательства.

В виду неуловимости Совета Пяти, многие вожди революционного движения склонны были считать его мифическим, несуществующим, созданным воображением, издавна привыкшим трепетать перед таинственным могуществом ларгомеров.

Однако, кошмарный ход борьбы указывал на противное.

На пятый день революции, во время заседания, председатель Революционного Совета неожиданно начал обнаруживать признаки помешательства. Это было приписано случайности.

На следующий день, во время выборов нового председателя, почти все члены совета почувствовали чрезвычайно странную, крайнюю степень нервного раздражения. В начале это обстоятельство было отнесено на счет того общего напряжения, в котором протекала борьба. Однако, к концу заседания нервное возбуждение семи членов начало переходить всякие границы возможного. Принятые успокоительные средства только резче подчеркнули безнадежно пошатнувшуюся психику несчастных, которым врачи предписали абсолютный покой и полное удаление от дел. Все заболевшие выделялись громадными организаторскими талантами и принадлежали к числу самых выдающихся революционных деятелей. Это совпадение указывало на какую-то роковую плановость, заставило предпринять строжайшее обследование печального факта. В результате, в сиденьях и спинках кресел были обнаружены крошечные батарейки, заряженные особого вида химической энергией, быстро и разрушительно действовавшей на мозжечек.

Заседания совета были перенесены в другое, тщательно обследованное помещение.

В тот же вечер вновь избранный председатель Революционного Совета

потерял зрение от ослепительного луча света, брызнувшего из аппарата радиодина, в тот момент, когда он отдавал распоряжение арестовать группу лиц, заподозренных в предыдущем преступлении.

Подобная планомерность в проведении террористической линии заставила подумать серьезно о создавшемся положении.

В одном из подземных городов Марса была назначена демонстрация протеста против безчеловечных жестокостей Ларгомеров. В самый разгар митинга, когда многотысячная толпа с жаром аплодировала оратору, предлагавшему выйти на широкий путь борьбы с контр-революцией и принять меры к поголовному истреблению всех Ларгомеров на основании признака происхождения от древних патрицианских фамилий, — воздух перерезал ряд зигзагообразных молний, унесших огромное количество жертв. Начавшаяся вслед затем паника нагромодила целые гекатомбы тел.

В последовавшей вслед за этим провокационным актом самосуде толпы погибли десятки тысяч жертв, причастность которых к преступлению и к контр-революции вообще вызвала большие сомнения.

Революционный Совет обнаружил в различных местах подданного города ряд тщательно замаскированных смертоносных установок, провода которых сходились в кабинете одного из членов бывшего правительства. Это с несомненностью указывало на связь бывшего совета федерации с преступным союзом Ларгомеров. Члены правительства, в ожидании суда, томилась еще в одном из подземных мест изоляции. Под давлением общественного мнения федерации, суд над членами правительства должен был состояться на следующий день. Ночью в галереях, прилегающих к подземной тюрьме, началось наводнение, все проводники света были перерезаны, а к утру самая тюрьма до верха была залита разжиженной водой, в изобилии выделявшей из себя ядовитые, удушливые газы.

После произведенной выкачки не обнаружено ни одного трупа. Все члены бывшего правительства исчезли.

Дальнейшие события разворачиваются в обстановке нарастающего кошмарного ужаса.

Взрывы и наводнения следуют одно за другим.

Толпа в погоне за Ларгомерами нагромождает горы трупов. Трупы закупоривают подземные галереи. Трупы покрывают поверхность планеты. Опаловая влага каналов превращается в медленно струящуюся кровь. Безответственная анархия принимает в свои окровавленные объятия дело, начатое во имя раскрепощения масс. Слепая паника довершает остальное. С шумом и грохотом разлетаются в прах один за другим колоссальные хранилища запасов пищециуль. Фабрики конденсации питьевой воды перестают действовать. Гигантские машины лежат в развалинах. Федеративные сокровищницы, музеи, глиптотеки, картинные галереи становятся ареной бесшабашного разгула обезумевшей черни. Стовековая культура рушится, гибнет, превращается в прах. Люди с высокоразвитым интеллектом, под влиянием заразного массового безумия, дичают, превращаются в первобытных зверей, питающих стихию ужаса и разрушения. Тьма изначального хаоса принимает в свои объятия ласкающее царство золотого Марса.

Миллионы людей бросаются к воздушным машинам, они осаждают государственные ангары, они крушат все на своем пути, застилая его трупами. Они буруеваемы одним стремлением — вырваться из сжимающихся с каждым часом объятий смерти. Флотилии военных санаэрожаблей становятся достоянием иступленной толпы, парализующей действия военных начальников.

Наконец, отдано распоряжение применить военную силу для подавления попыток самочинного захвата средств вооруженной борьбы. Атмосфера Марса кишит сотысячными стаями искусственных птиц, разрывающих в клочья

друг друга. Стаи, вырвавшиеся за пределы атмосферы, тысячами гибнут в безднах пространства от неумелого управления.

Революционный Совет, проявляя нечеловеческое героизм в борьбе с вышедшей из берегов стихией, изнемогает под тяжестью непосильной задачи.

Вновь организованный Совет Диктатуры работает по восстановлению порядка до полного изнеможения. С возможностью потерять собственную жизнь никто не желает считаться. В критическую минуту наиболее сознательными элементами безраздельно владеет одна идея — сохранить жизнь миллионов, миллиардов человеческих существ, все равно какую ценою, все равно какими средствами. Люди, сознающие ответственность, с наслаждением жертвуют своей жизнью во имя спасения всех.

В течение двух недель Совет Диктатуры, состоящий из 48 человек, дважды потерял всех своих членов.

За этот же срок выловлено неоспоримых членов союза Ларгомерогов свыше десяти тысяч человек, немедленно испепеленных лучами фейлуфа. Вдвое большее количество подозреваемых наполняли неприступные места изоляций. Особые карательные отряды с лихорадочной поспешностью вели дело выяснения их личностей.

Революционному Совету посчастливилось обнаружить секретные списки членов трех подсекторов союза Ларгомерогов, числом свыше двадцати пяти тысяч.

Глухое опубликование самого факта, без указания имен, рассчитанное на успокоение масс, немедленно вызвало взрыв военных мятежей. Некоторые боевые части отказались подчиняться распоряжениям революционного правительства. Последнее обстоятельство объяснялось насыщенностью военной среды патрицианскими элементами, в большинстве — состоящей из Ларгомерогов, в меньшинстве — сочувствовавшей им.

Не зная, какими списками располагает революционное правительство, каждый из ларгомерогов стремился продать свою жизнь возможно дороже.

Одновременно в трех крупных колониях на планетоидах сильными военными группами были предприняты попытки захватить власть в свои руки. В двух случаях попытки увенчались полным успехом, в третьем — контр-революция была подавлена ценою многих жертв.

Революционный Совет вынес тайное постановление постепенно отстранить от командования начальников боевых флотилий старого режима. Постановление, фиксированное в строго-секретном порядке, в тот же день стало известным всем, кого оно касалось.

Некоторые колеблющиеся воинские части немедленно подняли знамя восстания.

Все заставляло предполагать, что в среде Революционного Совета неблагоприятно и что туда проникли Ларгомерог под маской революционных деятелей.

Волны анархии начинали заметно сбывать, благодаря решительным, героическим мерам, применяемым Советом Диктатуры. Среди широких масс населения постепенно водворялись порядок и спокойствие. Зато контр-революционность воинских частей возрастала катастрофически, под влиянием агитации Ларгомерогов.

Боевые силы бывшей федерации Марса резко разграничились на два враждебные лагеря.

Положение заставляло Революционный Совет опасаться за судьбы революции и грозило, быть может, в недалеком будущем, восстановлением прежнего порядка вещей, при коем решающее слово в делах управления федерацией фактически принадлежало даже не выборному правительству, а всесильному тайному Союзу Ларгомерогов.

Революционный Совет, спасая завоевания революции, решил действо-

вать беспощадно и стремительно. Все силы, преданные революции, с быстротою урагана были брошены на мятежные части.

Однако, враги не дремали. Они с яростью отразили нападение и во многих местах сами перешли в стремительные атаки.

Начиналась самая жестокая, самая беспощадная из всех видов войны, известных человечеству, — война гражданская.

## ГЛАВА ШЕСТАЯ.

### СТРАНИЧКА ИЗ ПРОШЛОГО ЗЕМЛИ.

Аэрожабль Роне Оро-Бера, покинув Гроазур, направлялся к островам Атлантики.

В салоне собрались Гени с Лейянитой, Кэн и двое старых ученых.

Был день. Далеко внизу, переливаясь под лучами солнца, как в калейдоскопе, мелькали циклопические постройки, слившиеся в один непрерывный, необозримый город. Воздух кишел встречающими и обгоняющими их воздушными кораблями. Временами снизу доносился неясный гул колоссальных фабрик и заводов.

Старый Нооме в Гроазуре получил известие с Марса, что его любимое детище, его музей-лаборатория, сильно пострадало от бесчинства разнузданной толпы.

Старик был печален. До физической боли в сердце было жаль достижений всей долголетней жизни, проведенной в непрерывном труде, — жаль завоеваний культуры, гибнувшей таким бесцельным, жестоким образом.

— Вечно старая и вечно новая история! — говорил ученый, видимо стараясь ободрить себя. — История Марса насчитывает 350 наших веков. Если принять во внимание, что наш век, построенный на третичной системе счисления, продолжается 99 наших и 190 ваших земных лет, то культура Марса может гордиться весьма почтенной древностью, а именно — 665 земных столетий. Все это вы можете прочесть в мраморных и бронзовых анналах нашего Города истории — Анмароса, который вы, не сомневаюсь, неоднократно и подробно обозревали.

Роне Оро-Бер кивнул головой и продолжал внимательно слушать речь своего коллеги.

— Наша планета находится в более счастливых жизненных условиях, нежели Земля. Это с одной стороны. С другой — людям Марса, моим отдаленным предкам, благодаря целому ряду мероприятий, удалось избежать тех печальных последствий, которые претерпевала Земля через определенные промежутки времени. Я имею в виду так называемые «ледниковые периоды», повторяющиеся приблизительно через 30 тысяч лет, когда медленно сползающие от полюсов лавины льдов сплошным покровом одевают вашу прекрасную родину почти до тропиков, стирая всякие следы культуры на Земле. Наши древние историки и астрономы знают два таких печальных периода. В утешение могу заметить, что как только снова наступал благоприятный момент, наша прекрасная соседка, неизсякаемая в своей потенциальности, немедленно восстанавливала свое утраченное культурное могущество.

Нооме замолчал и окинул взглядом сверкающие далеко под ногами, подобно отполированным зеркалам, озера среди фиолето-голубоватых Альп.

Лейянита, позабыв о всех присутствующих, как загипнотизированная, смотрела в глаза юного ученого, — такие ласковые и вместе такие влекущие, бездонные, как пространство.

Через минуту Нооме заговорил снова:



— И вот теперь мне хотелось-бы напомнить вам те высочайшие достижения человеческого прогресса, те эпохи подавляющей цивилизации, которые пережили некоторые миры, — хотя бы ваша Земля. И все же они до сего дня продолжают существовать. В наших бронзовых скрижалях Истории имеются записи, к которым, впрочем, я лично отношусь с большой осторожностью. Там говорится, что около 60 тысяч ваших лет тому назад, перед первым известным нам ледниковым периодом, человечество Земли, — тогда еще наделенное крыльями, — достигло таких степеней цивилизации, о которых нам, современникам, трудно составить даже приблизительное понятие. Земля находилась тогда в периоде пышного расцвета всех своих производительных сил и обладала, наряду с Луной, десятком других, очень небольших, спутников. Гений ваших предков, вместо того, чтобы возиться, как возимся мы, с искусственными летательными машинами, раскрепостил от уз Земли эти естественные воздушные корабли и пользовался ими в целях сношения со своими ближайшими соседями — Венерой и Марсом.

Каким образом человек Земли шестьдесят тысячелетий тому назад заставлял повиноваться себе даже небесные тела, — для нас это навсегда останется тайной и наша древняя история об этом умалчивает.

Роне Оро-Бер многозначительно взглянул на Кэна.

— Милый Кэн, ты знал об этой любопытной страничке, сохранившейся в летописях Марса? — спросил он сына.

— Знал, дорогой отец, — скромно ответил Кэн.

— Может быть, мой милый брат Кэн догадывается и о тех силах, с помощью которых наши предки заставляли служить себе эти естественные машины? — спросил Гени.

— Я имею кое-какие предположения, дорогой Гени, пока еще не достаточно обоснованные. Поэтому, разрешите мне не высказывать сейчас своих, быть может, вздорных мыслей, — уклонился Кэн.

— Мы слушаем с величайшим вниманием ваши ценнейшие обобщения, мой великий друг. Не угодно ли продолжать, — обратился Роне к ученому Марса.

— В дальнейшем, как гласят наши записи, Земля медленно погружается в ледяную спячку. Культура, завершив свой цикл, постепенно угасает. Человечество совершает обратный ход, оно возвращается к первобытности. Прекрасная Земля на много веков превращается в ледяную пустыню. Наши исторические анналы обходят молчанием этот неинтересный период. Далее, отмечается постепенное таяние льдов. Наклон земной оси значительно выпрямляется, меняется и наклон ее эклиптики. Океаны выходят из берегов и совершенно изменяют очертания суши. Наконец, они находят удобные для себя лежа. Буйная растительность покрывает сплошь вновь рожденные материки. Чудовищные формы живых существ сменяют одна другую. Уцелевший при катаклизме жалкий дикарь тропических стран постепенно расселяется к северу. Его гонит невыносимая жара тропических поясов. Напряженная борьба за существование быстро изошряет его уже искушенный некогда мозг. Борьба с природой оканчивается победой человека. Возникают многочисленные города, обширные государства. Ведутся страшные опустошительные войны. Прогресс несется вперед на крыльях ветра. Возникает единое срединное государство с изумительнейшей культурой. Центр его управления сосредоточивается на том месте, куда мы сейчас направляемся, — это — Великая Атлантида. Атланты безраздельно правят миром. Их могущество простирается от полюса до полюса, на обоих полушариях. Сама Атлантида, смытая последующим катаклизмом, становится местом паломничества сотен вассальных королей.

Люди Марса время от времени посещают своих соседей, в надежде завязать культурные сношения, но, обезпокоенные их воинственными наклон-

ностями, наконец, оставляют атлантов в покое в целях собственной безопасности.

Так проходят несколько десятков веков.

Однажды, как гласят наши летописи, на Марсе появляются неисчислимые массы бледных существ, с длинными белокурыми волосами. Они истребляют огнем и железом все, что попадает на их пути. Мирные обитатели Марса прячутся в свои подземные города и только благодаря чрезвычайному напряжению сил прогоняют воинственных пришельцев. Однако, не надолго. Люди Гооройн узнали путь в золотое царство Мооргоса. Наступает период жестоких истребительных войн между двумя планетами. Техническая культура двух соседних миров достигает небывалого развития. Высший, духовный разум человечества дремлет. Все усилия направлены в сторону истребления себе подобных. Пятьдесят земных веков длится это кровавое безумие. За это время гибнут, обращаются в хаотическую материю, все луны Земли, за исключением одной, и все спутники Марса, кроме двух, погибших уже на наших глазах. Дружные семьи двух планет осиротели. Люди Марса изнемогают в борьбе с воинственным неприятелем. Планета обращается в пустыню. Все живое зарывается в недра Марса и влачит жалкое существование. Но вот, постепенно, напряжение противника слабеет, набег на Марс становятся все реже и, наконец, прекращаются совершенно. Земля постепенно погружается в свой очередной ледяной сон, а культура Марса быстро и плодотворно возрождается.

Это второй известный марсианам ледниковый период на Земле.

Нужно ли говорить, что жители Марса, при следующем пробуждении своей беспокойной соседки, сделали все от них зависящее, чтобы не подать своим исконным врагам мысли о возможности сообщения через безвоздушные бездны? Но, под солнцем все повторяется! Старый мир Земли погиб, погибли и воинственные атланты. Переместились океаны, возникли новые материки. Условия жизни на Земле стали менее благоприятны, но все же не настолько, чтобы задержать стихийный рост культуры. Прошли века, и эта культура вновь достигла апогея своего развития. В одно прекрасное время, всего четыре столетия тому назад, ваши славные предки нанесли нам очередной визит. Мы этого ждали, так как отлично видели предшествовавшие этому попытки завязать с нами сношения посредством сигнализации. Наученные горьким опытом, марсиане благоразумно не отвечали... Наши мрачные предчувствия оправдались только отчасти. В настоящее время мы, как видите, по старой привычке, немного враждуем, однако уже без прежней кровожадности. Будем надеяться, что в дальнейшем гений народов устремится в другую сторону — в сторону совершенствования человеческого духа, а не орудий истребления.

Ученый Марса замолчал. Наступило продолжительное молчание. Люди Земли были, как будто, несколько смущены неуживчивостью своих отдаленных предков.

Наконец Роне Оро-Бер сказал:

— Кто старое помянет, тому глаз вон! — гласит одна древняя пословица. Мы у цели нашего путешествия, дорогой мой друг. Посмотрите, как безмятежно раскинулась наша Атлантика. Где теперь те, чей могучий гений некогда властвовал над ее погребенными в недрах океана материками? Несколько жалких островков — и это все, что осталось нам в наследство от величайшей культуры.

Носители науки двух Миров, дружелюбно склонившись друг к другу, любовались развернувшейся перед ними грандиозной картиной частично восстановленных островов древней Атлантиды, тысячелетия пребывавших под водой.

Кэн, слегка откинув голову и полуопустив веки, витал мыслью где-то

в глубинах пространства. Казалось, юный гений совершенно не замечал окружающего.

Сидевшая напровит Лейянита, неподвижная, как статуя, не отводила своих огромных черных глаз от его бледного лица.

— Лейянита! — тихо позвал Гени.

Марсианка не шевелилась.

— Что с тобой, Лейянита? Ты здорова? Я тебя совершенно не узнаю, моя звездочка, — с тревогой говорил Гени, слегка касаясь руки юной супруги.

Лейянита вздрогнула от этого прикосновения, как от электрического тока. Она как будто только-что пробудилась от глубокого сна и с удивлением огляделась вокруг.

— Где твоя прежняя веселость, моя утренняя звездочка, моя Лейянита? — ласково и грустно шептал Гени.

Лейянита, закрыв лицо руками, неожиданно грухо зарыдала.

— Что с тобой, моя радость? — взволнованно спросил Гени.

Рыдания становились все громче. Через руки, закрывавшие лицо, прорвался сдавленный страдальческий взглас:

— Я... больше... Я больше не Лейянита!..

## ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

### ЦВЕТЫ БЕЗ КОРНЯ.

Над Атлантидой ночь, — синяя — синяя. Сине безбрежное небо с неяркими звездами. Синеет безмятежный океан, обильно залитый лунными потоками. Бежит по водному зеркалу трепещущая серебряная дорожка куда-то в неведомое царство.

Очарована Лейянита этой манящей далью, этой дорожкой, пышно расшитой. Хочется ей ступить на дрожащую серебряную ткань и итти, итти туда, к далекому горизонту, над которым ласково смеется волшебная Солентейя. Уже и темно-зеленые кусты раздвинула руками Лейянита и сбежала к самому океану по отлогому, влажному берегу, и ноги свои занесла на дрожащую дорожку, да вспомнила, что она не в золотом царстве далекого Марса. Там — медленно струится упругая опаловая влага, а здесь — все не так. Голубой воздух гнетет, временами мешая дышать, а голубая вода жадно засасывает все живое и нет сил спастись от ее холодных, цепких объятий.

Печально вздохнула Лейянита, медленно повернула в ту сторону, где испещренные темными кущами странных деревьев, точно дрожат в полусвете сине-фиолетовые горы.

Вышла на широкую поляну, с целыми озерами нарядных цветов, всю залитую лунно-молочной пеной. Пьяным благовонием насыщен воздух, кружится голова от тысячи ароматов. Яркими алмазами сверкает роса на уснувших лепестках. И все вдруг — голубое, незнакомое, пугающее... И сердце трепещет тоской по потерянному раю золотых марсовых грез.

Справа, за гигантскими зелеными деревьями, что-то глухо ворчит, вздыхает глубокой утробой. Отблеск багряный на небе голубом повис. Тонкою струйкою поднимается в высь фиолетово-розоватый дымок. Подумает — подумает — и ухнет, и полыхнут по небу багровые зарницы.

Пробирается Лейянита между деревьями, на-встречу ухающему чудовищу и видит, как где-то далеко-далеко, снопы огня вырываются из гигантской воронки.

«Это Гооройя дышит огнем», — думает Лейянита. — «Сердце замирает... И зачем я ушла от Гени, оттуда, где так тихо, светло и покойно? Гени... Что же случилось?.. Или Гени больше не тот, или Лейянита другая»...

— «Гени!».. — это имя уже не вызывает в сердце прежнего восторга, — мучительно-больно сжимается сердце...

— «Ах!.. Уснуть бы, забыться и не просыпаться больше!.. Нет прежней Лейяниты, где она?»...

Смутно и тяжело на душе у юной марсианки...

Крадучись ползет над океаном, затканым в серебро, полупрозрачная бесцветная машина марсиан. Давно уже она кружит над Атлантидой, над ее островами, одетыми в изумрудные одежды зелени.

Неподвижно застыли в разбавленной серебром синеве шатрообразные вершины гигантских пальм. Стройными иглами вырисовываются темные кипарисы и еще более заостренные, как выкованные из стали, тополя. Задумчиво нахмурились благовонные миртовые рощи. Пестрой мозаикой играют нарядные цветники, смягченные лунно-матовым серебром ночи.

Спят небольшие города отдыха, виллы и дворцы, но не спят в них разучившиеся спать люди. Они наслаждаются иллюзией замороженного спящего царства, они рады отдохнуть от могучего бега жизни, захватившего весь мир в свой клокочущий водоворот. В эти часы ярк-лунного сиянья перед ними воскресают поэтические идиллии древности. Они смутно, иллюзорно переживают те волшебные сны на яву, которыми грезили их далекие предки, отмахнувшиеся от неба, от всего, что отрывало их от нежно-любимой, ласковой груди Земли.

В тихие часы лунных ночей люди изощренной современности, завоевавшие время и пространство, но еще не избавившиеся окончательно от рабства своей нервной системы, — читают в лунном свете легенды седого человечества. Эти легенды записаны дрожащими письменами лунных нитей на глади океана, дымками огнедышащих гор на синем свитке бездонно-звездной выси.

Люди не спят — отдыхают. Они погрузились душой в невозвратное прошлое, грезят о счастье минувшего человечества, влюбленного в свои молчаливые уголки, избегавшего пугающих далей пространства.

Нырнет веселая луна в голубе лоно Атлантики, — и люди Земли сбросят с себя колдовские чары. Они оседлают своих молниеносных воздушных коней и устремятся во все концы Земли и далее — к иным, чуждым Мирам, казавшимся ночью лишь светлыми точками.

А потому машине марсиан необходимо торопиться выполнить свое тайное дело, пока еще грезят в лунных чарах люди Земли.

Бесшумно, крадучись, спустилась она на поляну, охраняемую кипарисами, и застыла, как сонный гигантский зверь первобытного мира.

Видит и знает Гро Фезера все, что творится в окрестностях. Тайна, от которой зависит его владычество над миром, над вселенной, не дает ему покоя. Знает он, не здесь скрыта тайна, но где?..

Рыщут его единомышленники по Земле в поисках тайны. Не торопятся его враги, застряли в этом лунном болоте. А у него неотложные дела на Марсе, требующие его присутствия.

Автор «Гармонии миров», подробно взвесив свой план, решил привести его в исполнение немедленно.

Он отдал распоряжение своему секретарю следить внимательно за окрестностями и вошел в каюту Эолисы.

При появлении Фезера бледное лицо девушки исказилось страхом, она сделала попытку приподняться с кресла.

— Спи! — приказал марсианин. — Ты узнаешь меня?



— Вы — Гро Фезера, — без выражения, как автомат, произнесла девушка.

— Что ты чувствуешь ко мне?

— Страх.

— А любовь?

— Любовь улетела.

Злая усмешка искривила сухое лицо марсианина.

— Чем полно твое сердце?

— Жаждой жертвы и... любовью.

— К кому?

— К нему! К нему! — лицо девушки озарилось восторгом.

— Ты останешься с ним. С Кэном. Ты поняла?

Сомнамбула вся затрепетала.

— Останешься с ним на семь дней. В течение этого времени ты ни разу не вспомнишь обо мне и не произнесешь моего имени. Меня не существует. Ты поняла?

— Да, мой господин. Вас не существует.

— Ты сблизись с Кэном. Добьешься чувства взаимности. Каким путем — это тебе подскажет твое сердце. Когда он тебя полюбит...

На лицо Эолиссы набежало облачко грусти. Она отрицательно покачала головой.

— Этого никогда не будет...

— Верь. Будет! Ты слышала? Я сказал: будет!

— Да.

— Слушай дальше. Ты узнаешь все мысли Кэна. Все его намерения. Все его тайны. Если будет нужно — ты пожертвуешь собой...

— О! Я пожертвую собой! — с восторгом отозвалась Эолисса.

— Да, ты пожертвуешь собой, но не раньше, чем исполнишь мои приказания и передашь мне все тайны Кэна.

— О-о!.. — застонала тихо девушка.

— Ты это сделаешь! — властно приказал Гро. — Слушай внимательно. Кэн построил двигатель, управляющий мирами. Ты узнаешь, где он находится и какая сила им управляет.

Бедная девушка дрожала. Все ее существо протестовало против навязываемого ей предательства. Она сделала последнее усилие и громко выкрикнула:

— Н-не могу!..

Лицо Гро Фезера дышало гневом. Он приблизил к ней свои глаза, мечущие молнии, и глухо проговорил:

— Ты это сделаешь или... Или твой Кэн через минуту перестанет существовать!..

— Я это сделаю! Я сделаю все! — в ужасе закричала сомнамбула.

— Ровно через семь дней, в это же время и на этом месте ты будешь меня ждать. Если Кэн покинет Атлантиду, ты дашь мне об этом знать известным тебе способом. Кроме того, ты забудешь, как ты сюда попала и все, что было с тобой после революции на Марсе. Ты сохранишь в памяти только один поцелуй, данный тобою Кэну в Гроазуре. Ты поняла меня?

— Да, мой повелитель.

— Встань! Дай твою руку! Ты чувствуешь мою волю?

— Я вся полна ею. У меня нет своей воли.

— Иди!

Гро Фезера открыл люк каюты и Эолисса, как призрак, одетый в белые одежды, выскользнула на залитую лунной пеной поляну.

— Аль! С возможной быстротою за пределы атмосферы! — распорядился марсианин.

Смутно и тяжело на душе у Лейяниты. Ушла она из светлых зал, пытаясь убежать, скрыться от незнакомого страшного чувства, бродит по парку, по берегу моря, а страшное чувство томит слабую детскую грудь.

Близко-близко, за кружевом широколиственных кустов вырисовывается контур какого-то чудовища. Или это не чудовище, а гора?

Ближе подходит Лейянита. Осторожно вступила в полосу лунного света. Пошевелилось слегка чудовище. «Дедушка!» — по старой детской привычке хочет крикнуть Лейянита. Но горло сжимается от ужаса и голос не поддается.

Безшумно отделилось чудовище от Земли, сверкнуло своей чешуей, взмыло стремительно к небу и молнией исчезло в бледной синеве.

Бежит Лейянита к далекому дворцу, отяжелевшие ноги прилипают к Земле, сердце усиленно бьется. Зеркало огромного пруда на пути. Опалом отливает, перламутром. Забывает Лейянита предательскую ласковость воды Горойи и хочет перебежать через пруд.

«Скорее, скорее!» — думает марсианка. — «Как тяжело бежать. Сильна власть Земли, гнетет она к себе человека»...

Вот она уже у края пруда, вот заносит ногу, чтобы скользнуть по изменчивой глади воды.

— Куда вы, сестра? Вы утонете! — раздался знакомый грудной голос, — такой ласковый, успокаивающий.

Сильные руки хватают Лейяниту за плечи.

— Я забылась... Мне показалось, я на Марсе...

Кэн задумчиво качает головой.

— Вам не следует, сестра, одной выходить в парк. Тем более, — ночью, когда для взора все так обманчиво. Пойдемте, я отведу вас домой. Брат Гени давно уже ищет вас...

— Гени!..

Сердце укололо у Лейяниты. Неведомое чувство тоски — земное чувство — цепко ухватилось за грудь. Нет сил сдержать подступивших к горлу рыданий.

— Что с вами, сестра? — участливо спрашивает ласковый голос.

Все сильнее и сильнее рыдает Лейянита. На Земле познакомилась она с рыданиями. Не отдает себе отчета, что в душе происходит.

— Я... Я не знаю... Я... умереть хочу!..

Шатается бронзовая статуя, готовая упасть. На скамью посадил ее Кэн. Руку возложил на курчаво-золотистую головку. Легко стало Лейяните, уплыла куда-то тоска, вместе со слезами. А над нею, как музыка, раздаются грустно-ласковые слова:

— Есть такие цветы, сестра, которые, будучи пересажены на другую почву, погибают. Это — цветы нежные, хрупкие, запоздалые. Они боятся малейшего ветерка, они не выносят горячих лучей солнца, они сворачивают свои лепестки от громкоголосого пения птиц. Их жизнь зарождается и умирает в бледном полумраке теплицы, где царствуют покой и тишина. Вы — такой цветок сестра Лейянита. Нехорошо сделали те, что вырвали вас с корнем из родной почвы и бросили в неведомый для вас мир...

Легко Лейяните. Ей кажется, плывет она в золотых лучах легкого эфира, растворилась в его ласкающих объятиях, не чувствует ни тяжести тела, ни шемящей боли в сердце. До скончания миров готова так плыть Лейянита.

— Мне с вами хорошо, Кэн! — просто говорит она. — И чувствую я себя совсем как там, на золотом Марсе...

Грустно качает головой юный мудрец. Знает он также хорошо движения человеческого сердца, как и движения планет в бесконечной пустыне.

— Вы — жена брата, Лейянита... Вставайте, я провожу вас к нему.

Никогда не следует испытывать судьбу, когда она сама посылает нам испытания...

Снова укололо в сердце Лейяниту.

— Я умереть хочу!.. — вырывается стон у юной марсианки.

— Мы все умрем, Лейянита. И мы уже умирали тысячи раз. И вновь родимся, Лейянита. И мы уже рождались тысячи раз. Постепенно совершенствуются чувства наши и постепенно научаемся мы ими управлять.

Глазами, полными слез, смотрит Лейянита и бездонные, бесстрастные глаза мудреца.

— Идемте, сестра. Вы слышите, вас зовет ваш супруг и мой брат, Лейянита.

Марсианка, как зачарованная, с просветленным взглядом, легко идет за Кэном туда, откуда слышатся голоса.

А в стороне, — справа — дышит огнем, ухаает, выбрасывает струи красно-багрового дыма беспокойная грудь Горойи. Слева — простерлись голубые покровы Атлантики. Дрожащая серебряная дорожка бежит вдаль, туда, где медленно склоняется в объятия океана весело улыбающаяся Солентейя.

---

## ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

### БЛЕДНЫЙ ПРИЗРАК АТЛАНТИДЫ.

— Лейянита, звездочка моя, ты вся дрожишь... Не случилось ли с тобой чегонибудь? Мы тебя ищем по всему парку, — говорил Гени с тревогой, всматриваясь в лицо своей юной супруги.

— Нет, ничего... Мне немножко жутко...

— Отчего, звездочка? Посмотри, как дивно хорошо вокруг. Здесь похоже на заколдованное царство. Невольно хочется верить в сказки древнего наивного человечества. Кажется, вот-вот, из-за посеребренных деревьев выпорхнут бесплотные существа и лунная поляна огласится их беззаботным смехом.

— Я не знаю, что со мною... У меня болит сердце...

— Сестра не должна одна бродить по этому неверному, призрачному миру. Свет луны имеет силу поселять в крови безумие, — задумчиво роняет Кэн.

— Дедушка! — Лейянита бросается на встречу приближающимся старым ученым.

— Что с тобой, моя звездочка?

— Тяжело мне, дедушка...

Старик гладит внучку по золотистым волосам и тихо качает головой.

— Твой мир нарушен, звездочка. Ну, ничего, мы это поправим. Скоро мы с тобой отправимся домой, в наши тихие, мирные, спокойные подземелья.

— Ах, нет, нет, дедушка! — испуганно шепчет Лейянита.

— Не хочешь? Тогда мы познакомим тебя с новым прекрасным миром. Здесь, на Гооройе, этот мир, как и ты, называется — Утренней Звездой. Хочешь?

— Милый Кэн, — обращается Роне к младшему сыну, — великий Нооме предлагает еще раз попытать счастья и исследовать жизненные условия Венеры. Прежние наши экспедиции оказались неудачными, в виду сильно-грозового состояния атмосферы нашей Утренней Звезды. Он полагает, что если разрядить сильно насыщенную атмосферу...

— Грозы — естественное состояние прекрасной Венеры, — перебил

Кэн. — Они также необходимы для ее жизненных функций, как голубая атмосфера Земле, как тихий покой золотистому Марсу. В последнее время я много изучал эту планету, много думал над ее жизненными условиями и пришел к некоторым выводам. Жизненные восторги нашей соседки — все бурно-мятежной энергии. В ней еще не перебрадили первичные, буйные соки материи. Она — вся земная. Населяющие Венеру существа должны быть слишком примитивными по своей духовной организации. Восторги тела и плоти владеют всем их существом. Нет, там мы не встретим чудес духа. Меня гораздо больше привлекает загадочный Сатурн, где жизнь духа, доведенная до высшей гармонии, несомненно давно уже творит чудеса, каких не может охватить наш младенческий мозг.

— Следовательно, вы, друг мой, разделяете мнение ваших древних ученых, что чем дальше от центрального светила, тем сильнее проявление творческого духа? — спросил Нооме.

— У меня свои мнения. Они покоятся на основаниях, бывших недоступными наблюдателям древних. Что знали древние о волевой энергии? Ничего. Мы же знаем, что существа, наделенные высшим разумом, способны творить новые миры силою энергии, заключенной в их мозгу. Что они знали о Торосе, заставляющем двигаться в пространство все тела? Они об этой силе даже не подозревали и приписывали движение светил двоякой силе солнц — притягивающей и отталкивающей.

А самые солнца? Они, ведь также, движатся?

Наши предки создали нелепую теорию мирового эфира, о которую, как о каменную стену, разбивались все попытки разума проникнуть в тайны мироздания. Им нужен был более или менее материальный проводник, какая либо среда. Они были далеки от мысли, что самым активным проводником пространственной энергии является пустота Бездны, и что эту пустоту, по всем направлениям, пронизывает нечто изначальное, что обладает свойствами создавать жизнь, миры, вселенные — из ничего!

Ограниченный мозг наших предков допускал развитие жизни только в условиях, близких к жизненным условиям на знакомой им планете. А жизнь неукротима и самопроизвольна. Ею кишит вся безпредельность. Она — всюду и везде, при всяких условиях, при всяких температурах, во всякой обстановке, — но только в различных стадиях развития. И эта жизнь имеет конечную цель. Материя зарождается, видоизменяется и исчезает не бесцельно. Ее конечная цель, конечное стремление — побороть все материальное, грузное, тяготящее бездну, и установить в беспредельности единое царство духа, разума, идеи, — называйте, как хотите. Мы отлично знаем, что оболочка значит меньше всего. Каждый организм силен не тем, что он вещественен, материален, занимает собою какое-то место в пространстве и в том или ином виде вечно будет существовать, — он силен чем-то другим, дающим ему осознать, что он существует. Современем сила Тороса перемелет, переварит все неизмеримые залежи материи, и тогда в пустыне Космоса, — как идеал и конечная цель всего сущего, — настанет Единообразие. Впрочем, на нашем жалком языке пока еще нет слов, чтобы с достаточной ясностью выразить это понятие. Да дело и не в словах, а в примитивном устройстве нашего мозга. Но это еще не значит, что живые существа во всей вселенной так же беспомощны, как беспомощны мы. Творец всего — то, что древние называли Временем, каковое понятие удержали и мы, вложив в него несколько иное содержание. Время — Пространство — Длительность — Бесконечность, — вот то, что ведет все сущее к конечной цели. Я обозначаю это не что словом — Торос. Говорю же это все вам для того, чтобы подтвердить свою прежнюю мысль о Сатурне, существующем в Торосе на несколько миллионов веков дольше, чем Земля, Марс и даже Юпитер.

Кэн замолчал.

Роне Оро-Бер нежно привлек к себе сына и запечатлел долгий поцелуй на его высоком челе.

Лунная поляна, где остановились дети двух планет, была изрезана голубоватыми тенями от задумчивых, стройных кипарисов. Яркая луна медленно сползала к плавно вздымающемуся океану.

Лейянита, сидя в тени на мраморной скамье, беспомощно прижималась к своему супругу. Ее глаза невольно были устремлены на сидевшего напротив Кэна, всего залитого лунными лучами. Юный ученый задумчиво чертил веточкой на песке какие-то фигуры.

Утренняя Звездочка не могла разобраться в своих чувствах и в ее маленьком сердечке царило смятение.

Из рощицы цветущих магнолий, на противоположном конце поляны, появилась высокая, стройная женская фигура, в белых одеждах, с распущенными волосами, похожая в лунном свете на белое привидение.

Все с изумлением следили за приближающимся странным видением.

Женщина медленно приблизилась к Кэну и опустилась перед ним на колени.

Кэн быстро встал и поднял странную гостью.

— Это лишнее, сестра, — сказал он спокойно.

Лейянита порывисто подбежала к бледному призраку.

— Кто вы такая? Откуда вы? Зачем вы явились? — взволнованно заговорила она.

Эолисса перевела на нее голубые, широко раскрытые глаза.

— Кто я? — Эолисса. Откуда я? — Оттуда, — девушка неопределенно указала рукою по направлению луны. — Зачем я явилась? — приветствовать мое божество!

Эолисса снова сделала движение, чтобы опуститься на колени. Однако Кэн предупредил ее намерение и усадил бедную больную на скамью.

— Ваше объяснение несколько туманно, дитя мое, — заговорил Роне Оро-Бер. — Не скажете ли вы более точно, как вы сюда попали?

— Как я сюда попала?.. — Девушка беспомощно схватилась за голову. — Мне кажется... Мне кажется, я спустилась сюда с лунным лучом... Старый ученый невольно улыбнулся.

— Мы охотно допускаем, что вы, дитя, слетели к нам с Луны, но мы не понимаем подобных средств сообщения, — сказал он мягко.

Эолисса заломила руки.

— Я не знаю... не знаю откуда я!.. Я только знаю, что обязана здесь быть! — с тоскою проговорила она.

— Вы не должны здесь быть! — с оттенком недружелюбия сказала Лейянита.

— Сестра Лейянита... Мозг этой девушки затуманен серебряными чарами Солентейн, как у вас называют Луну. Будем снисходительны к этому бедному созданию, — тихо сказал Кэн и, обратившись к Роне, добавил:

— Ведь, мы дадим приют этой несчастной? Не правда ли, отец?

— Да, да, Кэн. И постараемся сделать все, чтобы восстановить ее душевное равновесие.

Тени на лунной поляне удлинялись. Луна сползала к самому океану.

— Я поняла, откуда взялась эта девушка! — вдруг вспомнила Лейянита. — Я видела неподалеку воздушную машину, которая быстро исчезла в пространстве.

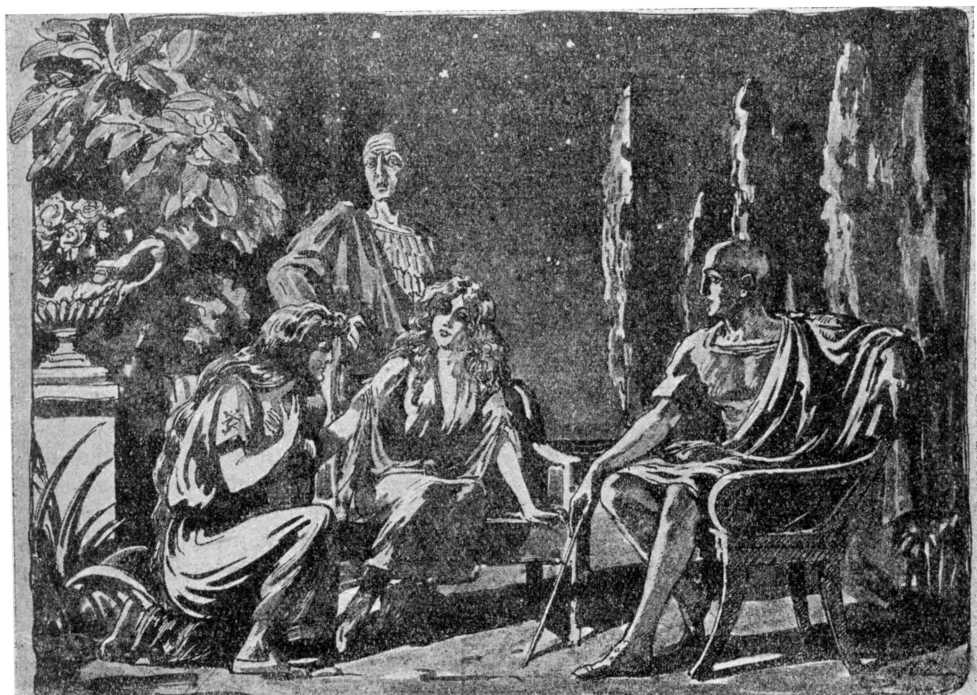
Мушины многозначительно переглянулись.

— Машину? — переспросил Гени. — Зачем сюда попала машина?

— Для меня многое становится ясным, — задумчиво проговорил Роне.

— Дорогой отец, для меня все ясно с самого момента появления этого бедного существа.





Из рощицы магнолий появилась стройная женская фигура и опустилась перед Кэном на колени...

Кэн Роне, сказав это, подошел к девушке и крепко сжал ее руку powyше локтя.

Эолисса слабо вскрикнула и вскочила со скамьи, растерянно оглядываясь вокруг.

— А!.. Где я?.. Что со мной?.. Кто вы такие?.. С тревогой бросала она.

— Вам нечего опасаться, сестра. Вы окружены друзьями!..

## ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

### ГОСТЬЯ ИЗ БЕЗДНЫ.

Она появилась совершенно неожиданно, никем не предсказанная и никем не ожидаемая. Она вынырнула из созвездия Большого Пса. Путь ее, повидимому, лежал к созвездию Офиуха \*).

Первый, заметивший странную гостью, был ученый астроном Эре Обрайн, работавший в обсерватории в Гималаях, вместе с Кэном Роне. Около двух месяцев тому назад метр Эре, между гаммой и дельтой Большого Пса, усмотрел незнакомое небесное тело. Первоначально ученый отнес новую гостью, исходя из ее колоссальных размеров, к разряду загадочных скоплений космической материи, время от времени появляющихся неизвестно откуда и исчезающих неизвестно куда.

Дальнейшие наблюдения показали, что загадочное тело имело в центре ясно видимое, уплотненное ядро, диаметр которого далеко превосходил диа-

---

\*) Змеедержец.

метр солнца. Расстояние от солнца было определено в 9.200 миллионов километров, т. е., далеко за пределами орбиты Вулкана, последней известной планеты солнечной системы. Скорость движения новооткрытого тела была колоссальной и намного превосходила все известные скорости собственных движений небесных тел. По вычислениям метра Эре, эта скорость равнялась пока 1010 километрам в секунду.

В свое время астроном поделился открытием со своим любимцем Кэном, однако, последний, занятый собственными работами, не уделил этому достаточного внимания. Между тем, загадочная гостья приближалась. Через несколько дней она пересекла орбиту Вулкана и вступила в пределы солнечной системы. Возмущения, произведенные непрошенной гостьей в дружной семье планет, уже тогда были весьма ощутительны.

Начать с того, что Вулкан и Нептун, попавшие непосредственно в сферу влияния нового тела, изменили размеренный, тысячами веков устансвившийся темп своего бега. В то время, как Вулкан, несколько раньше пересекший прозектирующийся путь своего нового сочлена, тяжело и грузно повлекся на невидимых возжах новоявленного колосса, претерпевая страшные пертурбации, постепенно замедляя вращение вокруг оси и изменяя наклон эклиптики, — Нептун, путь которого лежал в сторону неизвестного тела, понесся по своей орбите с удвоенной быстротой, ускоряя свое вращательное движение и вытягивая орбиту в сторону бешено надвигающейся неведомой массы материи.

Постепенно закопошились, приходя в расстройство и другие члены солнечной системы.

Люди Земли и Марса, у которых как-то неожиданно выплыло более серьезное дело — сведение счетов друг с другом, — мало уделяли внимания этому небесному явлению.

А между тем, несомненно, что надвигающаяся грозная сила, производя пертурбации в движении колоссов-планет, влияла также и на нервную систему населяющих их существ.

Метр Эре, во время одной из своих бесед с Кэном, высказал ему это свое соображение, и Кэн безусловно согласился с дальнзорким ученым. Это было за две недели до начала войны и Кэн тогда пошутил, успокаивая своего старого коллегу.

— Пока мы, метр Эре, бессильны «выставить за дверь» непрошенного пришельца. Когда же он подойдет ближе и будет нам слишком докучать, мы, несомненно, примем свои меры. В виде утешения пока могу вам сказать, метр Эре, что новооткрытое тело, разумеется, будет носить ваше славное имя. Мы назовем его — Эреида.

Посвященный в открытие Роне Оро-Бер живо заинтересовался редким явлением, но все нарастающая угроза возможной войны вынуждала знаменитого ученого отложить на неопределенное время наблюдения над вторгшимся в систему посторонним телом.

За два дня до открытия военных действий между Землей и Марсом, загадочное тело пересекло орбиту Нептуна.

В самый разгар войны, метр Эре, почти не отходящий от телескопа, заметил позади ядра приближающегося тела постепенно удлиняющуюся полосу слабо светящейся материи.

Сомнений быть не могло. В пределы солнечной системы вступила гигантская, необычайная исключительная по своей колоссальности и скорости бега комета, не имевшая себе подобных в истории астрономии Земли и Марса.

Метр Эре тщательно пересмотрел все каталоги комет, наблюдавшихся как древними: халдейскими, ассирийскими, египетскими, китайскими, так и новейшими астрономами Земли в течение шеститысячелетнего периода и ни одна из них не могла быть аналогичной с открытой им гигантской кометой.



Кэн указывал блестящим острием на канальчики  
мозговых извилин...

Астрономы Марса в течение шестисот с лишним веков наблюдали огромное множество всевозможных комет, среди которых были настоящие колоссы, причинявшие своими появлениями неисчислимые бедствия, и все же комета метра Эре была единственной в своем роде. С достоверностью можно было сказать, что эта блуждающая в необозримых просторах вселенной огненная титанида забрела в пределы солнечной системы впервые и совершенно случайно. Она являлась самостоятельной, независимой попутчицей Солнца в его беге к неведомой цели, скрытой где-то в одной из точек созвездия Геркулеса, граничащего с созвездием Офиуха, но попутчицей гораздо более расторопной и стремительной, для которой бег Солнца с его свитой должен был казаться черепашным шагом, не более.

Рассекая бездны пространства и сотрясая все на своем пути, новая комета, разумеется, не заслуживала того равнодушия, с которым отнеслись к ее появлению жалкие существа на двух крошечных планетках, занятые своими мизерными делами бесполезной борьбы друг с другом.

Эти жалкие существа и не подозревали, что кровавые события, всколыхнувшие их мирное прозябание, навеяны всеподчиняющим влиянием страшной гостки, что их нервная система бессознательно реагирует на ее, еще невидимое невооруженным глазом, появление.

## ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

### К Н И Г А Ж И З Н И.

Круглый белый зал с аркадой легких малахитовых колонн. На колоннах повисла ажурная воздушная галерея, причудливо выточенная из мрамора. Местами в белое кружево мрамора вплетены украшения из порфира, яшмы, нефрита. Высокий сводчатый потолок поблескивает холодной девственной

белизной. Несмотря на обилие камня, в небольшом зале уютно и тепло, располагает к отдыху и мышлению.

Вдоль колонн — целые ряды портативных, не бросающихся в глаза, аппаратов и приборов. Преобладает драгоценный металл — плозос, бледно-голубого цвета. Несколько изящных, игрушечных прожекторов, как будто парят в воздухе.

В вышине сложный прибор с конденсированными лучами холодного горного солнца. Ни окон, никаких других источников света. Горное солнце заливает зал спокойными, немерцающими лучами.

Это — опытный кабинет Кэна Роне на Атлантиде.

На высоком столе из черного нефрита распростерто прекрасное безжизненное тело. С поверженным мрамором схожа неживая красота. Только откинутае назад пепельные волосы, каскадом ниспадающие до самого пола, указывают на человеческое происхождение статуи. Это — Эолисса.

На обнаженные формы стыдливо наброшено пурпурно-красное покрывало, еще ярче оттеняющее белизну этого временно застывшего мрамора.

Вокруг распростертого тела группа спокойных, сосредоточенных лиц. Зеленые окуляры Роне Оро-Бера сняты и лежат тут-же на столике. Он и Нооме низко склонились над телом. Ученый Марса прижимает какую-то пластинку к виску девушки, отчего огромные бирюзовые глаза то открываются, то закрываются вновь.

Облокотившись о колонну, неподвижно стоит Кэн: голова откинута назад, глаза полузакрыты. По всему видно, что мысли юного ученого витают далеко от распростертого прекрасного тела.

— Этим способом я прочел ваши последние мысли, застывшие в хрусталиках глаз, когда вы, мои друзья, в бесчувственном состоянии были доставлены в мой анатомикум на Марсе, — в полголоса объясняет Нооме Роне и Гени. — Если этим кольцом на пальце нажать небольшой бугорок на темени тела, его последняя мысль передается моему мозгу. Вот и сейчас...

Старый ученый прижал кольцо к голове девушки. Глаза открылись.

— Не угодно ли вам, коллега, одеть это кольцо и проверить мой опыт. А я соединю провода. Вам будет ясна мысль, с которой заснула девушка.

Роне выполнил указания ученого Марса.

— Какая мысль доминирует сейчас в вашем мозгу, мой славный друг? — спросил Нооме.

— Постойте, постойте... Дайте сосредоточиться... Если не ошибаюсь — «Через семь дней здесь»... Так?

— Вы правы, мой дорогой друг. Я чувствую мысль несколько распространеннее: «Ровно через семь дней на этом самом месте».

— Это любопытно. Милый Кэн, ты не желаешь познакомиться с этим интересным опытом? — обратился старик к сыну.

— Я? Позднее, дорогой отец, — ответил Кэн, не изменяя положения.

— Теперь дальше, — продолжал Нооме. — Хотя субъект и находится в состоянии летаргии, все же его мозг рефлексивно работает. Постараемся прочесть еще несколько отрывочных мыслей, которые бродят в мозгу, как обрывки облаков в атмосфере.

Нооме возобновил свой опыт.

— И мы с вами, дорогой отец, когда-то подвергались этому интересному опыту, — тихо сказал Гени.

— Да, и были так же беспомощны, как беспомощно это прекрасное тело, — грустно добавил Роне.

Кэн продолжал стоять неподвижно и, казалось, совершенно не интересовался опытом. После целого ряда манипуляций Нооме заговорил:

— Повидимому, воля этого несчастного существа совершенно пода-

влена. Мысли спутаны и неясны. Можно вывести заключение, что они подчинены чьей то более сильной воле. С трудом улавливаются бессвязные отрывки: «Узнать»!.. — «Семь дней»... — «Тайны»... — «Жертвовать собой»... — «Божество»... — «Погибнет»... — «Он приказал»...

Ноомер выпрямился и задумался.

— Весьма странно все. Если бы мы не подозревали в этой странной истории участия нашего старого знакомого Гро Фезера, мы бы, пожалуй, были не в состоянии выяснить роль этой девушки, — соображал Ноомер.

— К счастью, мы хорошо знаем Гро Фезера и безошибочно догадываемся, чьи тайные мысли могут его интересовать, — проговорил Роне Оробер.

Все трое невольно перевели глаза на Кэна.

Юный ученый, как будто приняв какое-то решение, вышел из задумчивости.

— Итак, друзья мои? — полувопросом обратился к ним Кэн, подходя к столу.

— Дорогой Кэн, — заговорил отец, — наш опыт...

— Да, я слышал. Ваш опыт очень медленно подвигается вперед. Посмотрим, не буду ли я счастливее. Не так давно в этой маленькой лаборатории я много занимался исследованиями нервной системы и мозга человека. Позволю себе прочесть вам небольшое вступление. Как известно, человеческое «Я» складывается из некоей суммы мозговых извилин, пробуждающихся к жизни под рефлективным действием особых раздражителей нервных волокон. С помощью известных приемов возможно переродить, так называемый, «характер» любого человека, видоизменить его духовную сущность, построить ее произвольно, по собственному желанию. Для этого потребуется лишь углубить одни из мозговых извилин, проложить заново другие, затушевать, аннулировать третьи, — те, которые приводят к ослаблению воли или психики. Таким образом, после целого ряда усилий, является возможным совершенно переделать то, что когда-то называлось «психологией» человека, создать новое, более гармоническое и совершенно произвольное человеческое «Я!», по своему усмотрению; с теми особенностями, которыми вы его пожелаете наделить. Этот «Номо новус» будет всецело созданием ваших рук. Посмотрим, что собою представляет внутренний мир этой девушки.

Кэн закрыл глаза девушки узкой полоской белой ткани и опустил над головой подвесный рефлектор из голубоватого металла. Горное солнце погасло. Зал погрузился в темноту. Из рефлектора брызнул какой-то странный, неуловимый свет, который можно было бы определить понятием «фиолетовый», если бы это был собственно свет. Это было скорее неуловимое истечение флюидов, которые только по краям светового блика переходили в слабый фиолетовый оттенок.

Кэн регулировал аппарат. Лицо девушки, по мере усиления истечения флюидов, становилось все прозрачнее. Вот верхние покровы как бы потеряли свою материальность, они казались лишь легкой прозрачной дымкой, завуаливающей то, что скрыто под ними. Поток флюидов как бы растоплял все, что попадало в сферу его влияния. Рука Кэна, находившаяся в струе света, казалась прозрачной, как крыло мотылька. Фиолетовый оттенок густел. Волосы девушки стали невидимыми. Черепная кость как бы растаяла. Отчетливо вырисовывалось сероватое вещество мозга, причудливо испещренное бороздками.

Кэн повернул один из рычажков аппарата. Обнаженный мозг неожиданно вырос, стал видимым как бы через сильное увеличительное стекло.

Двое старых ученых и Гени с затаенным дыханием следили за операцией. Кэн вооружился длинным блестящим острием, похожим на большую тонкую иглу.



— Обратите внимание на эти извилины. Волевые импульсы субъекта совершенно отсутствуют. Сильно углублена линия подчинения посторонней воле. Кристально ясны линии духовного порядка. Обратите внимание на эту переплетающуюся сеть мистических устремлений. Странно спутаны извилины привязанностей. В этой области еще не завершена какая-то бессознательная работа. Заметно доминирует короткая, властно проложенная линия, обильно наполненная кровью. Эта линия отсутствует в мозгу всех других существ, кроме человека, и называется линией высшей любви. Рядом зияет извилина самопожертвования. В общем — прекрасные задатки. Богатые качества, так называемого, морального порядка.

Кэн указывал блестящим острием на те или иные канальчики мозговых извилин. Его голос звучал спокойно и ровно. Казалось, какое-то высшее существо не от мира сего, читает раскрытую книгу жизни, книгу человеческих судеб. Двое старых ученых двух различных миров, умудренные колоссальным опытом долгой жизни, проведенной в непрерывной работе мысли, благоговейно молчали перед этим проявлением сверхчеловеческого гения юного существа.

— В настоящую минуту мозг пребывает в состоянии относительного покоя, называемого сном. Перейдем далее.

Кэн сбросил на пол пурпурное покрывало. Перед испытателями лежала обнаженная, полупрозрачная, почти светящаяся статуя, совершеннейшая по формам, беспомощно трогательная в своей одухотворенной бестелесности.

— Прибегнем к услугам светового микроскопа.

Молодой ученый повернул рычаг другого прибора, помешавшегося в ногах живой статуи. Мраморные формы распались. На черном нефрите лежало сильно увеличенное бесформенное тело, все испещренное продольными белыми полосками различной толщины, от солидных разветвляющихся жгутов до тонких нитей, переплетающихся между собой и теряющихся в ткани материи.

— Нервная система, — пояснил Кэн.

Он вынул из складок своего платья небольшой конусообразный аппарат и включил его в прибор, стоящий у изголовья.

— Наблюдайте за мозговым веществом. Сначала проверим работу мозга в его теперешнем, естественном состоянии.

Кэн дотронулся конусом до пятки Эолиussy.

Голубые искры засверкали в мозговой массе, обтекая ее бесчисленные канальчики. По излучинам мозга переливались, вспыхивая и погасая, фосфорические огоньки.

— Хотя это и не деликатно, но нам придется познакомиться с внутренним миром нашей больной без ее разрешения на то. Возьмите эти провода. Вставьте их в уши. Так. Необходимо несколько привыкнуть к шуму крови. Не напрягайте вашего внимания. Плывайте по волнам, так сказать. Слышите ли вы течение посторонних вам мыслей?

Все трое молча закивали головами.

— Старайтесь освоиться с этим новым для вас миром. Дорогой отец, не откажите передать мне то, что вы чувствуете, а вас, глубоко чтимый Нооме, и тебя, милый Гени, попрошу отметить, если бы ваши впечатления не совпадали с впечатлениями отца.

Роне Оро-Бер, как будто прислушиваясь к чьему-то звучащему изда-лека голосу, медленно говорил:

«Как я страдаю!.. Когда кончится этот сон?.. Сон ли это?.. Зачем я не погибла вместе с ними... Бедная мать, бедный отец!.. Марс залит кровью... Как он меня мучает! Но я должна быть признательна... Ведь, он спас мне жизнь... Ах, зачем мне эта жизнь!.. Куда летит эта машина?.. Вы — председатель союза Ларгомерогов?.. Сколько людей! Как светло!.. Ты исполнишь»

что я тебе приказываю... Да... Я вся в вашей власти... От кого зависит успех дела Ларгомерогов?.. От него... Кто он?.. божество... Как его имя?..

Старый учитель замолчал и взглянул на сына. Кэн молча кивнул головой. Все это длилось одно мгновение. Роне продолжал:

«Кэн Роне... Ты его поцелуешь, когда мы будем в Гроазуре... да, повелитель... Опять эта пытка!.. Ты останешься с ним... Если надо, пожертвуешь собой... Да, я пожертвую собой!.. Ради него!.. Но ты узнаешь его мысли... Тайны... Где скрыт двигатель... Не могу!.. Убейте!.. Тогда он погибнет... Нет, нет!.. Я сделаю все!.. Или... Ровно через семь дней... На этом месте... Как прекрасна луна... Нет, он не погибнет... Приветствую мое божество... Любовь для него...

Роне замолчал. Течение мыслей прекратилось, — Кэн разъединил ток.

— Кажется, для нас все ясно, — тихо и грустно сказал Кэн. — Это бедное создание является игрушкой злой воли Гро Фезера. Мы должны ее спасти и от него, и от нее самой.

Кэн снова привел в действие аппарат. Со сверкающими, одухотворенными глазами, — как вдохновенный художник кистью, — он водил металлическим конусом по разветвлениям нервов. Безмолвное тело вздрагивало, мышцы судорожно сокращались. Кэн бросал нервно и отрывисто:

— Сначала укрепим волевые импульсы. Затушим вредные и совершенно излишние привязанности. Потушим рабский дух подчиненности. Разовьем жажду деятельности. Пробудим радость бытия. Убьем наклонность к мистике. Вдохнем сознание собственной силы. Усугубим ощущение красоты. Привьем здоровый взгляд на жизнь. Оставим в том же виде моральные линии...

В обнаженном мозгу девушки кипела фантастическая работа. Мозговое вещество, казалось, пылало, исходя голубоватым фосфорическим пламенем. Очертания мозга заметно изменялись. По целине прокладывались новые бороздки, вытесняя находившиеся рядом. Одни углублялись, другие затушевывались совсем. Нервы вибрировали, как натянутые струны. Все тело находилось в состоянии сильнейшей флуктуации. Покончив с большим мозгом, ученый принялся за операцию мозжечка.

— Кругообразные токи, приводящие в движение нервы, делают несколько тысяч оборотов в секунду, — пояснял Кэн. — Такого количества рефлексов вполне достаточно, чтобы привить нервам способность привычных, произвольных сокращений в дальнейшем. Пути в мозг проложены, зафиксированы до конца дней субъекта. Любопытно взглянуть, что будет представлять собою наше новое коллективное произведение, — перешел Кэн на шуточный тон после нескольких минут сосредоточенной работы.

— Кэн, милый Кэн!.. — только и мог выговорить до глубины души взволнованный старый Роне.

— Дорогое дитя, вы положили начало великому делу пересоздания человечества! — со слезами на глазах воскликнул ученый Марса.

— Слишком долгая и кропотливая работа, высокочтимый Нооме! — улыбнулся Кэн своей обычной нежно-грустной улыбкой.

— Да! — спохватился он. — Чуть было не упустил из вида. Укрепить мысль, которая привела девушку на наш операционный стол: «Ровно через семь дней на этом самом месте»...

Кэн потушил аппараты и включил обычный свет.

На операционном столе лежало прекраснейшее существо. Белый мрамор тела слегка порозовел. Высокая грудь усиленно вздымалась. На полуоткрытых ярких устах играла спокойная, здоровая улыбка.

— Свершилось! — сказал ученый Марса. — Совершенный человек создан гением себе подобного существа.

— О совершенствах нового существа мы будем говорить после его

пробуждения, — снова улыбнулся Кэн, переходя в обычный шутливо-иронический тон.

Гени порывисто поцеловал Кэна. То же сделали отец и Нооме.

— Вы меня совершенно задушили, мои дорогие. Очевидно, у вас слишком развиты извилины восторженности. Надо будет их несколько затушевать, — отшучивался Кэн и, повернувшись к брату, добавил:

— Милый Гени, не откажи позвать прислужниц, чтобы они одели больную и дали ей возможность отдохнуть на более удобном ложе.

---

## ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

### MEMENTO MORI.

Астрономы Земли находились в страшном смятении. Они ни на минуту не отходили от телескопов, направленных на одну известную точку неба.

Исполинская странница пространств, комета, впервые замеченная Эре Обрайном и окрещенная по имени астронома «Эреидой», приближалась гигантскими шагами.

Метр Эре ежедневно люксографировал Кэну и Роне о беспорядках, вызываемых этой непрощенной гостьей в установившейся гармонии солнечного мира. Он умолял ученых, в особенности Кэна, заглянуть в обсерваторию на Гималаях и самим убедиться в необычности явления.

Донесения были точные и обстоятельные, и дышали тревогой.

Однако, Кэн не торопился, считая, что время еще не упущено.

При пересечении орбиты Урана, комета едва не столкнулась с планетой, оказавшейся как раз на ее пути.

Астрономы Земли имели редчайший случай наблюдать, как атмосфера Урана, вошедшая в соприкосновение с мириадами мелких космических частиц, составлявших хвост кометы, загорелась ярким блеском. В несколько часов Уран, обычно невидимый простым глазом, достиг блеска звезды первой величины голубовато-стального цвета. Поблистав в праздничном наряде несколько часов, быть может, впервые за миллиарды лет, Уран начал меркнуть и через двое суток снова стал невидим.

Астрономы отметили колоссальное отклонение планеты от своей обычной орбиты в сторону орбиты Сатурна. Кроме того, не досчитывались одного из четырех спутников Урана, самого ближайшего к планете — Ариэля. Два других спутника — Титания и Оберон — повлекшиеся было вслед за кометой, скоро отстали, под влиянием пересилившего притяжения Урана. В результате, их расстояние от планеты значительно увеличилось.

А комета продолжала свой молниеносный бег. Она давно уже была видима невооруженным глазом на ночном небе, в виде тусклого багрово-красного тела, более яркого к центру.

Диаметр ядра кометы более чем вдвое превосходил диаметр солнца.

По мере приближения к орбите Сатурна, в сильные телескопы был усмотрен прямой хвост кометы, удлиняющийся по мере ее движения вперед.

Сатурн в это время находился в противоположной части своего годового круга, а потому при пересечении его орбиты страшной гостьей не испытал тех возмущений, какие выпали на долю его товарищей.

Путь Эреиды проэктировался в пространстве прямолинейно. Пока еще невозможно было определить, в какой мере Солнце, к которому Эреида приближалась, окажет влияние на изменение прямой ее движения.

Исходя из необычайной скорости бега кометы, можно было заключить, что сила, влекущая ее вперед, находится далеко за пределами солнеч-

ной системы и что тесная семья нашего дневного светила — лишь случайный этап на ее таинственном пути.

С приближением к орбите Юпитера Эреиды стала видимой днем для невооруженного глаза. За гигантским, слегка вытянутым багровым диском тянулась длинная, прямая светло-серая дорога, — как новый млечный путь, перерезавший небесный свод на два полушария.

По вычислениям Эре Обрайна и других астрономов, хвост кометы достигал полмиллиарда километров и по мере приближения к солнцу все удлинялся. Можно смело сказать, что немногим из небесных странниц выпадала честь быть носительницами такого пышного шлейфа.

Колосс солнечного мира — Юпитер — между тем неторопливо подвигался на-встречу непрощенной гостыи, не проявляя ни малейшей поспешности, несмотря на все уменьшающееся расстояние, отделяющее его от кометы.

Возбуждение астрономов достигло своего апогея.

Без опасения впасть в преувеличение можно сказать, что в момент прохождения Эреидой орбиты Юпитера, все астрономы мира буквально перестали дышать в предвкушении вполне вероятной катастрофы.

Роковой момент наступил и... благополучно миновал...

Комета молнией пронеслась мимо, а красавец Юпитер, с прежней неторопливостью перерезал хвост Эреиды и утонул в его млечном сиянии, заваленный густою лунной дымкой. Через некоторое время колосс вынырнул с противоположной стороны, — гордый, величественный, ярко-блестящий, продолжая свою невозмутимую прогулку в просторах вселенной.

Было лишь отмечено необычайное возмущение четырех спутников Юпитера, из которых три по размерам далеко превосходили Луну, а два из них — даже Меркурия.

Через шесть суток стелла-комета должна была пересечь орбиту Марса и направиться дальше, к орбите Земли, но...

Это «но» неимоверным образом смущало всех астрономов. Дело в том, что тысячи самых тщательных вычислений давали в результате одно — в момент прохождения Эреиды через орбиту Марса, последний как раз будет находиться на ее пути.

Столкновение для всех представлялось неизбежным и непредотвратимым. Роковой момент приближался. Даже при самых благоприятных условиях Марсу угрожала страшнейшая опасность. Спектральный анализ, — этот разговорный язык пространств, — указывал на чрезвычайную насыщенность кометного хвоста ядовитыми газами. Если бы каким-нибудь чудом Марсу удалось избежать столкновения, все живое на нем должно было погибнуть, задохнувшись в удушливых испарениях и от страшной жары, излучаемой ядром кометы. Уже сейчас, даже на Земле, чувствовалось повышение температуры на несколько градусов.

Многомиллиардное население Марса стояло на краю могилы, почти не сознавая надвигающейся опасности.

Марсиане в это время были заняты все разрастающейся гражданской войной. Почти все обсерватории лежали в развалинах. Те же, которые уцелели, некому было обслуживать. Астрономы частью погибли от различных случайностей войны и революции, частью укрылись в безопасные места, побросав свои обсерватории. Редкие взволнованные голоса оставшихся на своих постах ученых тонули в грохоте гражданской войны и не доходили до разгоряченного войною сознания.

С Земли на Марс полетели тысячи предупреждающих люксограмм. Они посылались почти непрерывно и всеми — правительством, учеными обществами, общественными организациями, военным командованием, частными лицами, — но в одинаково тревожных и решительных выражениях.

Астро-академия Земли заклинала Революционный Совет прервать на время всякие военные действия, ибо гибель для всех враждующих являлась равно неизбежной, и через очень короткий срок — всего шесть суток!

Федеральный Совет Земли шел еще дальше. Он предлагал предоставить убежище на Земле всем желающим покинуть пределы злосчастной планеты, гарантируя неприкосновенность всех и каждого. В пополнение сильно сократившихся средств передвижения марсиан, предлагалось использовать часть военного флота Земли в качестве транспорта.

Предлагалась даже такая мера, чтобы наиболее упорные в борьбе элементы разделились по признакам принадлежности к одной из двух враждующих сторон и нашли себе убежище — одни — на Земле, другие — на безопасных планетоидах.

Уступая поднятой своевременно тревоге, страсти постепенно начали остывать. Военные действия ослабели и вскоре совсем прекратились. Как то само собой установилось молчаливое перемирие. Революционный Совет беспрерывно заседал, выискивая меры предотвращения катастрофы. Ученым и астрономам была дана возможность вернуться к своим постам. Установились правильные наблюдения за приближающейся кометой. Сотни раз были произведены самостоятельные вычисления, так как вычисления ученых Земли многие горячие головы не доверяли, считая поднятую тревогу уловкой, с целью прекратить борьбу. Однако, и эти вычисления дали те же печальные результаты.

Гражданская война кончилась. Боевой азарт улегся. Ларгомероги приосмирили и не подавали признаков жизни. На полуразрушенной, обреченной планете прогрессирующе нарастала тревога совершенно уже иного порядка, — жгучая тревога всех и каждого за свою жизнь.

Там, в глубинах неба, тускло-красный днем и пылающе-багровый ночью, повис непредотвратимый меч судьбы, напоминая каждый момент в кошмарно-зловещем молчании:

## М Е М Е Н Т О М О R I !

Население панически волновалось. Ларгомероги, верные своей тактике, подготавливали себе возможность бегства.

Революционный Совет день и ночь заседал, выискивая средства спасения.

А неумолимое время шло своей чередой и комета стремительно приближалась...

---

## ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

### У В Р А Т Н О В О Г О М И Р А .

Уступая настояниям Эре Обрайна, Кэн посетил Гималаи и провел в обсерватории двое суток. Тщательно изучив движение кометы и убедившись, что время еще терпит, ученый вернулся на Атлантиду.

Истекал седьмой день со времени появления Эолисы.

В этом бодром жизнерадостном существе никто не узнал бы прежней сомнамбулы. Она и сама не узнавала себя. Девушка уверяла, что это на нее так благотворно подействовал воздух Атлантики, а также милое, предупредительное отношение ее новых друзей. Эолисса восторгалась дивными красотами окружающего мира, строила смелые планы будущего, говорила, что она вступила в новую жизнь.

К окружающим, и в частности к Кэну, девушка относилась с благого-



вейным почтением. Лейяните обожала каким-то детским, восторженным чувством, и готова была жизнь отдать за нее.

А юная марсианка таяла, угасала на глазах у всех. Она сосредоточенно затаила в себе какое-то огромное, нездешнее чувство, и это чувство пожирало ее, подтачивало ее силы. Окружающее перестало существовать для Лейяниты. Она замкнулась в себе и жила неясными отблесками того, что творилось в ее хрупком существе.

Радость жизни, детское, бесхитростное приятие мира, все, чем она была полна прежде, казалось Лейяните жалким, ничтожным, нестоящим внимания. Истинная же жизнь, ради чего стоило смотреть на свет, заключалась в том огромном, всезаполняющем переживании, которое внедрилось в ее детское тельце, раздвинув внутренний мир до крайних пределов.

Первоначальный образ, начертанный в ее сердце, образ Кэна, каким она его знала, постепенно уступал место другому, необъятно-слитному, невещественному, но неизъяснимо прекрасному изначальному образу. Ради его лицезрения только и стоило родиться на свет. Он был везде и всюду.

Встречи с Кэном уже не вызывали в душе марсианки чувства сладкого страха и мучительной радости, как было в первые дни знакомства. Теперь эти встречи давали лишь новый толчок для погружения всего существа в нирвану бесконечного блаженства. Эта нирвана выросла до неизмеримых пределов, из крохотного зернышка несознанной любви, в маленьком, но бесконечно великом сердце Лейяниты.

Она таяла физически. Она растворялась в необъятном внутреннем переживании, была счастлива по своему и не желала ничего иного, как слиться во-едино со своим чувством, угаснуть, умереть, перестать существовать, но только вместе с ним, с этим чувством.

Гени был сильно обеспокоен странным состоянием своей супруги, погружающейся, на его трезвый взгляд, в какую-то болезненную протрацию.

Он посоветовался с отцом и Нооме. Ученые согласились с ним о необходимости немедленного применения самых радикальных мер ради спасения Лейяниты. Возникла мысль произвести над нею операцию, подобную той, которую перенесла Эолисса.

Когда спросили мнения Кэна на этот вопрос, молодой ученый слегка нахмурился.

— Вы находите это необходимым? — спросил он.

— Ты сам видишь состояние бедной женщины, дитя мое, — ответил Роне.

Кэн задумался, потом поднял на них глаза.

— Вы хотите спасти Лейяните? Лейяниты вы не спасете.

— Но Эолисса, мой друг... — начал было Нооме.

— Эолиссу мы не спасли, Эолиссу мы создали. Прежней Эолиссы не существует, как не будет существовать и прежней Лейяниты, какой мы все ее знаем. Это будет новое существо, с иным внутренним миром, с иной душой. Такую Лейяните мы можем создать, но прежняя Лейянита умрет. Останется ее оболочка с новым содержанием. Во всяком случае, над этим необходимо серьезно поразмыслить.

Старые ученые были подавлены неоспоримой очевидностью доводов Кэна и решили более подробно обсудить этот вопрос на следующий день.

Приближалась та ночь, когда ожидалось появление Гро Фезера.

С Эолиссой никто словом не обмолвился о предстоящем ей свидании. Что девушка чувствует, быть может бессознательно, приближение назначенного ей Гро Фезера момента, в этом никто не сомневался. Каждый раз с наступлением ночи девушка начинала обнаруживать признаки беспокойства. Ее жизнерадостная беспечность угасала, она начинала о чем-то задумываться. Бесцельно гуляя по парку, девушка к полуночи неизменно оказы-

валась на том месте, где ученые заметили на песке следы пребывания воздушной машины Гро Фезера.

По мере течения недели, это вечернее беспокойство Эолиссы все возрастало.

Ученые, в целях выяснения намерений председателя союза Ларгомеров, составили собственный план действий.

За воздушным пространством был установлен самый внимательный надзор.

Недалеко от места спуска корабля Гро Фезера, в гроте из густой зелени, был спрятан мощный аэрожабль Роне Оро-Бера. С наступлением седьмой ночи трое мужчин — Кэн, Роне и Гени — должны были дежурить у аппаратов этой машины.

Нооме уговорили остаться возле своей внучки, так как Лейянита была очень слаба и последние два дня не покидала постели.

Там же около подруги, — это для всех было очевидно, — будет находиться и Эолисса, пока внутренний голос не заставит ее подчиниться своему приказанию и выйти с приближением часа свидания к месту встречи с Гро Фезера.

Марсианин ушел из жизни Эолиссы. О его существовании молодая девушка, повидимому, совершенно забыла. Это так и было. Временами в воспоминании Эолиссы всплывал пугающе-жуткий образ Гро Фезера, но она усилием воли отгоняла его от себя. Девушке такие моменты казались обрывками полузабытого, кошмарного сна.

Наступала ночь. Луна восходила поздно, только перед рассветом. Над островами Атлантиды, как отблеск далекого пожара, лежал зловеще-багровый полусвет. Из за далей океана полыхало кровавое зарево. Небо было буро-фиолетового цвета. Звезды мерцали тускло и несмело. Море глухо шумело. Из водной глади вставал какой-то загадочно-жуткий титан, еще невидимый, только вылавливающий вперед себя потоки буро-рдяной крови.

Порозовевший мрамор дворца четко и рельефно выделялся на фиолетово-багровом фоне неба.

Все собрались вокруг Лейяниты.

Она лежала на низком ложе, посреди круглой комнаты из розовой яшмы. Белоснежные покровы ложа еще более оттеняли красоту ее точеной бронзовой головки, такой нежной, трогательной, с пышным ореолом матово-золотых волос. Глаза ввалились и блистали глубоким внутренним пламенем. Тонкий носик слегка заострился и все похудевшее личико казалось полупрозрачным, как будто вылитым из старинного, желтовато-золотистого, драгоценного форфора.

У изголовья сидели — задумавшийся старый Нооме и розовая, брызжущая жизнью, Эолисса.

— Мне так хорошо, я так счастлива, дорогие мои, — говорила Лейянита. — Мне кажется, я попала в какое-то волшебное царство и переживаю зачарованный сон на яву. Это — не розовое царство моего милого Марса и не голубое царство Гооройи. Это — царство, которое находится по другую сторону вселенной и населено никогда не умирающими совершеннейшими существами. Одно из них — мой славный дедушка. Другое — мое счастье Гени, мой великий супруг. Третье — божественный Кэн, кому подвластно это волшебное царство. Четвертое — добрый отец всего сущего, это — вы, мой обожаемый отец, — повернула Лейянита голову в сторону Роне Оро-Бера.

Все молчали, слегка смущенные.

— Ты думаешь, я тебя забыла, моя неразлучная Эолисса? — продолжала Лейянита, глядя руку подруги. — Нет, я тебя потому приберегла к

концу, что ведь ты — мое второе «я», — а о себе неприлично говорить раньше, чем о других.

Эолисса нагнулась и горячо поцеловала марсианку.

Лейянита с беспокойством заглянула в глаза подруги:

— Посмотри на меня, Эолисса... Я вижу в твоих глазах тревогу, чуждую твоему светлому, ясному миру. Вообще, я заметила, темнота ночи подавляет тебя. Ты не хорошо чувствовала бы себя у нас, в бледном мире Марса. А я люблю его золотой полумрак и люблю серебряные лучи Солнцетейи.

— Да, я чувствую какое-то беспокойство, но это пройдет, — оправдываясь, сказала побледневшая Эолисса. — Как будто мне нужно сделать что-то неотложное, а что — не знаю.

Мужчины переглянулись.

— Пора, — шопотом сказал Гени.

— Лейянита, — продолжал он, целуя супругу в лоб. — Сегодня мы оставим тебя, чтобы не утомлять. А завтра ты будешь также весела и беззаботна, как была на Марсе, когда мы познакомились.

Кэн вышел из задумчивости и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Да... пусть будет так!.. — он подошел к Лейяните. — Завтра моя сестра Лейянита будет взапуски бегать за кружевными волнами Атлантики.

Мужчины собрались уходить.

— А ты, мой старый дедушка?

— Я? Я побуду около тебя, Звездочка.

Когда Роне, Кэн и Гени удалились, наступали мягкая, убаюкивающая тишина. Лейянита лежала с широко раскрытыми глазами и, счастливо улыбаясь, казалось, любовалась чем-то, видимым только ей одной.

Нооме сидел с закрытыми глазами и думал.

Только Эолисса нарушала гармонию тишины и замороженного покоя. Она беспокойно двигалась, по бледному лицу скользили тени каких-то мучительных мыслей, в глазах поселилась тревога, все тело вздрагивало мелкой, нервной дрожью. Девушка пыталась вспомнить что-то очень важное, без чего ее поколебленный мир не может притти в равновесие — и не могла. Наконец, она мучительно застонала и закрыла лицо руками.

— Что с тобой, моя дорогая подруга? — с тревогой спросила Лейянита.

— Что со мной? Я не знаю, но знаю... Мне необходимо на воздух... Я должна быть там, где-то, где царит ночь и блещут ласковые огни звезд!..

Эолисса порывисто поцеловала подругу и бросилась к выходу на террасу.

---

## ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

### В СЕДЬМУЮ НОЧЬ.

Ночь безмолвно колдовала. Природа, казалось, вела тайный заговор против поработивших ее людей, выковывала чары, с помощью которых она надеялась вернуть свое утраченное могущество.

По небу плыло тусклое, багрово-красное, огромное тело, — как озеро светящейся крови. Сзади необозримым потоком разливалась зловеще сверкающая река, багряная у расплющенного диска и бледнеющая по мере удаления от него.

Это колоссальное растаявшее солнце стояло почти в зените, тогда как разрезавший небо светящийся поток, изливаясь вниз, терялся за горизонтом.

Небо, море, острова пылали багряным заревом. Исполинская комета затопляла Землю своими колдовскими лучами, тускло-красными и тяжелыми, пронизывала ее насквозь жуткой, напряженной силой, грозила чем-то плохо сознаваемым, роковым и неизбежным, что рано или поздно неминуемо должно притти.

И тогда наступит ослепляющий апофеоз торжества неведомых человеку грозных и мстительных сил.

Посылая скрытые токи энергии, волну за волной, океан мирно-торжественно гудел у закованных в металл и камень берегов.

Полыхало рдяно-багровое пламя вулкана. Жутко хлопотали и ухали, созвучные с океаном, порабощенные, но не смиренные ключи подземной лавы. Они, как будто, ждали властного сигнала, чтобы бурно выплеснуться наружу и начать свою карающую, разрушительную работу.

Прислушивались в молчании к этому ропоту присмирившие деревья. Испуганно закрыли свои сердечки настороженные цветы. Присмирела и пряталась мелкая насекомая тварь.

В зеленом гроте, в чреве машины — искусственной птицы — сидели трое людей, три победителя мира, — сильные, гордые, властные. Они втайне посмеивались над бессильными чарами того, что было давно разгадано, разложено на атомы и электроны, надежно взнуздано непобедимым гением человека.

Слабо светился жемчужный экран. Тихо ворковали чувствительные мембраны замысловатых аппаратов, вбирающих в свои стальные оковы все окружающие звуки, — от угрожающего гула океана — до чиркнувшей во сне цикады, от глухого уханья вулкана — до легкого всплеска ветерком листвы.

— Эолисса вышла в парк, — тихо сказал Гени, наблюдая за картиной местности, отраженной на круглом столе.

Все вооружились небольшими рефракторами. Картина местности выросла, все стало видно, как на ладони.

На большом вертикальном экране мелькнула какая-то тень.

— Подозрительная машина, — предупредил Роне. — Она парит неподвижно и почти невидима в темноте.

— Это они... Гро Фезера, — тихо сказал Гени. — Мы не должны позволить ускользнуть машине.

— Как Эолисса? — спросил старик.

— Я наблюдаю за нею, отец. Девушка быстро направляется к поляне, где мы заметили следы гостей, — ответил Кэн.

Он протянул руку и повернул приемник хаосографа в сторону поляны.

— Машина стремительно падает вниз... Отлично. Мы не дадим ей снова подняться, — сказал Гени.

— Да, если только марсиане не обладают достаточными средствами, чтобы преодолеть силу нашего влияния, — заметил Роне.

— Отец! Это наша машина! Я узнаю ее. Это — флагманский корабль, попавший вместе с нами в плен! — почти закричал Гени, когда машина марсиан спустилась на Землю.

— Дело осложняется, — раздумчиво соображал старый ученый. — Машина обладает колоссальной мощностью и всеми новейшими приспособлениями...

— Тсс... Слушайте...

Эолисса, подгоняемая несознаваемым побуждением, торопливо шла вперед. На пути вырисовывался контур огромного чудовища, слегка тронутого отблеском зарева кометы.

Девушка вздрогнула и остановилась. Как будто завеса спала с ее глаз.

Она вспомнила лунную ночь, себя, одетую в белые одежды, и властный голос ненавистного ей теперь председателя союза Ларгомерогов. Поняла побуждение, выгоняющее ее ночью в парк, и отвращение охватило все ее существо.

«Бежать, найти их, сообщить о присутствии Гро Фезера», — молнией мелькнула мысль.

Эолисса сделала движение повернуть назад, но чья-то сильная рука схватила ее за плечо.

— Что вам нужно? — закричала девушка.

Перед ней стоял Гро Фезера.

— Ты выполнила то, что я тебе приказывал, Эолисса? — угрожающе проговорил он.

Девушка гордо выпрямилась.

— Мне никто не может ничего приказывать, а тем более такой негодяй, как вы! — гневно сверкнула она глазами.

Фезера вздрогнул от неожиданности. Его непоколебимая самоуверенность сразу отлетела. Перед ним стояла не та, прежняя Эолисса, готовая по мановению его руки идти в огонь и в воду, а новая, незнакомая ему женщина, сильная и гордая.

Он близко склонил к ней свое лицо, гипнотизируя ее взглядом. Девушка спокойно выдержала этот взгляд, презрительно смерила глазами с ног до головы своего бывшего повелителя и повернулась, чтобы уйти.

В этот момент стоявшую в стороне машину марсиан сильно тряхнуло.

В отверстии люка появилось искаженное ужасом лицо Аль-Загроо.

— Божественный, скорей сюда, — задыхаясь крикнул он. — Мы в ловушке!..

Гро Фезеро, как сильный зверь, одним прыжком догнал девушку, схватил ее и вместе с жертвой исчез в люке аэрожабля. Люк захлопнулся.

Машина рванулась, захрипела, завывала, поползла, как раненый допотопный зверь, ломая кусты и, наконец, беспомощно закружилась на месте, вздымая тучи золотистого песка. Она гудела и трепетала, пыталась преодолеть неизвестную ей силу притяжения, вырваться из невидимых силков, чтобы нырнуть в пространство.

---

— Но почему машина движется? — волновался Гени, с силой нажимая рычаг. — Она должна или сразу выйти из нашей власти, или остаться стоять на месте неподвижно.

— Это не трудно объяснить, — тоже слегка волнуясь, сказал старый ученый. — Очевидно, секрет управления отталкивающим аппаратом разгадан механиком Фезера только наполовину.

— Я покончу с ними одним ударом! — гневно крикнул Гени, бросаясь к другому рычагу.

Кэн быстро поймал его за руку.

— Брат, — спокойно сказал он, — ты забываешь об Эолиссе.

В этот момент машина марсиан легко отделилась от Земли и молнией ринулась в высь.

— Проклятие! — вырвалось у Гени. — Они освоились с аппаратом!

— И все же не могут от нас уйти. Но мы не должны забывать об Эолиссе.

Кэн перевел рычаг и воздушный корабль, вынурнув из прикрытия, устремился за марсианами.

Комета неслась своим путем и ночь колдовала в красном зареве пожара.

---



## ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

### НАД ВЕРТЯЩИМСЯ ВОЛЧКОМ.

Погоня была подобна урагану. Две свенториевые птицы, как два демона, пожирали пространство, насыщенное кровавыми лучами кометы.

Все попытки марсиан вырваться за пределы атмосферы кончались неудачей. При малейшей попытке взять высоту, машину встряхивало и трепало, грозя сбросить в океан. Гро Фезера чувствовал сзади себя могучую руку, которая, как возжами, сдерживала бег его воздушного коня. Лучевые атаки марсиан, направленные на преследователей, не достигали своей цели. Машина Роне Оро-Бера была надежно защищена и не испытывала даже той качки, которая, как на гигантских ухабах, встряхивала машину марсиан. Гро Фезера и не надеялся на уничтожение противника, он стремился лишь временно вывести его из строя, лишить хоть части преимуществ, чтобы иметь возможность выскользнуть из его невидимых, но страшных объятий. Основываясь на неуязвимости, — ведь, его машина построена тем же Роне Оро-Бером и обладала теми же средствами защиты.

В каютах было жарко и душно. Очевидно, приспособления, охлаждающие корпус машины, не предусматривали такой бешеной скорости в атмосферной среде.

Направление машины Гро Фезера менялось ежеминутно. Глава Ларгомерогов ловкими маневрами пытался обмануть бдительность врага, чтобы так или иначе выиграть крупицу времени или пространства, — что одно и то же.

В машине Роне Оро-Бера все сосредоточенно молчали. Кэн и Гени не отходили от аппаратов. Роне задумчиво смотрел на переливающуюся внизу панораму.

Казалось, будто машина неподвижно висит в воздухе, а внизу бешено мчится гигантская багрово-дымчатая река текучей жидкости.

Быстро миновав Атлантику и буквально перешагнув Панамский перешеек, марсиане по линии экватора понеслись над необозримой гладью Тихого океана. Расстояние между машинами почти не изменялось и они отлично были видимы друг другу.

Гигантская комета стремительно склонялась к горизонту, теперь ее бесконечный хвост пересекал весь небесный свод и казался новым огромным и ярким млечным путем.

Роне Оро-Бер догадывался, что у марсиан по близости имеется какое то надежное убежище, где они, быть может, намерены открыто померяться силами со своими преследователями. Он поделился своими соображениями с сыновьями.

Гени быстро нажал какой-то регулятор. Машина марсиан, перевернувшись, описала в воздухе ряд беспомощных петель и стала падать вниз. Однако, на небольшой высоте над поверхностью океана она выправилась и круто повернула на юг.

— Ты едва не утопил их, милый Гени, — улыбнулся старый ученый.

— Это было-бы самое простое разрешение вопроса, — серьезно ответил Гени.

— Это мы всегда успеем сделать. Сначала мы должны испробовать все пути к спасению Эолисы, — заметил Кэн.

Аэрожабль марсиан снова начал стремительно забирать высоту.

— Не выпускайте их далеко за пределы воздуха. Там борьба будет гораздо труднее, — посоветовал Роне.

— Почему они так круто повернули к полюсу? — слегка удивился Гени.

— У полюса состояние атмосферы благоприятнее. Там ларгомерог,

вероятно, рассчитывает или развить большую скорость, или выскочить в безвоздушное пространство.

Корабли вступили в область южного полярного круга. Внизу развертывалась изумительная картина. Окружая полюс широким полукольцом, в розоватой дымке сверкали миллионы огней. Колоссальные заводы федерации разрабатывали залежи свентория. Доносился глухой отдаленный гул, как отклик далекого грома. Прозрачный воздух был насыщен мягкими лучами встающей луны. Зарево кометы угасало, ее кровавый диск скрылся за горизонтом, родив невиданную зарю в полнеба. Чудовищный хвост, как гигантская змея, извивался между побледневшими созвездиями.

Нигде не замечалось ни малейших следов дыма или копоти. Сверхъестественной величины двигатели подчинялись микроскопическим по своим размерам, но невообразимым по своей мощности запасам конденсированной энергии, — радия, небулия и других движущих элементов. Обработка миллиардов тонн незаменимого металла — свентория, — превосходившего свою твердостью алмаз, — легкостью — алюминий, являлась таким же опрятным и легким делом, как и всякий труд на Земле. Все вредные газы и выделения отводились по колоссальным трубам в подземные, или, вернее, в подводные лаборатории и здесь перерабатывались в различные полезные химические продукты. Ни на что негодные отбросы автоматически выталкивались в океан.

Скоро полукруг огней превратился в правильное кольцо.

Машины неслись над южным полюсом. Из прежних колоссальных ледяных богатств полюса сохранились лишь сравнительно небольшие остатки. Эти остатки льдов сейчас, при свете ущербленной луны и отблеске заходящей кометы, сверкали алмазно-рубиновыми залежами.

Все попытки марсиан порвать невидимые возжи и вырваться за пределы атмосферы неизменно оканчивались неудачей, раза два или три едва не стоившей им жизни.

Перерезав южный полюс, машина взяла направление на север, устремившись через Индейский океан к далеким берегам Азии.

Бросалось в глаза, что Гро Фезера предпочитает носиться над безбрежностью океанов, тщательно избегая густо заселенных материков и проторенных воздушных путей.

Справа всходило солнце. Верхние слои атмосферы порозовели. Луна осталась где-то позади. Зарево кометы погасло и из-за горизонта лишь слабо светился распущенный конец ее побледневшего хвоста. Воздух становился все светлее и прозрачнее. Блестели, умирая в лучах рассвета, две-три звезды. Свет разливался стремительно и победоносно.

— Мне начинает надоедать эта бешеная погоня, — устало проговорил Роне.

— Ах, если бы не Эолисса!.. — Гени мрачно нахмурился.

— Предложи ему сдаться, дорогой брат. Все равно сопротивление бессмысленно, — посоветовал Кэн.

— Да, я последую твоему совету.

Гени по люксографу завязал переговоры с преследуемой машиной.

Солнце вынырнуло из океана и яркое, ликующее утро вступило в свои права.

Две игрушки, созданные человеческими руками, перегоняя небесные светила, с дерзкой отвагой неслись над гигантским вертящимся волчком.

## ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

### СНОВА ГИМАЛАИ.

Гро Фезера считал, что не все еще потеряно. У него был план, для выполнения которого он и направил свой воздушный корабль к гигантским горным кряжам азиатского материка. Марсианин надеялся незаметно спуститься в одном из глубоких горных ущелий Гималаев или Тибета и таким образом ускользнуть от преследователей.

Эолисса, после страшной сцены с председателем союза Ларгомерогов, сидела запертая в одной из кают машины, обдумывая, как бы возможно дороже продать свою жизнь.

В том, что она погибла, смелая девушка не сомневалась.

Глава Ларгомерогов уже несколько раз входил к ней в каюту и подвергал свою пленницу грубому допросу и унижительным оскорблениям.

Снова шелкнул замок. В дверях появилась сутулая фигура поэта. Он, не спуская сверкающих глаз с девушки, молча сделал несколько шагов в ее сторону.

Эолисса выпрямилась, откинув голову назад.

— Вы снова пришли оскорблять меня?

— Ты не сказала мне причины твоей чудовищной измены.

Девушка презрительно усмехнулась.

— И вы решаетесь говорить об измене! Вы, предводитель Ларгомерогов!

— Эолисса, я не советую тебе шутить со мной. Я имею право говорить об измене и о черной неблагодарности к тому, кто спас тебе жизнь.

— Ах, эта жизнь! — заломила руки девушка.

— Ты не только не выполнила своего долга, ты предала меня в руки врагов!

Голос Фезера срывался.

— Это ложь!

— Это правда!

Он задыхался, не в состоянии говорить от душившей его злобы.

— Если бы это не было горькой истиной, за мною не гнались бы враги с целью погубить меня. Только вместе со мной погибнешь и ты!

— Я это знаю. Мы погибнем вместе, — спокойно сказала девушка.

— Вместе? Это служит тебе утешением? — бешенство все более овладевало всем существом Фезера. — Нет, ты погибнешь раньше меня и погибнешь в страшных мучениях. Я сумею заставить тебя перед смертью раскаться в предательстве.

Девушка медленно покачала головой.

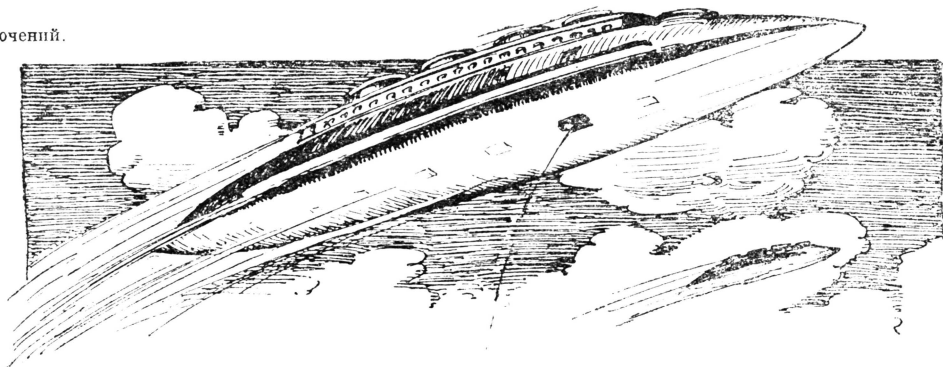
— Я не боюсь мучений так же, как не боюсь смерти. Пусть будет так. Мне не в чем раскаться. Ни одно темное пятно не омрачит воспоминания обо мне среди тех, кто меня знает. Над тем же, кого при жизни называли «божественным» повиснет вечное проклятие, когда люди узнают всю низость его души. И это — «божественный» поэт! Творец «Гармонии миров!» Гро Фезера-Мар! Отныне это имя будет символом злого начала. Этим именем будут обозначать крайнюю степень человеческой подлости, для которой сейчас нет понятия на языке людей!

Гро Фезера насильственно рассмеялся.

— Превосходная тирада. Вполне в псевдо-классическом стиле. Только это не твои слова, это слова твоего любовника, этого мальчишки...

Девушка вздрогнула, как от удара бича. Она сделала шаг вперед и молча плюнула в лицо оскорбителя.

Марсианин завыл, готовый броситься на Эолиссу.



На пороге появился Аль Загроо.

— Божественный, они вызывают вас для переговоров.

— Что им нужно от меня? — в бешенстве крикнул Гро.

— Они настаивают, чтобы мы выдали им эту девушку...

Поэт молчал, тяжело дыша и бросая уничтожающие взгляды на свою оскорбительницу.

— Что им ответить? — напомнил секретарь о своем присутствии.

Гро Фезера, приняв какое-то решение, неожиданно расхохотался.

— Ответь им, Аль, что они получают эту девушку! — отчеканивая слова проговорил марсианин. — Получат! Пусть только следят внимательно. Ступай!

Аль Загроо исчез за дверью.

Автор «Гармонии миров» весь содрогался от душившего его беззвучного смеха.

— Да, да!.. Они получают эту девушку. И даже раньше, чем могут рассчитывать!..

Марсианин сделал прыжок и вцепился длинными пальцами в горло Эолисса.

— Убийца!.. — успела крикнуть девушка.

Гро Фезера одною рукой сжимал горло жертвы, а другою торопливо шарил в обшивке стены.

— Здесь...

Он придавил обессилившее тело к стене и нажал кнопку. На миг взметнулись развевающиеся складки платья и Эолисса пропала, как будто растаяла на месте.

Гро Фезера стоял один посреди опустевшей каюты и содрогался от охватившего его хохота.



Выброшенная из аэрожабля Эолисса была похожа на чайку с подбитым крылом...

— Фезера не пожелал подойти к аппарату. Он велел передать, что мы скоро получим свою Эолисса, — сообщил Гени результат переговоров с марсианами.

Кэн, внимательно наблюдавший за передней машиной, замедлил ход. Отделившись от аэрожабля, мелькнуло что-то белое...

— Они выбросили что-то белое...

Три рефрактора разом направились вниз, где под лучами солнца переливался зеленоватый океан.

— Это Эолисса! — крикнул Рени.

Аэрожабль ринулся вниз, нагоняя падавший белый комок, напоминавший большую чайку с подбитыми крыльями.

Все произошло в несколько секунд. Аэрожабль с разбега почти коснулся поверхности океана. Подбитая чайка у самых их ног упала на гребень



волны и, сверкнув в воде своими белыми крыльями, навсегда исчезла в пучине...

— Какое варварство! — в негодовании воскликнул Гени.

— Какая жестокая гнусность, скажи лучше, дитя мое, — дрогнувшим голосом проговорил старый ученый.

— Бедная девушка!.. — Кэн, закрыв глаза, дотронулся рукою до лба, как бы желая навсегда запечатлеть в памяти этот печальный момент.

— Теперь мы избавлены от необходимости щадить негодея!

Глаза Гени сверкали гневом. Он полным ходом пустил машину. Все с напряженным вниманием, через рефракторы, всматривались в пустынное, безбрежное пространство.

— Они уже исчезли из поля зрения!

— Но ведь не прошло и минуты!..

— Я вижу точку в направлении Цейлона...

Наступила томительная тишина. Машина, наверстывая упущенное время, неслась с быстротою молнии.

— Да, это они, — после тщательного наблюдения сказал Кэн.

— Точка увеличивается. Они изменили свое намерение выйти из атмосферы, — говорил Гени, не отрывая глаз от рефрактора.

Внизу промелькнул ярко-зеленый Цейлон. Машины мчались в берегам Индии. Аэрожабль Роне пожирал пространство, постепенно восстанавливая прежнюю дистанцию.

Во избежание столкновения с встречными воздушными кораблями, которые начали попадаться все чаще, пришлось и самим подняться в разряженные слои атмосферы, и марсианам позволить то же самое.

Скорость все увеличивалась. Внизу, как в калейдоскопе, замелькали феерически красивые, сказочные города Индостана. Расстояние между машинами заметно сокращалось.

— Погрей-ка их немного, Кэн, чтобы отнять всякую надежду ускользнуть от нас, — посоветовал Роне сыну.

Кэн, выйдя из задумчивости, неохотно взялся за рычаг.

— Мне неприятно всякое варварство, чем бы оно ни вызывалось, — тихо говорил Кэн. — Я не мог бы решиться уничтожить даже такого вредного человека, каким является Гро Фезера. Мы должны избежать причастия к его гибели. Необходимо обезвредить его каким-то другим способом.

Населенные местности остались позади. Машины снова снизились. Внизу крутыми террасами вставали горные края, один другого выше, один другого величественнее.

Машина марсиан вступала в область Гималаев.

— Они взяли направление на Гауризанкар, — вдруг заволновался старый ученый. — Они не подозревают о постоянных радио-токах, обтекающих запретный район наших лабораторий. Они погибли!

— Этого не должно случиться, я должен их предупредить, — решительно проговорил Кэн, бросаясь к люксографу.

Но было уже поздно.

Аэрожабль Гро Фезера, попавши в невидимую цепь тока, стремительно завертелся в воздухе, образовав один сверкающий круг. Через мгновение, вспыхнув шарообразной молнией, машина марсиан ринулась вниз на утесы, оставив позади себя огненную полосу на подобие кометного хвоста.

— Нам больше нечего здесь делать... — тихо сказал Гени, после минутного молчания.

— Право, я начинаю верить в какой-то таинственный, неведомый нам закон возмездия, — заметил Роне.

Кэн повернул к старику спокойное, немного бледное лицо.

— Закон возмездия? Возмездие, дорогой отец, это то, чего хочет наиболее сильная воля, или совокупность волей.

Воздушный корабль возвращался к Атлантиде.

Прошло около часа в полнейшем молчании. Каждый был погружен в свои думы.

— А все же Гро Фезера-Мар под конец жизни попал туда, куда были направлены все его стремления, — сказал наконец Гени, намекая на обсерваторию Кэна в Гималайских горах.

— Да! Но только не совсем удачно, — добавил Роне Оро-Бер.

## ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

### ШВЫРЯЮЩИЙ МИРАМИ.

С тяжелым чувством беспокойства приближались путешественники к Атлантиде. На неоднократные вызовы по радиографу от Нооме не было никакого ответа.

Наконец, снизившись около дворца, Гени стремительно бросился в комнату Лейяниты. Кэн и Роне последовали за ним.

На белоснежном ложе неподвижно покоилась бронзовая головка, с заостренным прозрачным личиком.

Рядом, в позе безысходного отчаяния, сидел старый Нооме.

Он медленно поднял голову на-встречу вошедшим и тихо, как бы боясь разбудить свою любимую внучку, срывающимся голосом проговорил:

— Утренняя звездочка закатилась!..

Гени в безмолвном отчаянии прильнул к трупку своей юной супруги. Кэн и Роне стояли бледные, глубоко потрясенные тяжелой картиной смерти.

— Дорогой отец! Милый брат Кэн! Неужели нельзя спасти этого ребенка? — прерывающимся голосом умолял Гени. — Великий Нооме, вашему могуществу нет пределов! Неужели ваше безграничное знание не в состоянии вернуть из небытия вашу любимую внучку, нашу дорогую Лейяницу?..

— Лейяница перешла за черту, где кончается всякое человеческое



Машина Гро Фезера ринулась на утес, оставив огненную полосу на подобие кометного хвоста.



искусство, — печально сказал старый ученый Марса. — Ее слабое детское сердце истекло в огне величайшего чувства, называемого любовью...

Он поднял глаза на Кэна. Юный ученый скорбно поник головой.

— Ее последним желанием было вернуться в царство любимого ею золотого Марса, покоем вечным сном около меня, в стеклянном гробу, там, где журчат опаловые струи водопадов. Ее последняя мысль была... о всех вас. Бледный цветок Марса не вынес насыщенного солнцем воздухом голубой Гооройи...

Время шло. Комета с прежней скоростью приближалась к орбите Марса, который, слегка ускорив свое движение, под влиянием притяжения колоссальной массы, поспешно стремился на-встречу своей гибели.

Этот роковой момент должен был наступить через 48 часов.

Паника населения планеты переходила в безумие. Способность логически мыслить и здраво рассуждать была утрачена почти всеми. Немногие люди, сохранившие спокойствие, ничего не могли поделать с обезумевшей массой. Отправление транспортов на Землю и на планетоиды встречало колоссальные затруднения. Воздушные корабли брались с боя и, переполненные сверх всякой возможности, теряли способность управляться, вследствие тесноты. Катастрофы воздушных судов стали обычным явлением. При малейшей попытке установить порядок при посадке, миллионные толпы народа крушили в прах, разносили по кусочкам драгоценные средства сообщения. Изумительные государственные сооружения гибли в огне по капризу отдельных обезумевших личностей. На всякие увещания был один ответ: «Все равно, все погибнет через двое суток!». Человеческая жизнь потеряла всякую цену. Люди массами гибли по жестокому минутному капризу себе подобных и по собственной воле, чтобы только покончить с невыносимым чувством ожидания мировой катастрофы. На улицах и площадях, при дневном свете, на глазах у миллионной толпы, происходили чудовищные, разнузданные оргии, превосходившие по своему бестыдству всякое воображение. Обезумевшие люди, обуянные манией убийств, занимались истреблением детей, выпущенных из школ и пансионатов социального воспитания.

Зловещая планета утонула в крови. Стоны и вопли избиваемых, безумные крики убийц, сливались в один сплошной, адский кошмар. Зверь в человеке, подавляемый многовековыми наслоениями культуры, проснулся и мстил за свое угнетение. Еще месяц тому назад любой из участников этих кровавых оргий самую мысль о допустимости чего-либо подобного назвал бы бредом сумасшедшей фантазии. Ныне этот чудовищный фантом владычествовал над обнаженным от культуры миром. Плоды пятьсотвековых достижений сдуло в несколько часов кошмарным дуновением безумия. С результатами астрономических вычислений были знакомы все и никто не надеялся на чудо спасения.

Когда всеми имеющимися в наличии средствами извещения по лицу обезумевшей планеты были брошены несколько успокоительных слов, им никто не поверил, считая извещения за мистификацию.

Эти извещения гласили:

**«СПОКОЙСТВИЕ И ПОРЯДОК! ВСЯКАЯ ОПАСНОСТЬ МИНОВАЛА!»**

На это первое извещение толпа ответила новыми разрушениями и новыми убийствами.

Все уцелевшие радифоны общественного пользования завывали на разные голоса во всех местах скопления масс:

— Граждане! спокойствие! Революционный Правящий Совет призывает к благоразумию! Опасность столкновения с кометой устранена окончательно! Правящий Совет ручается за это своею жизнью! Комета пройдет на значительном расстоянии от Марса, она уже изменила свой первоначальный путь! Призываем к спокойствию и порядку! Малейшие эксцессы, вызывающие нарушение мирного течения жизни, с этого момента будут подавляться беспощадно вооруженной силой. Вызываются добровольцы в кадры охраны порядка. Лица, обнаружившие неповиновение настоящему распоряжению, будут подвергаться смертной казни на месте. Повторяем, всякая опасность миновала!

Правящий Революционный Совет Федерации».

Кошмар прошел. Безумие изжило себя. Люди пробудились от горячего бреда. Никто еще не знал, каким образом произошло чудо, но все постепенно проникались всколыхнувшейся жадой жизни и готовностью искупить моменты кровавого безумия какою-угодно ценой. Пробудившийся человеческий разум торжествовал.

Немногие астрономы Марса, уцелевшие во время паники, произвели новые вычисления и с радостью заметили, что путь виновницы безумия отклонился далеко в сторону.

Вечером на фоне неба, залитого заревом кометы, ярко блестели гигантские световые плакаты:

#### ОТ АССОЦИАЦИИ АСТРОНОМОВ МАРСА.

Комета Эреида, направляясь к орбите внутренних планет, пересечет годичный путь Марса на расстоянии 500.000 километров, справа от планеты, завтра, в 22 часа 13 мин. 27 сек.

Ни одной из планет солнечной системы не угрожает ни малейшей опасности.

Кэн и Роне уже двое суток находились в Гималайской обсерватории. Роне и метр Эре за все это время ни на секунду не покидали наблюдательных постов у гигантских телескопов, Кэн — не отходил от своей мощной машины, утилизирующей энергию инерции небесных тел. Тот, в чьих руках находилась судьба Марса, был молчаливо-сосредоточен и слегка волновался за исход своего сверхчеловеческого предприятия. Дело в том, что удельный вес колоссальной кометы не поддавался точному определению. Пущенная полным ходом «машина инерции» в течение первого часа показала отклонение кометы со своего пути всего на 200 километров. В следующий час эта цифра выросла до 140.000 километров. Кэн торжествовал. Его вдохновенное лицо светилось внутренним светом, в глазах блистала гордость всепобеждающего разума.

Он вызвал отца и метра Эре.

— Дорогой отец, мы с вами одержали неслыханную победу! Метр Эре, я позволил себе лишиться вас славы быть виновником гибели нашего недавнего противника. Гигантская комета, ваша чудовищная крестница Эреида, испугалась вот этой микроскопической штуки, этой ребяческой игрушки, называемой «машиной инерции». Да здравствует метр Эре и спасенная нами планета!».

В избытке нахлынувшего чувства, Кэн бросился к старикам, готовый задушить их в своих объятиях.

— Милый отец, мы с вами можем умереть спокойно. Наше назначение на сей планете выполнено! Пусть, кто может, сделает больше, продолжает

начатое нами дело раскрепощения человеческого гения от пут стихийной космической силы!

— Умирать? — весело воскликнул Роне Оро-Бер. — Я еще не собираюсь умирать. Мы еще поживем, мой славный Кэн! Как только восстановится несколько спокойствие на Марсе, наш Нооме отправится в свою лабораторию, чтобы продолжать замечательные работы над великой проблемой преодоления распада тканей живых организмов. Я горячо верю в гений нашего друга и пророчу ему небывалый успех.

— Да, кстати о Марсе. Метр Эре, возьмите на себя труд люксографировать революционному правительству о том, что всякая опасность для них миновала. А астрономам Марса предложите усилить их наблюдения над вашей крестницей и высчитать поточнее степень отклонения ее направления. По указанию моего автометрона, это в данную секунду равняется... — Кэн взглянул на аппарат. — равняется... ого! Уже 240 тысячам километров.

Когда тело Лейяниты отправляли на Марс, Атлантида сверкала, вся залитая лучами солнца. Тысячи машин торопливо чертили воздушное пространство. Обычная деловая жизнь федерации Земли давно уже шла своим порядком. О недавней страшной войне ничто не напоминало. Все разрушения, произведенные борьбой, были восстановлены. Человечество на некоторое время вновь обеспечило себе возможность пользоваться плодами мирной культуры и двигать прогресс по пути его дальнейшего совершенствования.

Паника марсиан, вызванная приближением кометы, улеглась. Эренда, миновав благополучно орбиту Марса, с головокружительной быстротой неслась далее. Кэн Роне время от времени подходил к своей изумительной машине и слегка изменял направление случайной гостыи, оберегая планеты системы от опасности познакомиться с ее зловредным хвостом.

Гений человечества торжествовал. Народы Земли и Марса готовили праздник всемирного чествования Человеческого Гения в лице того, кто сумел подчинить своей власти судьбы миров.

Кэн Роне слегка морщился от предстоящего ему сомнительного удовольствия...

К О Н Е Ц.





С английского, пер. Марианны Матвеевой. Иллюстрации П. Василенко.

В скитании по свету наберется много безделушек, ценность которых заключается в том, что они напоминают нам давно забытое. Разбирая перед поездкой за границу свой письменный стол, я нашел в одном из его ящиков ежовую лапку на потускневшей серебряной цепочке. Я добыл ее в Сахаре и с ней была связана следующая история.

В пустыне Сахары пользовался большим влиянием тамацинский марабут — мусульманский священник — Эль-Айд-Бен-Али-Тиджани. Слава о нем гремит от Туниса и Алжира до севера и юга Африки и даже до страны туарегов. Живет он в доме, в котором собрано много европейских вещей: часов, музыкальных ящиков, различных столиков, диванов и кресел. Ему прислуживает много раболопных слуг и лстыивых жен. Почитатели забрасывают его подарками: верблюдами, нагруженными зерном, ослиами, сгибающимися под тяжестью мешков с серебряными вещами; страусовыми перьями, благовонными маслами, голубями и стройными сернами. Жирное тело марабута было окутано шелками цвета увядшей зелени.

И вот этот марабут благословил однажды ежовую лапку, которой теперь владею я, и наделил ее чудесными целебными свойствами. Он сказал, что от прикосновения этой лапки будут исчезать все болезни, постигшие женщину. Он дал ее одному благочестивому мусульманину, получил за нее много ценных вещей и позабыл о ней.

Прошло некоторое время и эта лапка попала к Халиме-танцовщице из Тупурты. Трудно объяснить, как это случилось, но благочестивые люди в по-

гоне за наслаждениями часто жертвуют своими священными реликвиями. Халима была молода и прекрасна. Улыбаясь своими большими черными глазами, с золотым обручем на голове, украшенным перьями, она танцевала восточные танцы. Ее красота и искусство, с каким она исполняла танец «рук» и «обмирания», доставляли много тревог и страданий женам правоверных.

Однажды Халима вышла танцевать с этой ежовой лапкой, висевшей на поясе, горевшем тысячами ярких огней. Ее поступок вызвал в городе страшное возмущение. Всем жителям было известно, что великий марабут благословил эту лапку. Показывая ее подругам, Халима с гордостью заявляла, что владеет вещью, которая дороже драгоценных рубинов, багдадских ковров и тканей, расшитых шелками. Танцовщицы с алчной завистью смотрели на эту лапку своими прекрасными черными, как ночь, глазами, и благоговейно протягивали к ней свои разрисованные руки. Народ роптал, что подобная вещь



Марабут.



Халима танцевала...

находится в руках презренной танцовщицы, бесстыдно показывающей свое лицо жандармам и зуавам.

Только один Бен-Абид презрительно улыбнулся, когда услышал эту новость. Он служил певцом при кофейне курильщиков гашиша, был развитее других и симпатизировал европейцам. Почти каждый вечер, легко перебирая струны гитары, он пел песню о прекрасной Лелии, курильщики подтягивали ему, а юноша Ларби в куртке зуава, в коротенькой юбочке, танцевал и кружился точно видение из волшебной сказки.

— Если Халима заболит, — улыбаясь сказал Бен-Абид, обнаруживая в улыбке ряд ослепительных зубов, — она все равно умрет — лапка ее не спасет.

Мальчик из кофейни сейчас же побежал в город и все там рассказал.

Халима пришла в бешенство, услышав это. Сомнение в чудесных свойствах ее лапки потрясло ее душу. Она вышла на террасу кафе, около которой под горячим солнцем сидели зуавы и играли в кости, и стала проклинать Бен-Абида. Она назвала его отродьем скорпиона и молила Аллаха наказать всех его родных, не пощадив даже его бабушку.

— Пусть он придет, — кричала она — этот верблюжий сын, и я плюну ему в глаза!

Зуавы и танцовщицы смеялись, но в

смехе последних было много злорадства: в Сахаре женщины не прощают превосходства одной над другими.

В Тупурте все сплетни передаются из дома в дом с такой же быстротой, как песчинки, разносимые ветром. Через час Бен-Абид, узнав о том, что Халима прокляла его бабушку, а его назвала скорпионьим отродьем, спокойно сказал, что сегодня придет к ней. И как только на землю спустились сумерки, Бен-Абид, закутавшись в бурнус, тихо вышел из кофейни. Он пошел к одному человеку, живущему в квартале негров, по имени Садок. Садок был худ, как высохшая мумия, и желт, как пергамент. Он был известен тем, что глотал живых скорпионов. На стук Бен-Абида из двери вышел полуголый, всклокоченный Садок.

— Брат мой, — сказал Бен-Абид, — мне нужны три скорпиона и один из них должен быть черный. Я заплачу тебе за них.

Глаза Садока загорелись алчностью, и он поспешно протянул свои грязные руки.

— Деньги ты получишь, когда принесешь их в кофейню, где танцует Халима.

Садок быстро побежал к старой, развалившейся мечети. Поиск в двух-трех местах, он вытащил из-под одного камня трех скорпионов. Один из них был черный.

— Вот получи их и давай деньги, —

сказал Садок, протягивая их Бен-Абиду.

Тот в ужасе отскочил.

— Неси их в кофейню и спрячь их так, чтобы никто не видел.

Садок скрыл скорпионов на своей лысой голове под чалмой, и они пошли пустынной улицей по направлению кофейни. Там было шумно. Пели флейты и ждали выхода Халимы. Бен-Абид вошел во двор, куда выходили комнаты танцовщиц.

— Позовите мне Халиму, пусть она плюнет мне в лицо, — закричал Бен-Абид.

Полуодетые женщины сейчас же крикнули Халиме, что пришел Бен-Абид, сомневающийся в святости ее лапки.

Толпа, жадная до всяких зрелищ, хлынула во двор, и через несколько минут показалась Халима, разодетая в яркое пурпурное платье; лапка была прикреплена к золотому поясу, усыпанному бирюзой.

— Скажи, правда ли, что ты назвала меня отродьем скорпиона? — спросил Бен-Абид.

— Да, — со злобой ответила Халима, — ты говорил, что лапка, которую благословил великий марабут, не спасет меня от смерти?

— Да, говорил.

— Ты лжец! — сказала злобно Халима.

— А ты лгунья!

— Докажи, что я лгунья. — Халима наклонилась вниз и с яростью плюнула Бен-Абиду в лицо.

— Я докажу тебе, что я говорю правду. Это тебе подтвердят мои братья — скорпионы. Садок, сними чалму.

Садок быстро снял чалму, и все увидели скорпионов, ползающих по его лысой голове. Толпа в ужасе отскочила. Обитатели пустыни боятся скорпионов — виновников многих смертей.

— Причем тут скорпионы? — закричала Халима.

— Они докажут истину. Возьми их к себе на ночь, и если ты завтра будешь танцевать — я уплачу тебе пятьдесят золотых. Ты можешь держать



Скорпионы ползали по лысой голове Садока...

свою лапку, которая, по твоим словам, должна тебя спасти от опасности. А если ты откажешься — значит ты не веришь в нее.

Толпа на мгновение замерла, а затем раздались крики: — ты должна доказать!

— Я не хочу... — смертельно побледнев под румянами, сказала танцовщица, но насмешливые крики подруг заглушили ее голос.

— Она лгунья! — визжали они.

В ней заговорила кровь женщины, родившейся в пустыне, и проснулся религиозный фанатизм.

— Дайте скорпионов, — сказала она. Ее алые губы задрожали, когда она взглянула на черного скорпиона.

Садок подошел к ней, грубо сорвал с нее алый корсаж и бросил скорпионов на обнаженную грудь.

— Целуйте ее крепче, мои братья! — тихо прошептал Бен-Абид.

Толпа притихла и точно приглушенный шум моря наполнил двор кофейни. Халима медленно, сжимая в руках ежовую лапку, вошла в комнату. За ней пошли две танцовщицы, которые должны были следить, чтобы она не сбросила скорпионов. Тяжелая дверь захлопнулась и толпа разошлась.

На следующий вечер все жители Тупурты собрались в кофейне. Танцовщицы прогуливались и разговаривали с гостями. Гибкие, смуглые слуги разносили крошечные чашечки душистого



кофе. Музыканты изо всех сил дули в трубы и синий дым наполнял низкий зал. Все было как всегда, — не было только Халимы.

Еще вчера поздно ночью тело Халимы, несчастной жертвы невежества и фанатизма — было взвалено на верблюда и отвезено к далеким песчаным холмам. Темная ночь была разбужена воплями и криками танцовщиц, провожавших Халиму. Ежовая лапка осталась в ее комнате.

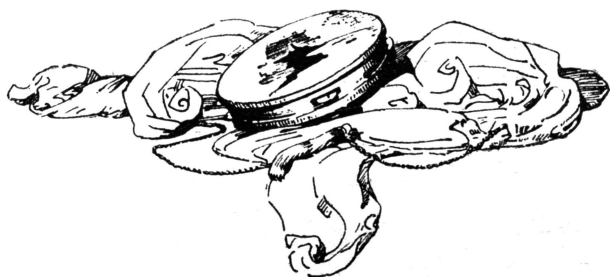
В тот вечер я был в кофейне, и когда утихло волнение, вызванное слухом о смерти Халимы, я пробрался к ней в комнату и взял лапку, которая была

причиной того, что навсегда замолчали прекрасные женские уста.

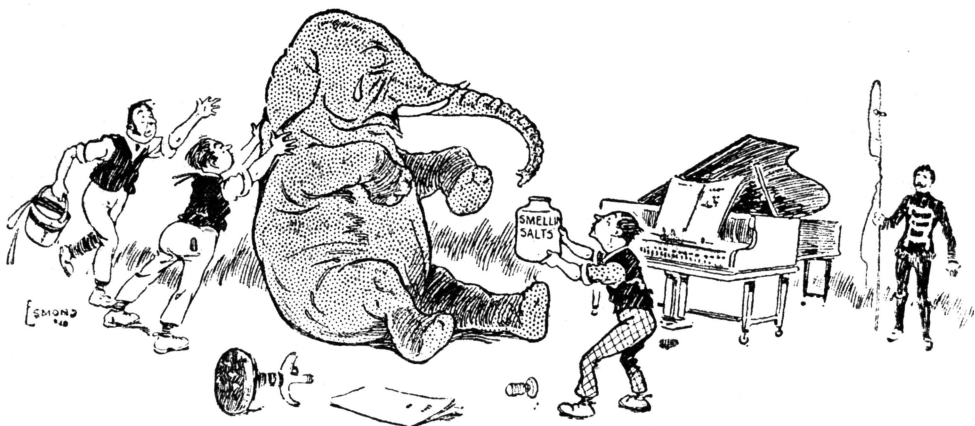
На следующий день я поехал к марабуту и рассказал ему эту историю. Он слушал меня, улыбаясь.

— О, святой отец, скажи мне, если бы ежовая лапка принадлежала женщине, скрывавшей свое лицо под чадрой, и скорпионы ночевали у нее на груди... умерла бы эта женщина или нет?

Но мой вопрос остался без ответа. Марабут приказал слуге принести музыкальный ящик и скоро комнату наполнили радостные звуки веселой французской песенки...



### НЕМНОГО ЮМОРИСТИКИ.



В бродячем цирке показывали слона, «играющего на рояли». На арену вынесли рояль и вывели слона. Оригинальный артист сел к роялю и взял ноту, но вслед за тем жалобно завыл. Тут владелец слона вышел вперед и пояснил зрителям:

— Милостивые государи и милостивые государины, слон увидел, что клавиши сделаны из клыков его матери и поражен горем. Я немедленно телеграфирую, чтобы нам выслали другой рояль. А пока мы перейдем к следующим номерам программы.



Рассказ Роберта Леммона.

С английского, пер. Л. В.

Иллюстрации А. Михайлова.

## Глава I.

Последний аванпост цивилизации остался позади. Оглядываясь, Джон Мессер мог видеть его далеко за собою — этот барак с глиняными стенами, ветхий, покосившийся, крытый соломой, которая на солнце казалась красносерой. С крашеного, окопанного канавой частоккола, отделявшего его от многочисленного рогатого скота, раздавался петушиный крик, который отчетливо разносился по ветру.

Навеянные этим звуком мысли перенесли Мессера через тысячемильное расстояние к себе, на фермерский двор в дальний Коннектикут. Но он не давал мыслям овладеть им, круто повернул мула и направился в разстилавшееся прямо перед ним неограниченное пространство по сочной, колеблющейся от ветра траве.

Он ехал с час. Постепенно к нему как бы подвигалась цепь строевого леса с горою над ним, и стали показываться определенные, характерные признаки близкого экватора — сучковатые малорослые деревья высоких Анд. Вслед за Мессером лениво двигались мулы с тюками палаток, одеял и прочих необходимых принадлежностей его деятельности, как собирателя музейных редкостей. Индеец, составлявший как бы арьергард, то и дело понукал животных. Добравшись до расхопившихся в разные стороны двух следов, Мессер остановился в нерешительности, когда заметил вдали две приближавшиеся по одному из следов фигуры. Он тотчас же направил на них бинокль. Хотя фигуры эти на расстоянии полумили и казались

всего двумя точками, но одно их появление в этой уединенной, пустынной стране казалось Мессеру фактом весьма значительным. В молчании, прерываемом лишь скрипом сбруи ленивых мулов, составитель коллекций стал ожидать.

— Это американец и туземец, хозяин, — прервал молчание индеец погонщик мулов, смиренно опустив глаза при обращении к белому человеку.

Мессер кивнул головой. Он сам был уверен, что один из приближавшихся был не туземец. Что же касается другого, то не могло быть и сомнения, что он заправский носильщик: так уверенно тот подвигался под своей тяжелой ношей.

— Странно, — подумал Мессер, опуская бинокль, — обычно белый человек не путешествует пешком по этим горам. Но кто бы он ни был, это бывалый человек.

Если могло быть какое-нибудь недоумение относительно национальности белого, то не могло быть сомнений в избытке энергии, какую незнакомец обнаруживал своей походкой. Избыток силы, почти высокомерие, чувствовалось в нем по его крупной походке, маханию рук, закинутой назад голове, когда он спускался по откосу к тому месту, где его поджидал Мессер. Свежесть лица, белокурые волосы и усы указывали на то, что он иностранец.

— Ба! — произнес он, запыхавшись. — Я, оказывается, здесь не один. — Он пылливо взглянул на Мессера и спросил:

— Разрешите узнать: кто вы?

— Я — собиратель коллекций.

Изумление изобразилось на лице

вновь прибывшего, придав ему на мгновение выражение детского добродушия; затем, при виде бинокля и двухстволки, оно сменилось на приветливое.

— В таком случае—мы собратья,—вскричал он.—Мое имя—Боргельсен, Христиан Боргельсен, по кафедре этнологии Стокгольмского института. А вы?

— Джон Мессер, из Всеамериканского музея.

— Ба! Я счастлив встретить вас, мой друг. Вы, быть может, собиратель коллекций по этнологическим знаниям?

— Нет, я преимущественно интересуюсь птицами...

Какое-то необъяснимое чувство заставило Мессера изменить своему обычному расположению духа. Быстро оглянув незнакомца, он заметил, что левое ухо его было сильно изуродовано, быть может тем же самым ударом, который оставил ниже уха длинный, неправильный рубец.

— Но не в настоящее время,—воскликнул незнакомец: — у вас нет особого ящика для помещения экземпляров!

Мессер улыбнулся, восхищенный способностью этого человека делать выводы.

— Вы правы, — ответил он. — Птицы в настоящее время меня не интересуют. Я направляюсь на восток, к верхним течениям реки Амазонки, собрать данные о некоторых индейских племенах.

Боргельсен взглянул на него и на мгновение какое-то странное выражение блеснуло в его синих глазах. Будь американец менее наблюдателен, выражение это прошло бы для него незамечным, так быстро сменила его полная сердечность тона и обращения.

— Станный случай! Я тоже иду этим путем. Быть может, мы отправимся вместе, мой друг?

— Отчего же нет, в особенности раз отсюда ведет лишь один путь, — ответил Мессер.

Первое впечатление, которое на него произвел Боргельсен, было неблагоприятное, но при настоящих обстоятельствах было бы нелепо откло-

нить предложение отправиться совместно через Кордильеры.

— Теперь как раз время пуститься в путь до наступления ночи, — сказал Мессер и, подобрав возжи, въехал в опушку леса. За ним последовал и незнакомец.

Углубиться в лес было равносильно тому, что войти в новый мир. С первых же шагов они перешли от сияющего солнечного света — к полумраку, от обвеваемых ветром свободно дышащих растений — к замедленному росту небольших, но роскошных деревьев, теснившихся друг к другу, как бы шадя то пространство, которое удерживал за собою шедший по лесу след.

Было холодно и сыро; казалось, здесь природа впитала в себя влагу, как губка. Сухого времени года здесь как бы не существовало, оно кончилось сразу, лишь только занесенные ветром в леса реки Амазонки облака достигали холодных преград гор; ветер их тотчас же собирал, сгущал и превращал в тонкий, туманный дождь.

В полдень путешественники очутились над лесом и стали продвигаться сквозь густо покрывавший землю туман. Кругом все было уединенно, безжизненно; они, казалось, были оторваны облаками от неба и земли.

Они мало разговаривали между собою. Мессер по натуре был сдержан, а физически здоровый швед чувствовал, что разряженного на такой высоте воздуха ему лишь хватает для правильного дыхания. Добравшись до ключа, пробивавшегося из-под скалы, они остановились, и Боргельсен прервал долгое молчание.

— Как я вижу, мы находимся на рубеже экватора, — сказал он, указывая на тянувшийся в восточном направлении ручей.

С наступлением ночи они перешли для стоянки в лес. Индейцы, нарубив своими томагавками дров, развели костер, терпеливо наблюдая за ним, пока появившийся вначале дым не сменился веселым огнем. Только после ужина, расположившись поуютнее в поместительной палатке Боргельсена, оба белых разговорились.

— Куда вы направляетесь? — спросил Мессер.



Мессер встретился с Боргельсеном.

— Не знаю. Возможно, что придется быть в пути с неделю, а может быть и две. Я отыскиваю племя Хиваров.

— Вы подразумеваете: охотников за головами?

— Да. Значит, вы знаете о них?

— Немного, — ответил Мессер. — У этого племени довольно странные обычаи, насколько мне известно.

— Ба, вы правильно говорите, друг мой. Я изучаю их уже восьмой год, — правда, лишь на расстоянии, по коллекциям и отзывам. Наконец, я собрался их увидеть воочию. Да, я собираюсь узнать правду насчет рассказов о том, что они делают добычей друг друга, убивают и похищают жен и детей своих врагов, а из голов убитых ими жертв делают себе трофеи, которые они им одним лишь известным способом уменьшают до самого малого размера, сохраняя при этом головам все прижизненные черты. Способ этот составляет их тайну, узнать которую я и добиваюсь для своего института.

— Я знаю, их способ еще не раскрыт, — возразил спокойно Мессер — это как раз то, что я сам собираюсь делать.

— Как, вы тоже собираетесь изучать племя Хиваров?! — удивленно и с оттенком недовольства спросил Боргельсен.

— Совершенно верно! Разве не странна наша встреча? Всеамерикан-

ский музей посылает меня за три тысячи миль установить, каким образом может быть уменьшена человеческая голова, и за тем же самым командировует вас Стокгольмский институт. Выходит как будто, что нам придется поделить славу открытия!..

— Нет, не придется, — возразил швед. — Я куплю ваше молчание. Мой институт должен первый разъяснить это чудо, которое сбивало с толку каждого белого человека со времени великого Кортца.

— Мое молчание не продажно, так же, как и моя верность Всеамериканскому музею, — резко ответил Мессер. — Если вы желаете продолжать со мною путешествие, вам необходимо понять, что я сам горю желанием послать такое же донесение своему музею, как и вы вашему институту.

— Конечно, конечно, друг мой. Вы совершенно правы! — воскликнул Боргельсен, быстро меняя тон. — Не будем ссориться, ведь нас всего двое белых в этой чужой стране, где дружба имеет столь огромное значение. Допустим, что вы такой счастливец, что узнаете первый эту тайну — прекрасно, если же судьба улыбнется мне — великопечно! Согласны?

Таким образом между ними было восстановлено согласие и в течение последующей недели оба собирателя коллекций продолжали идти по направлению страны Хиваров, наружно как бы в дружбе, на самом же деле



Лапа ягуара ударила по телу индейца..

на страже друг против друга. Ни слово, ни взгляд, касавшийся предмета их исследования не ускользал от внимания другого. Лишь после того, как Мессер был вынужден, по условиям местности, оставить мулов и багаж в одной индейской деревне и следовать далее пешком, в их взаимных отношениях вооруженного нейтралитета последовала некоторая перемена.

Они миновали горы и с трудом продвигались по густым джунглям, когда впереди в чаще раздался пронзительный крик человека в агонии.

С быстротой молнии Мессер кинулся в чашу по направлению крика. Пробежав пятьдесят ярдов и путаясь в топях, он остановился в ужасе от представившегося его взгляду зрелища.

Перед ним находился ягуар, самый ужасный из диких зверей джунглей; его могучие мускулы двигались под темной шкурой при каждом ударе лапы по меднокрасному, безжизненному телу распростертого перед ним лицом к земле индейца. Голова зверя, величиной с человечесю, моталась из стороны в сторону, как бы в раздумьи, чем еще причинить смерть, которая, возможно, уже настигла его жертву при первом же ударе.

Мессер вскинул ружье и по лесу раздался двойной выстрел. Огромная кошка судорожно подпрыгнула, как бы замерла в воздухе, и вслед за этим рухнула поперек тела своей жертвы. Как ни был поспешен прицел, выстрел все же оказался для зверя смертельным.

Бросившись вперед, Мессер при-

нялся вытаскивать из-под зверя скорчившееся тело индейца. Он пришел в ужас при виде многочисленных ран на плечах, груди и руках.

— Боже, — прошептал он, — он истечет кровью, если немедленно не остановить ее.

Он опустился на землю к безжизненному телу индейца, когда к нему быстро подошел Боргельсен вместе с туземцами носильщиками.

— Что случилось, друг мой?

— Ягуар сбросил индейца на землю, — ответил Мессер, разматывая бывший при нем палаточный канат. — Собираюсь перевязать ему артерию, — прибавил он.

Разрезав охотничьим ножом канат на полосы и настрогав палочек для рычажков, он снова опустился на колени перед безжизненным телом индейца.

Быстро связывая и скручивая концы полос, он туго стягивал их рычажками, подкладывая при этом измятые листья растений к месту, где находилась артерия. Продолжал он это до тех пор, пока совершенно не прекратил кровотечения. Тут только он обратил внимание на Боргельсена, который с восхищением рассматривал духовое ружье, лежавшее на земле рядом с индейцем. Не успел Мессер разразиться гневом при виде такого жестокого равнодушия к страданиям спасенного им индейца, как Боргельсен воскликнул:

— Та-а-а-к! Этот человек — воин племени Хиваров. Посмотрите, как сделано его духовое ружье: — ровно десять футов в длину; а маленькие бамбуковые стрелы, черные, со смертельным ядом кураре на концах, совсем как те, что находятся у нас в коллекциях в институте. Я иногда упражнялся ими: — вот так!..

Он взял одну из стрел, обернул ее шерстью, чтобы она не качалась в стволе ружья, и, дунув затем в противоположный конец ствола, всадил стрелу в дерево в расстоянии дюжины ярдов.

— Я делаю это достаточно ловко для белого человека, не правда ли? Да вы не смотрите, друг мой?!

— Нет, не смотрю, — проворчал Мессер. — Для меня важнее спасти

жизнь этому мальчику, чем забавляться духовым ружьем. Он в ужасном состоянии — еще бы один удар ягуара, и он бы был мертв. Помогите мне перенести его к тому дереву цейба.

— С большим удовольствием, — согласился Боргельсен. — Ну, теперь сразу, вдвоем...

Они положили индейца на сравнительно чистую и сухую землю у подножия гиганта цейба, после чего Мессер насильно влил виски сквозь сжатые зубы индейца.

Огненный напиток заставил вздрогнуть тело индейца, он тотчас же открыл глаза.

— Ну вот, он жив — воскликнул Боргельсен, — он вскоре поправится.

Мессер покачал головой.

— Пройдет по крайней мере неделя, пока он будет на ногах. Все это время, как ни как, придется заботиться о нем.

Швед не возражал. Мессер уловил насмешливую улыбку, сверкнувшую из-под его опущенных белокурых усов.

— С неделю ухаживания?! И вы, друг мой... Вы собираетесь сделать это, и только из-за того, что его собственный народ находится далеко отсюда?

— Почему же нет? Я не могу его доверить ни одному из моих носильщиков: они оба — горные индейцы, и боятся до смерти индейцев из племени Хиваров.

Возглас удовлетворения сорвался с уст Боргельсена, между тем как сам он старался с серьезным видом набить свою трубку.

— Так! Вы остаетесь и будете ухаживать за ним... Это очень милосердно, друг мой. Вы так превосходно ухаживаете, что лучше и не надо. В таком случае я отправляюсь один с своими носильщиками.

— Куда? — воскликнул Мессер, и в этом единственном слове вылилось все мучившее его подозрение.

— В страну Хиваров, узнать тайну о головах.

Джон Мессер задумался. Стечение обстоятельств поразило его: пока он здесь, как хороший самаритянин, станет спасать жизнь беспомощ-

ному человеку, Боргельсен будет стремиться вперед, к открытию, которое для них обоих имеет огромное значение. То, что Боргельсен будет впереди на целую неделю, должно означать победу шведа; — так оно, по всей вероятности, и будет, судя по его огромной энергии и решительности. Раз этот человек скроется из виду, шансы найти его окажутся незначительными, пожелай к тому же швед остаться неразысканным. Если Боргельсену повезет, то он, узнав тайну Хиваров, сумеет вернуться на родину другим путем, еще до истечения этой недели. Железные дороги и телеграфные провода довершат поражение.

С минуту Мессер раздумывал над всем этим, с горечью смотря на улыбку видимо уже торжествовавшего Боргельсена. Его служебный долг перед музеем, перед седовласым начальником, пославшим его на эти дальние розыски, от результата которых зависело все его будущее, все это заставило его не уступать ни шага этому умному великану. Ну, а если бы сам начальник знал, то не стали бы он...

В это время индеец зашевелился. Затрудненное дыхание распирало ему горло. Мессер наклонился к нему. Индеец все еще находился без сознания от боли и потери крови.

— Вы уходите... — сказал тихо Мессер, — вы, вероятно, чертовски скоро добьетесь!..

Боргельсен иронически поклонился, но ничего не сказал, осторожно посматривая на американца. Только когда он с носильщиками был уже достаточно далеко, он оглянулся и насмешливо воскликнул:

— Желаю счастья вам и вашему пациенту. Я позабочусь, чтобы вам была переслана копия моего донесения институту, чтобы вы смогли изучить тайну уменьшения голов...

Мессер не ответил, едва сдерживая себя.

## Глава II.

Следующие дни проходили для Мессера крайне медленно. После того, как носильщики разбили для него палатку, а для себя и раненого индейца соору-



дили тростниковые навесы, ничего уже более не оставалось делать, как ждать, чтобы сама природа взяла свое, заживив раны индейца.

Мессер, перевязывая раны индейца, применял все свои хирургические познания. Бывшие при нем средства вышли в первые же дни, но их вполне заменили сочные листья растения, на которые ему указал индеец своей неповрежденной рукой. Они обладали теми же целебными свойствами. До истечения двух недель индеец Хиваро оказался на ногах, хотя все еще больной. Он уже мог разговаривать на своем гортанном языке с проходившими изредка мимо лагеря бродячими индейцами.

Как только Мессер увидел, что индеец не требовал более за собою наблюдения, он тотчас же приготовился сняться с лагеря и двинуться по направлению к стране охотников за головами. Индеец заметил приготовление, и хотя незнание языка лишало их обоих возможности даже отдаленного понимания друг друга, он тем не менее дал понять, что желает быть проводником. Мессер не сомневался в полной для него безопасности принять предлагаемые услуги, так как туземец этот непрестанно высказывал чем только мог свою благодарность и желание быть с своей стороны полезным белому человеку. Предложение было принято посредством соответствующей жестикуляции, и небольшой отряд направился по тому же, что и Боргельсен, редко посещаемому пути.

Они продвигались крайне медленно, из-за болезненного состояния проводника, частью из-за грязи, доходившей до бедер, поэтому прошло много дней, пока они не достигли туземной деревни, состоявшей из полдюжины жердяных и пальмовых шалашей, разбросанных на открытом месте, рядом с ниспадавшим с утеса ручьем. По обоим сторонам деревни нависали джунгли, зеленые и девственные — образец тропической роскошной растительности.

Индеец Хиваро направился прямо к самому большому шалашу и тотчас же вступил в болтливый разговор с несколькими праздно обступившими

его индейцами. Взгляды, частенько бросаемые по его направлению, дали понять Мессеру, что он был главным предметом разговора. Между тем он сам принялся рассматривать тамагавки, духовые ружья и дротики, которыми были вооружены все взрослые мужчины деревни. Эти индейцы были очевидно из племени Хиваров, так как их наружность и снаряжение вполне подходили на наружность и снаряжение спасенного им от ягуара индейца.

Повидимому, совещание окончилось удачно, так как один из туземцев подошел к тому месту, где на бревне сидел Мессер, и заявил на ломаном испанском языке, что если белый человек отпустит своих двух носильщиков, которые, как понял Мессер, были из племени, недолюбливаемого Хиварами, то они охотно просят его самого остаться в деревне. Большая услуга оказана им раненому индейцу, — продолжал объяснять туземец, — поэтому все его друзья желают выразить белому свою признательность.

Первой мыслью Мессера было, что ему повезло и он будет допущен к важнейшему обряду того самого племени, которое, как он знал, ревниво оберегает интересующую его тайну, но затем он стал представлять себе, что вероятно и Боргельсен недели за две до этого достиг тоже какой-либо деревни и ныне уже возвращается в цивилизованные страны.

Эти соображения заставили его нахмуриться. Новая мысль овладела им: если бы ему удалось каким-либо образом перехватить шведа, он уж как-либо добился бы, чтобы принести первому желаемое открытие.

Затаив дыхание, он спросил охотников за головами по-испански:

— Я должен разыскать моего друга — большого роста человека с желтыми волосами, которого видел твой брат. Где он?

Индеец тупо покачал головой.

— Мы слышали о нем, но он не был здесь. Где-нибудь в ином месте, несколько дней тому назад; но мы не знаем где, — при этом он провел руками с северо-запада на юг.

При виде этого движения рук Мессеру представилась картина: сотни,



Мессер, стоя в отдалении, наблюдал за работой индейцев...

тысячи квадратных миль по джунглям, заселенным лишь краснокожими, враждебными индейцами, куда пробраться можно лишь по воде и где все следы смываются частыми дождями. Поэтому найти там человека с такой невероятной ловкостью и выносливостью, как Боргельсен, было бы делом невероятной удачи. Если бы он даже и на самом деле туда отправился, то все равно ему никогда не перехватить шведа. Мессер отстегнул карман у своей фланелевой рубашки и, обращаясь к своим носильщикам, сказал:

— Вот вам ваша плата, мне более вас не нужно.

Как только Хивари поняли, что белый человек, действительно, намерен остаться на время в их деревне, они стали гостеприимно собирать все, что только могли, главным образом находившееся у них в изобилии мясо из джунглей и рыбу, которую они ловили при помощи ядовитых растений, нисколько не влиявших на ее съедобность. Его палатка возбудила любопытство Хивари. Она сделалась предметом их бесконечного обсуждения. При этом они ощупывали ее тонкую ткань, удивляясь ее непроницаемости для выпавшего тут же дождя.

В последующие дни Мессер изучил многие их обычаи.

Так, красоты ради, они протыкали себе палочки в губы и мочки уха;

в определенных случаях ярко окрашивали себе кожу на лице, во время охоты выказывали себя проворными и жестокими. При помощи ловких распросов Мессер установил у них склонность к непрекращаемой войне между мужчинами разных деревень из-за обладания женами, склонность к убийству исподтишка и из чувства ревности главой одной семьи — другого, и обычай кровавой мести со стороны родственников и друзей убитых. Во всем этом, как он полагал, и заключалось их стремление к охоте за головами. Но ему ни разу не удалось видеть ни самых трофеев, ни узнать способа уменьшения и сокращения голов. Все его распросы по этому поводу либо оставались без ответа, либо на них отвечали незнанием. Рассматривая при посещениях своих внутренность каждого шалаша, он тем не менее не находил подтверждения своим предположениям.

— Ну, я могу оставить эту деревню и отправиться дальше, — решил он наконец, — эти индейцы не могут или не желают мне ничего рассказать. Может быть в другой деревне я буду иметь большую удачу. Пойду посмотрю, не согласится ли та кучка индейцев быть моими носильщиками.

Он направился к шалашу, где вокруг костра сидело несколько индейцев. Приблизившись, он увидел, что те возбужденно болтали и жестикулировали, очевидно, занятые чем-либо необычным.

При звуке его шагов все повернули головы, злобно глядя на него, и схватились за копья, что явно указывало на несвоевременность его прихода. Лежавший у их ног предмет заставил его содрогнуться. На мгновение он остановился у порога и стал спокойно рассматривать Хиваров. Затем, подав знак одному из них, служившему ему ранее переводчиком, он сказал:

— Я — друг вашего племени. Разве я не спас жизнь одному из сидящих здесь? Все, что я желаю, — это видеть то славное дело, что вы сделали. Вот здесь... — Он указал на землю около костра.

Переводчик взглянул на него, затем стал говорить с товарищами на родном их языке. Человек, спасенный Мессером, очевидно, одержал верх, опровергнув все возражения. С нежеланием, не предвещавшим ничего хорошего в будущем, индейцы отошли от порога. Мессер вошел с бьющимся сердцем, но наружно спокойный.

На утрамбованной земле, у костра, лежала человеческая голова, с медно-красного цвета лицом, с грубыми чертами, длинными черными волосами и с сильно искривленным ртом. Мессер различил тусклые, наполовину закрытые глаза и неровный разрез, которым была отделена от туловища голова. Даже умирая, покойный старался придать своему рту и впалым, с выдающимися скулами щекам, выражение дикости и непобедимой примитивной свирепости. Полное молчание царило в шалаше. Хивары стояли подобно гордым, медным статуям, наполовину одетые, еще не совсем примирившиеся, колеблясь между готовностью угодить этому белому человеку, выказавшему себя так отличным от других его расы, и гневом на вторжение его в дело, заключавшее в себе один из самых священных обычаев.

Мессер чувствовал их враждебность, знал, что подобно тому, как число 10 превышает единицу, так и малейший его ложный шаг будет несомненно означать конец его собираниям коллекций. Хладнокровно взвешивал он свои шансы, стараясь поставить себя на их место и думать так, как они. Следующий его шаг решал: — быть ли

успеху, или более худшему, чем неуспех. Наконец, стараясь отогнать от себя впечатление, произведенное искаженным, валявшимся у его ног, лицом, он взглянул на индейцев и улыбнулся:

— Человек, совершивший это — великий воин! — сказал он. — Полагаю, он взял в плен многих жен из шалашей своего врага?!

Действие было мгновенное. Натянутость индейцев ослабела. Вперед выступил могучего вида молодой индеец. Через плечо у него висел мешок из шкуры, а сзади болтался шерстяной, самодельный шнурок. Он гордо поднял с земли голову.

— Чорт возьми! — подумал Мессер, когда индеец поднял трофей за волосы, предоставив всем любоваться его великолепием.

— Это, вероятно, и есть убийца...

Теперь все пришло в движение вокруг костра. Казалось, присутствие Мессера было забыто. Индейцы взялись за прерванную работу: одни таскали маленькие камни и бросали их в горящую золу, другие приносили дрова. Но больший интерес представлял собственник головы. Он сел на корточки на землю и, достав нож, принялся за свое дело.

С места, где он находился, несколько в отдалении, Мессер мог наблюдать каждое движение этого индейца: тот первоначально разрезал кожу от основания черепа вниз, позади, к шее, вскрыл самый череп и через образовавшееся отверстие вынул все черепные кости, затем окунул голову в кружку с соком плода, «гьюто», откуда достал ее уже окрашенной в почти черный, как смола, цвет.

Однако до сего времени уменьшения объема головы еще не происходило, но теперь начинался тот период работы, за которым Мессер стал наблюдать с все более возрастающим интересом, понимая, что здесь-то и кроется самая тайна.

Он увидел, как один из индейцев выгреб из огня несколько горячих камней и бросил их внутрь опрокинутой головы, которую между тем другой индеец непрестанно вращал так, чтобы камни могли соприкасаться с каждой частью внутренней поверхно-

сти головы. Как только какой-либо камень остывал, его заменяли новым — горячим, голову же продолжали вращать, передавая ее друг другу по мере того, как работающий уставал.

Долго Мессер наблюдал за ними, забыв о еде, о своем соревновании с Боргельсеном, обо всем, кроме быстро вращающегося черного предмета, вращающегося с своими толстыми губами и грубыми спутанными волосами. Его поразила ирония судьбы. То, что недавно было частью независимой, презираемой или же завидной жизни, сделалось ныне ценной собственностью. Мертвый, внушающий ужас предмет хранился как сокровище, его жадно пожирали глазами. Все люди здесь выражали и взглядами, и поступками уважение к делу, совершенному убийцей.

### Глава III.

Он проснулся на рассвете и нашел Хиваров снова за работой. Войдя в шалаш, он увидел, что человечья голова сделалась несомненно меньше, чем была. Очевидно, горячие камни, ударяя изнутри по коже, сжали ее, уменьшая ее объем, но не изменяя, однако, ее натуральных черт.

Разглядывая голову, он нашел в ней сходство с лицом, которое видел еще накануне, сходство, которое, имея эта голова больше отличительных признаков, могло бы вполне служить при опознании личности.

Из опасения, чтобы его постоянное присутствие не изменило к нему отношения Хиваров и, таким образом, не сделало бы невозможным наблюдение за дальнейшим развитием процесса, Мессер вернулся в свою палатку и провел остаток дня со своей записной книжкой и ярлыками, хотя, однако, он продолжал следить за двумя или тремя индейцами, все время вертевшимися у костра. День за днем повторялось то же, мертвая голова, несомненно, становилась все меньше, пока к концу недели она не сделалась величиной с человеческий кулак. Казалось, это удовлетворило ее собственника, так как более не применяли горячих камней. Желая узнать причину этого, Мессер зашел в шалаш и увидел, что сквозь

губы головы была продета веревка, как бы для сжатия их, и такая же веревка высывалась на макушке, — как бы вроде ручки или петли. Несколько стежков, закрывшие разрез на шее, довершили работу.

— Великолепно, — заметил Мессер через переводчика. — Я куплю его, если малый продаст.

Это предложение, казалось, не вызвало никакого интереса в молодом Хивари. Он пробормотал в ответ несколько туземных слов, и после неоднократных попыток Мессер понял, что тот не склонен расстаться с своим сокровищем, пока не будет выполнен известного рода церемониальный танец, очевидно, в недалеком будущем. После этого, если предложение будет достаточно ценно, белый чужестранец может получить голову. Хотя собиратель коллекций страшно желал обеспечить этот образец за музеем, но он понимал, что ему гораздо важнее удерживать в памяти подробности процесса уменьшения, только что им виденного.

Два экземпляра голов уже находились в настоящее время на выставке в залах Всеамериканского музея — несколько худших, правда, но тем не менее — все же экземпляров. Опубликование директором музея добытых сведений ранее других придавало бы этим образцам в научном мире большую цену, чем приобретение нового образца. Действительно, это был лишь случай, что он мог предоставить такую возможность своему старому начальнику. На следующее утро Мессер решил предпринять возвращение к цивилизованному миру возможно ускоренным маршем.

В этот вечер он лег спать рано, рассчитывая пуститься в путь с зарею и чувствуя себя необыкновенно утомленным. Проснулся он в полночь, в жару и лихорадке, страшно страдая от головной боли. Он принялся искать на ощупь баночку с хинином, нашел ее и принял несколько горьких пилюль. На рассвете он уже лежал в бреду, не сознавая окружающего.

Придя в себя, он увидел одного из Хивари наклонившимся над ним и старающегося заставить его проглотить горькую, коричневого цвета жидкость.



На шнурке болталась голова величиной с крокетный шар.

— Убирайся к черту отсюда! — прошептал он, желая крикнуть. Слабость его голоса поразила его, но он тут же внезапно понял, что не в состоянии поднять и руки.

Индеец удалился и Мессер слышал, как он снаружи кого-то звал. Скоро в палатку вошел житель деревни, имевший кое-какие понятия об испанском языке.

— Как долго я здесь нахожусь? — спросил его сухо Мессер.

— Может быть дней двадцать, сениор. Мы вас кормили, как могли, и давали вот это — это убьет болезнь. — Он указал на необделанную чашку с настоем из травы, принесенную сюда другим индейцем.

— Двадцать дней!.. Может быть пройдет еще неделю, чем я буду в состоянии снова пуститься в путь. Проклятый швед к этому времени будет уже близ дома!..

С присущей ему во всех действиях основательностью, Мессер принялся за восстановление своих подорванных сил, но, несмотря на все старания, истек почти месяц, пока он смог избавиться от последних приступов зловредной лихорадки и снова начал ходить. К этому времени он узнал, что ему также приходится отказаться от возможность приобрести голову, ибо голова, которую при нем приготавливали, исчезла, — продана, насколько он мог понять, иностранцу, личность которого, как и национальность, были неизвестны. Как только он был в состоянии предпринять путешествие, он направился на восток, идя обратно по тому же следу, по которому так давно пришел совместно с Боргельсеном.

Сперва легкими переходами, затем, по мере возвращения сил, более продолжительными, он изо дня в день продвигался вперед, пересек цепь гор и, наконец, достиг железной дороги.

#### Глава IV.

В первом поселении на железно-дорожной линии Мессер узнал, что следующий пароход на север отправляется через двое суток. Заказав себе место на пароходе по телеграфу, он купил также билет для шестичасового переезда до порта, а затем, усталый, отправился в ветхую гостиницу.

За стол против него уселся какой-то остроглазый эквадорианец, повидимому, зажиточный, и после беглого осмотра обратился к нему на довольно сносном английском языке.

— Лихорадка сделала вас очень слабым, не так ли сениор?

— Да, действительно. — Проклятая слабость, но я теперь чувствую себя лучше.

Незнакомец важно кивнул головой.

— Я знаю. Я сам несколько раз бывал на востоке; даже чуть не умер от лихорадки.

— Как вы узнали, что я там был?

— Как? как это вы называете?.. Да, догадался. Восток оставляет после себя отпечаток. Иногда даже больше чем отпечаток — в особенности страна Хиваров.

— Вы там были? — спросил Мессер с любопытством.

— Да, сениор. Я был там, на реке Амазонке, за резиной. Скверный народ эти Хивары. Они режут головы у тех, кто им не нравится, и уменьшают их, после чего продают головы тем, кто желает за них платить. Я видел такие головы для продажи в лавках в Гуанквиле и других местах.

— Не знаете ли вы, где я мог бы купить пару?

— Вы желаете купить маленькие головы?

— Да, я действую по поручению музея Штатов, — объяснил Мессер.

— А-а-а, муж науки, не так-ли? Тогда дело другое. Идем со мною!

Эквадорианец встал и повел Мессера по грязноватой аллее к лавке, где сре-

ди кусков материй и тысячи всяких предметов торговли, разбросанных по полкам, сидел купец, поджавши под себя ноги, подобно пауку в паутине. Оба они с минуту тихо разговаривали между собою, а затем купец удалился в заднюю комнату, где, как Мессер мог слышать, он в чем-то рылся. Вскоре он вернулся.

— Здесь две, которые я хочу продать, сениор — пробурчал он. Они великолепны, как вы сами видите.

Он достал из разломанной коробки две головы, поразительно похожие на ту, из далекой деревни.

Полчаса спустя, после продолжительного торга, совершив покупку, Мессер собрался уходить. У порога купец позвал его обратно.

— На секунду, сениор. Быть может ваш музей пожелал бы приобрести и эту также, лучшую, какую я когда-либо видел. Посмотрите, сениор. — Он порылся в темноте под прилавком, поднялся и протянул руку по направлению Мессера.

На шнурке болталась коротко стриженная, усатая голова, размером не больше крокетного шара, ужасная по своему реализму, с насмешливой улыбкой на устах. Луч солнца, проникший через щель в стене, осветил на мгновение голову: на ней видно было изуродованное левое ухо и след старого шрама под ним.

— Не правда ли, великолепная, сениор? Может быть вы приобретете ее для вашего музея? Посмотрите, как она хороша! всего неделю тому назад она прислана из страны Хиваров. Всего сотня монет — дешежка, сениор!

— Нет, я больше не хочу покупать — сказал тихо Мессер. — Нет, вы можете оставить ее себе.

Мессер вышел из лавки, задев от волнения каблуком первый порог. Выйдя на солнце, он машинально зажег сигаретку.

— Прекрасно! Я полагаю, он узнал тайну, которой добивался, — пробормотал он, кидая в сторону спичку. — Да, он, наверное, узнал ее. Бедный дьявол!

## ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Конечно, помещенный выше рассказ есть только беллетристическое произведение. Но в основу повествования, кажущегося таким фантастическим, положен известный теперь науке факт.

В Нью-Йорке находится чрезвычайно интересный музей краснокожих индейцев, основанный американским немцем Джорджем Гейе и теперь ставший национальным достоянием Северо-Американских Соединенных Штатов. В музее — громадные коллекции этнографических, художественных и исторических ценностей, касающихся индейцев Северной, Центральной и Южной Америки, начиная с доисторического периода.

Помещенный здесь рисунок, заимствованный нами из научного американского журнала, представляет одного из хранителей музея со странной статуэткой на коленях.

Эта статуэтка, высотой всего около 70 сантиметров, — искусственно сморщенное тело взрослого индейца племени Хивари из республики Эквадор в Южной Америке. В музее краснокожих есть и головы, уменьшенные до величины бильярдного шара, сохранившие, однако, не только племенные особенности, но и прижизненное выражение лица. Пока что, наука не знает секрета этих превращений...







# СУНДУК С ПРУЖИНОЙ

АМЕРИКАНСКИЙ РАССКАЗ

Марка Трсекурова.

Иллюстрации Н. Кочергина.

(Действие происходит в Петрограде).

## Глава первая, необходимая в каждом произведении.

Август Мичке, столяр с Тамбовской улицы, в последний раз попробовал потайную пружину дорожного сундука, с помощью которой отскакивала крышка, похлопал дружественно заказ по блестящему глянцу и проговорил:

— Ist gut. Хоть в Америку!

Затем позвал сына Ганса, вдвоем осторожно подняли произведение столярного искусства и понесли по той же лестнице в 54-й номер, к фрау Берзинь, собиравшейся отправиться в Латвию.

На площадке 4-го этажа они остановились и постучали в дверь.

Фрау Берзинь, особа с весом, после дипломатических переговоров через цепочку, впустила столяра в кухню и принялась внимательно осматривать заказ.

— Достаточно-ли прочен сундук? Доедет-ли он до Риги? Я уже вам говорила, герр Мичке, что необходимо иметь в виду неосторожное обращение с багажом на железных дорогах. В сундук будет уложено платье и белье, это достаточно тяжело, а потому сундук должен быть очень прочен.

— Не беспокойтесь, фрау Берзинь. С этим сундуком вы можете ехать хоть в Америку!

— Покажите, как обращаться с секретным замком. Вы понимаете, если я не желаю привезти в Латвию камни вместо своих вещей, то должна принять все предосторожности.

— Без знания секрета, фрау Бер-

зинь, сундук не может быть открыт, замок может быть только взломан. Пожалуйста, извольте посмотреть. Здесь мы имеем кнопку, в форме самого обыкновенного гвоздика, но кнопка не действует, пока она находится на предохранителе. Эта металлическая пластинка, в виде украшения, и есть предохранитель. Я отвожу предохранитель в сторону и нажимаю кнопку. Раз, два, три! Извольте любоваться.

Август Мичке проделал артистически всю операцию и крышка сундука мягко откинулась назад.

— Очень сильная пружина, фрау Берзинь, и очень крепкие запоры изнутри. Извольте посмотреть.

После тщательного осмотра и неоднократной пробы механизма самой фрау Берзинь, заказ был сдан и столяр удалился с видом артиста, знающего себе цену.

## Глава вторая,

избавляющая автора от упреков в неправдоподобности при дальнейшем развертывании этой правдивой истории.

Фрау Берзинь постучалась к соседке напротив. Когда уже она решила, что соседки нет дома, дверь отворилась и на пороге показалась заспанная женщина с перекошенным от зевоты ртом и с выражением полного отупения на лице.

— Здравствуйте, мадам Опарина.

— Здравствуйте, Минна Мартыновна. Вы уходите? А мне всё нездоровится. Лихорадка что-ли. Так вот в сон и кло-



— Не сумлевайтесь, настоящий «Ара», — усмехался Шестипалый...

нит. Так всё бы и спала, так-бы и спала...

— И давно это с вами?

— Давно-ли? Постойте. Муж умер три года. С ним мы прожили 5 лет. Да до этого... не помню уж сколько...

— Это не опасно, мадам Опарина. Это у вас уже хроническое.

— Да, да. И я думаю—хроническое.

— Мадам Опарина, на-днях я окончательно уезжаю в Ригу. Моя Адель сегодня ночевала у тетки в Новой Деревне и еще не вернулась. Возможно, она там останется еще на день. Я сегодня решила поехать на Охту, проститься с фрау Озолинь; могу там заночевать. Будьте так любезны, присмотрите за квартирой. Ключ я оставляю у вас, как всегда. Если вернется Адель, она к вам постучит. Прошу вас, будьте добры, посмотрите за квартирой. Мало-ли что... время такое...

— Будьте покойны. У меня ухо чуткое. Я каждый шорох слышу. Я уж...

— Посмотрите, какой я заказала сундук. Ни за что не взломать. Вот видите эту кнопочку... С таким сундуком — хоть в Америку!..

В раскрытую дверь заглянули двое мужчин.

— Домна Пантелеевна, мы уходим.

— Идите, идите, я сейчас... Вот, у Минны Мартыновны сундук занятный, с пружиной.

— Дорожный сундук, — пояснила Минна Мартыновна. — Работа Мичке, по особому заказу. Вот видите, здесь пружина, а здесь кнопочка...

Латышка принялась демонстрировать механизм сундука протискавшимся в

кухню жильцам Опариной — Квасову и Бородавкину.

— Хороший сундук, — похвалил Квасов, мужчина 40, с давно нечесанной бородой.

— О, с этим сундуком — хоть в Америку!

### Глава третья,

очень краткая, введенная исключительно в целях ориентации на «Америку».

Квасов и Бородавкин после осмотра сундука спускались по лестнице.

— Занятный сундук, — сказал Бородавкин, подвижной малый лет 30, в брюках клёш и с начесанными вперед височками. — Вот бы нам такой для поездок! А то помнишь, в Омск вместо солдатского белья кирпичи привезли? Этот не взломают, разве уж совсем пропадет.

— Наш немец делал?

— Он.

— Занятный сундук. Надо спросить сколько возьмет.

Приятель вышел за ворота и остановился в нерешительности. Видно было, что обоим хотелось одного и того же, но никто первый не хотел высказать своей мысли.

— Ну, куда-ж мы? — спросил, наконец, Бородавкин.

— А по мне все едино. Спервоначалу хоть в «Америку», — пробурчал Квасов.

— В «Америку», так в «Америку». После такой поездки не грех и встряхнуться. Айда к «Шестипалому!».

Приятели повернули за угол и направились к чайной под заманчивой вывеской «Америка».

#### Глава четвертая, в которой, несмотря на несомненную американизацию, все-же фигурирует и пресловутая клюква.

Товарищи Пашка Квасов и Сенька Бородавкин питали наследственное отвращение к труду и врожденную вражду ко всему, что так или иначе соприкасалось с законностью.

— Работа дураков любит, — говорил Квасов.

— И законы для дураков пишутся, — пояснял Бородавкин.

Они поддерживали свое существование теми средствами, которые с наименьшей затратой энергии дают наибольшие результаты.

В настоящее время их поле деятельности было довольно широко и расходилось от центра к перифериям — Петроград — Витебск — Ташкент — Омск — Мурманск, — вот тот огромный плацдарм, на котором приятели развешивали свои стратегические и тактические таланты.

Короче говоря, друзья занимались спекуляцией.

Несколько дней тому назад они вернулись из Омска, распылив там партию не совсем чистого товара, каковая операция принесла им определенно чистые барыши.

Теперь предстояло произвести окончательный расчет, требующий сложных вычислений и кристальной ясности мысли.

А так как ясность мысли, как и ясность погоды, наступает лишь после должного орошения почвы, то визит в «Америку» не требует особенных разъяснений.

Приятели набрали у стойки по тарелке разной снеди, уединились в кабинет для почетных гостей и приказали подать туда пару чаю.

— «Американского», — подмигнув, пояснил Бородавкин толстому буфетчику — «Шестипалому».

— Не сумлевайтесь, настоящий «Ара», — усмехнулся толстяк, знавший посетителей и их вкусы, как свои шесть пальцев.

После «американского чая» пили фруктовый чай, потом снова потянуло к первоисточнику.

Из «Америки» переключались в пивную «Вена». Здесь Бородавкин упрекнул Квасова в неправильности расчета, по которому, якобы, жирный кус остался в кармане Квасова неподделанным.

Произошел разрыв дипломатических сношений, с обещанием, со стороны Бородавкина, немедленно начать военные действия. Однако, неторопливый Квасов на этот раз предупредил юркого Бородавкина и деликатно слегка попортил ему начесы на виски.

Бородавкин счел образ действий приятеля началом открытия военных действий и выбежал из пивной, чтобы мобилизовать свои силы.

После этого он вновь посетил «Америку», угощал «американским чаем» каких-то субъектов, страстно уговаривая их образовать нечто вроде Малой Антанты для совместных действий против Квасова.

К вечеру он совсем закружился и ослабел. Союзники куда-то исчезли. Бородавкин решил действовать один, захватил порцию «американского чая» с собой и пошел искать врага.

На улице ему стало совсем скверно, захотелось чего-нибудь кисленького. Подвернулась баба с клюквой. Набил клюквой карманы, побрел домой.

Барабанил в дверь минут десять. Наконец, показалась заспанная Домна Пантелеевна.

— И что колотишь? Чай, слышу. Соседка ушла, так я не сплю, ейную квартиру стерегу. Вон, и ключ оставила, на гвоздике висит.

— Пашка дома?

— Где там! Чай, не лучше тебя явится.

Бородавкин прошел к себе, сел на койку и принялся за клюкву. Запил «американским чаем», закусил клюквой. Весь перемазался красным соком.



Показалась за-  
спанная Домна  
Пантелеевна.

Решил снова отпра-  
виться в «Америку»,  
хотел подняться — не  
мог. Пластом повалил-  
ся на подушку и зас-  
нул мертвецким сном,  
— как умер.

## Глава пятая,

в которой роль сун-  
дука с пружиной пре-  
дупредительно выдви-  
нута на первый план.

Квасов, после ухода  
приятеля, возмущался  
его поведением до  
глубины души. Пообе-  
щал попортить другу  
иконостас. Выпил пи-  
ва в одиночку, стало  
скучно. Отправился  
вербовать сторонни-  
ков. Нашел какого-то  
хлопца, по имени  
Ленька Гайда, пошли  
вместе «славить» по  
пивным. К вечеру на-  
брались доверху. Гайда исчез и с ним  
исчезла пачка денег Квасова.

Покружился без толку по улицам,  
разжигая свою злобу на компаньона,  
дынулся к дому.

Стучал долго и сильно. Хотел сло-  
мать дверь.

— Не сплю я, чего барабанишь? —  
раздался за дверью голос Домны.

— Отворяй, дверь ломаю.

— Ишь, какой грозный. Тут я. Со-  
седка ушла, так я квартиру ейную сте-  
регу. Не ночью, говорит. Ключ оста-  
вила. Может услышите, Аделя должна  
прийти за ключем. Вот он, на гвоздике.

— Сенька пришел?

— Пришел. Не лучше тебя. Вот без-  
дельники, всю ночь уснуть не дают.

Квасов направился к себе. Хозяйка  
пошла досыпать. Лохматый и страшный  
Квасов стоял перед спящим Бородав-  
киным в сгушающихся сумерках и вну-  
шительно читал нотацию.

— Спишь, притворяешься? Сам пер-  
вый жулик, а честных людей чернишь.  
Так я тебя обсчитал, обворовал? Что  
мелчишь, сморчек? Боишься! Вот дам

раза, тут тебе и крышка. Ты меня  
знаешь, хлопну между ушей — и ка-  
пут! Обокрал я тебя? Отвечай?

Молчание.

— Ты у меня не отвертишься. Мо-  
жет быть кого подговорил убить меня?  
Так я тебя первый!..

Пьяная злоба душила огромное тело  
Квасова. Он схватил какой-то тяжелый  
предмет и пустил им в спящего друга.

Предмет тяжело плюхнулся обо что-то  
глухое, безответное. Об голову или по-  
душку.

Разрядившись немного, Квасов стал  
выговаривать другу в более мягких  
тонах:

— Дурашка, ты, дурашка. Я-ли тебя  
не люблю, я-ли тебя не берегу. Как  
брата, а ты... Эх!..

Он всхлипнул пьяными слезами и сел  
около Бородавкина.

— Ну, ладно, давай помиримся. Если  
тебе мало, я из своей части готов от-  
дать. Ну, давай руку, вставай!..

Бородавкин молчал и не шевелился.  
Квасов обшарил руками друга, попал  
во что-то влажное.

Зажег спичку и ужаснулся — рука  
была в крови. Зажег другую спичку,  
поднес ее близко к лицу приятеля,  
сразу вскочил и закружил по комнате.  
«Неужели убил? Убил и есть. Что-же  
теперь делать?.. Кончилась жизнь...  
Завтра арестуют  
и...»

Плюхнулся на  
свою койку, при-  
нялся соображать,  
стараясь растормо-  
шить заспиртован-  
ные мозги.

«Ну, влип в не-  
промокаемую!..  
Угробил, значит.  
Нет, так невоз-  
можно... Нужно  
бежать, скрыть-  
ся... А может быть  
его скрыть?.. Ушел,  
мол, и не прихо-  
дил... Но как?..  
Корзину-бы боль-  
шую, да на вокзал  
свезти... А кто по-  
везет? Сам... На





— Сам первый жулик а людей чернишь! — выговаривал пьяный Квасов мертвецки пьяному Бородавкину.

дворе тележек много... Взять одну незаметно... Вот беда, корзины нет...».

Квасов осмотрел внимательно комнату, хотя и знал, что у них нет подходящего помещения для трупа. Вышел в коридор, заглянул к хозяйке. Домна спит, сладко похрапывая. Сундучки у нее все маленькие, неудобные.

Вдруг Квасова как осенило.

«У латышки сундук хороший!.. Лучше не надо... Прямо для этой цели и сделан... Что такое Домна говорила про ключ? Ах да, ключ у нас, дома никого нет»...

Квасов чуть не заржал от радости. Открыл латышкину квартиру, притащил сундук, нажал механизм. Крышка отскочила. Сгреб в охапку труп и бережно опустил его на дно. Подложил под голову красную подушку. Попробовал — тяжеленько.

«Ничего, дотащу как-нибудь. А сундук хорош и веревок не нужно... Хоть в Америку!» — вспомнил он слова Минны Мартыновны.

## Глава шестая,

кратко, но обстоятельно излагающая  
дальнейший ход событий.

Внизу лестницы Квасов выждал, не пройдет ли кто. Моросил дождь. Двор был пустынен. Подкатил тележку, взвалил на нее сундук и незаметно выехал за ворота. До вокзала — рукой подать. Подъехал смело, позвал носильщика, потащили страшную ношу в багажное.

— Чижеленько, — сказал носильщик, — что там такое?

— Не знаю, браток. Гражданка одна в Москву переезжает.

— На двенадцатичасовой, багаж, — объяснил Квасов весовщику.

— Веревку надо, так не приму, — бросил тот, не отрываясь от газеты.

— Сейчас принесу...

Квасов оставил сундук на дороге и с облегчением, как по воздуху, бросился к выходу.

Очутившись на площади, преступник истово перекрестился на церковь.

— Богу слава! Надо будет что-нибудь пожертвовать на помин души новопредставленного раба божия Семена...

Домой идти не хотелось. Решил справить тризну по другу. Куда-бы зайти похмелиться?

— «Махну опять в «Америку»!».

## Глава седьмая,

из которой видно, что воскресенье может случиться в любой день недели.

Весовщик, наконец, покончил с газетой и сладко потянулся. Обратил внимание на сундук.

«Что же этот олух с веревкой? Бросил на самой дороге».

Подошел сослуживец.

— Хорош сундучек, Пров Павлыч. Чей это?

— В багаж. Привез какой-то дядя. За веревкой побежал. Да что-то долгонько нету, должно быть не найдет нигде.

— Хорошая работа, немецкая. С секретом должно быть.

Говоривший постучал о сундук носком сапога и... о, ужас!

Крышка быстро, бесшумно отскочила и весовщики увидели согнутую фигуру мужчины.

— Пров Павлыч! Пров Павлыч, гляди... Труп... преступление... Я говорил, с секретом...

— Ах, негодяй! То-то он за веревкой так долго ходит! Что-же, зови начальство.

В довершение ужаса «труп» в сундуке зашевелился и поднял голову.

Весовщики даже попятились.

Опухшее заспанное лицо, перемазанное чем-то темно-красным, с недоумением оглядывалось вокруг.

— Что тебе здесь надо? — грозно спросил Пров Павлыч.

— Ничего... — ответил воскресший, высвобождаясь из своего узилища.

— Как ты сюда попал?

Бородавкин узнал сундук, сообразил, что это работа приятеля и усмехнулся.

— Шутка это, товарищи... На спор... Мне, значит, приятель говорит — не вылежишь, а я говорю — вылежу... Ну и поспорили...

— А почему-же ты весь в крови?

— Кровь? Где? — Бородавкин провел рукой по лицу и волосам. — Это клюква, товарищи.

Весовщики засмеялись.

— Ах, лешие, чем занимаются!

К этому времени подошло несколько человек носильщиков.

— Что-же, Пров Павлыч, милицию звать? — спросил первый пришедший.

— Не надо, товарищи, милицию... Шутка это, — с глуповатым видом протестовал Бородавкин.

— Они, лешие, на тележке приехали. И тележка у вокзала стоит. Я его, неумытого, и нести помогал, — рассказывал носильщик собравшимся.

— Ну, вот видите, и тележка стоит, — уже весело упрашивал Бородавкин. —

У нас такой уговор: он меня в сундуке сюда доставит, а я сундук обратно привезу.

— А сундук чей?

— Наш. Столяры мы. До свиданья товарищи, спасибо вам. Угощение за мной, — балагурил Бородавкин, видя добродушное настроение вокруг и взваливая сундук на спину.

— А может быть приятель-то тебя в Америку хотел отправить? — сострил кто-то.

— Держи карман! Так я и дался! Прощенья просим...

## Глава восьмая,

лишний раз подтверждающая теорию изменяемости материи.

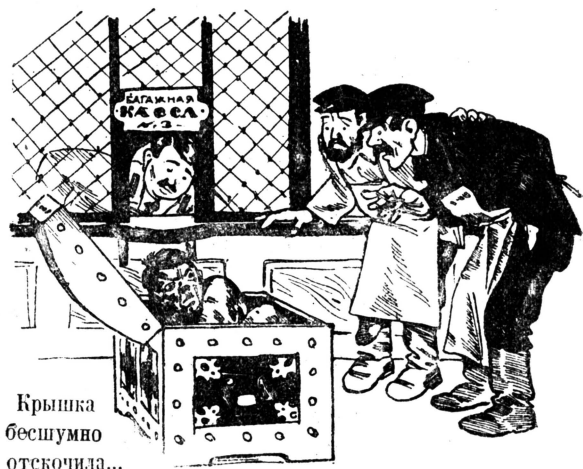
«Я ему, дьяволу, покажу «Америку», — скрежетал зубами Бородавкин, везя сундук на оставленной тележке обратно на Тамбовскую. Протыкнул незаметно во двор. Поднялся с сундуком на четвертый этаж. Потрогал дверь соседки — заперта.

«Как же он, дьявол, сундук-то добыл? Ах да, латышки дома нет, а ключ у нас».

Потрогал свою дверь — не заперта и ключ в замке торчит. Осторожно прошел к себе в комнату — никого. Заглянул к хозяйке — храпит, как паровоз.

«Ушел, анафема, и дверь не закрыл».

Припрятал сундук в чулан и остался у открытой двери сторожить.



Крышка бесшумно отскочила...



Скоро внизу на лестнице послышались тяжелые, спотыкающиеся шаги, пьяное бормотанье.

«Идет».

Бородавкин бросился в комнату и спрятался под кровать.

Вошел Квасов, постоял у двери, потом тяжело опустился на свою койку. Он был сильно пьян. Побормотал, повсхлипывал и не раздеваясь, заснул.

Настала очередь действовать Бородавкину. Он притащил сундук, примостил его около койки и осторожно перевалил тело друга в немецкое произведение.

Потом отыскал ключ от квартиры латышки и с большим трудом стащил туда тяжелую ношу.

Скрыв все следы преступления и умывшись, Бородавкин, с чувством удовлетворенной мести, завалился спать.

«Вот тебе и Америка, посиди-ка там», — было его последней мыслью.

### Глава девятая,

воздающая должное принципу относительности.

Квасов давно проснулся от неудобного, скрюченного положения. Он никак не мог сообразить, что с ним произошло? Ясно одно — он лежал в сундуке. Но почему?

Ведь, он убил приятеля Бородавкина, он упаковал его в сундук и отправил на вокзал, а выходит, как будто наоборот.

Что за ерунда? Где он? Все-ли еще на станции или в другом месте? Может быть, на том свете?

Хмель давно выскочил из головы Квасова. Все тело ныло и болело. Воздуха не хватало. Еще хорошо, добросовестный немец, чтобы не прели вещи, вделал в углы сундука целый ряд фисташек. Эти маленькие круглые отверстия светились, значит, был день.

Квасов напряг все силы в надежде раздвинуть свой гроб, однако, все напрасно. Немецкое

изделие даже не трещало. Обессиленный в бесполезных потугах, заживо погребенный покорился своей участи и стал ждать.

Послышался какой-то шорох и раздались женские голоса.

Квасов насторожился.

### Глава десятая,

в которой события сгруппированы в таком порядке, что развязка истории отнюдь не требует вмешательства *Deus ex machina*.

Вернулась с Охты Минна Мартыновна, с нею пришла приятельница — фрау Озолинь, горя от нетерпения поглядывать знаменитый сундук.

Фрау Берзинь взяла ключ, ругнула Адель за столь продолжительную отлучку и повела приятельницу к себе. Сундук стоял в кухне там, где вчера его оставили.

Фрау Озолинь поахала, покачала головой, потрогала руками блестящий лак.

Фрау Берзинь объясняла с видом фокусника:

— Это замечательная работа. И какой остроумный механизм, фрау Озолинь. С таким сундуком не только в Латвию, не стыдно показаться в Америку. Вот видите, здесь маленькая секретная кнопка, когда хотим открыть сундук, мы нажимаем эту кнопку и...

Крышка с легким звоном откинулась назад. Вслед за нею, как на пружине, из сундука выскочила страшная взлохмаченная, бородатая голова.



Точь в точь, как из детской игрушки с сюрпризами.

В следующую секунду две обезумевшие от ужаса женщины, с дикими воплями, бежали вниз по лестнице.

**Глава одиннадцатая,**  
**отсылающая всех действующих лиц, не**  
**исключая сундука с пружиной, к их**  
**отправной точке.**

Бородавкин сидел у себя на постели и допивал вчерашний «американский чай», когда Квасов с побитым видом вошел в комнату. Он помялся у двери и выдал откуда-то изнутри:

— Ну, ладно, брат. Извини меня. Квиты и... молчок... Приятели пожали друг другу руки в знак примирения.

Фрау Берзинь заболела нервным расстройством. Ее поездка в Ригу отложена на неопределенное время. Она боялась подойти к страшному сундуку и упросила Августа Мичке приобрести его себе за бесценок. До сих пор остается загадкой, что до такой степени напугало двух бедных латышек? Когда была приглашена милиция и управдом, все вещи оказались в целости, сундук стоял среди кухни, невинно поблескивая свежим лаком. Только внутри были заметны какие-то подозрительные пятна, которых раньше не было. Одна Домна Пантелеевна знает истину и по секрету сообщила своим жильцам, что в сундуке сидел чорт немецкой породы, с которым столяр Мичке дружит с незапамятных пор.

*Марк Троекуров*





## КОТОРЫЙ ИЗ ДВУХ?

Рассказ—задача

А. П. Горш.



### Выдержка из письма к Н. Г-скому.

..... До сих пор я был убежден (да, вероятно, не только я, а почти все), что двойники или люди, похожие друг-на-друга, как две капли воды, встречаются только в литературных произведениях, куда авторы вводят их для усиления интереса к этим произведениям или же если того требует ход действия рассказа или романа. Правда, бывают близнецы очень похожие один на другого, но все-таки у них есть какие-нибудь заметные отличия. Одна знакомая мне говорила, что в одном московском учреждении служит тип, очень похожий на меня. Я специально отправился в это учреждение, чтобы лично убедиться, но то, что я увидел, далеко не соответствовало моим ожиданиям и тому, что мне о нем говорили. Сходство было, но только сходство.

Но вот что случилось со мной 22 марта. Под воскресенье, от нечего делать я отправился в кинематограф, который всегда посещаю (помнишь тот необычайный случай, происшедший с нами в этом кино?) \*) Так как я пришел не во время и до начала второго сеанса оставалось еще около часу, то в ожидании я уселся на диванчик и начал читать вечернюю газету. Вдруг, рядом со мной усаживается какой-то человек, вырывает у меня из рук газету и говорит:

— Слушай! Что значит этот маскарад?

Я с удивлением посмотрел на него — личность совершенно мне неизвестная.

\*) См. № 2 «Мир Приключений», рассказ А. П. Горш — «Случай в кинематографе».

— Простите, — говорю, — я вас не знаю и не понимаю, о каком маскараде вы говорите.

— Чорт возьми... Брось дурачиться! или ты будешь отрицать, что вчера мы сговорились с тобой здесь встретиться?

— Опять-таки я должен вас заверить, что я вас не знаю, никогда с вами не встречался и ничего вам не обещал. Может быть вы после этого оставите меня в покое?

— В таком случае простите. Но ты... я хотел сказать — вы до такой степени похожи... Простите, я, очевидно, ошибся.

Я пожал плечами. Сумасшедший... Пьяный... А может быть просто хулиган. Я взялся опять за газету, но она как-то не читалась. Я искоса проследил за тем субъектом, который только что говорил со мной. Он, видимо, совершенно сбитый с толку, встал около входа и как будто стал кого-то ожидать. Мое спокойствие вновь ко мне вернулось, я принялся за газету, когда я совершенно случайно уловил возглас этого человека:

— Ну, вот, наконец-то. Я прямо не знал, что подумать... Представь себе, у тебя, оказывается, есть двойник и этот двойник находится здесь. Он так на тебя похож, что я подумал, что это ты. Поди, посмотри сам.

Я так заинтересовался этим, что бросил газету и повернул голову в ту сторону, откуда слышался этот голос. И вот я вижу, что ко мне направляется, как это ни невероятно, — я сам или, вернее, точная моя копия. Я не знал, что делать от удивления. Тот, видимо, тоже был озадачен.

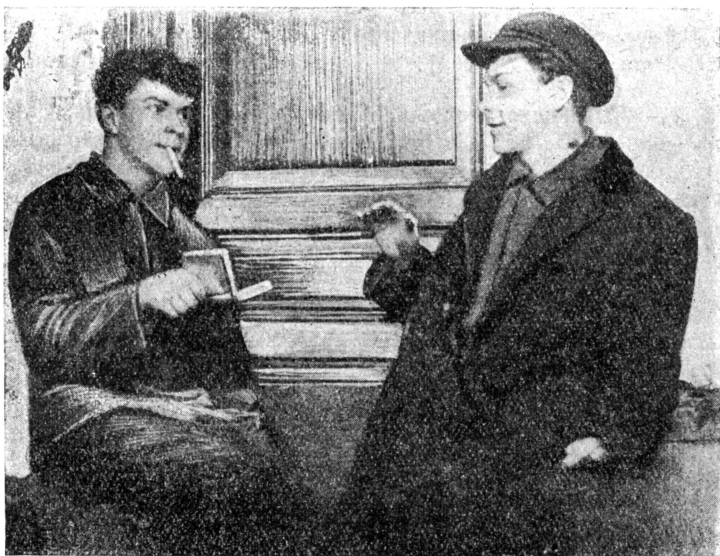
— Простите, — сказал мне мой двойник, — но вы, вероятно, понимаете мое желание с вами познакомиться.

Мы назвались. Одет мой второй экземпляр был несколько иначе, чем я, и теперь мне стало понятно, почему его товарищ мне сказал: «Что значит этот маскрад». Разговаривая, мы ходили взад и вперед. Проходя мимо зеркала, я мельком взглянул в него и констатировал, что бывают люди, похожие друг на друга (такие случаи я знаю), но похожих до такой степени — едва ли кто видел. Нас стали замечать и чуть ли не показывать на нас пальцами. К счастью (я не любитель быть объектом любопытствующего внимания и наблюдения), первый сеанс кон-

чился и продребезжал звонок к началу второго.

Картина («Жемчужина Гарема» с участием Полли Негри, которую я вообще терпеть не могу) не оставила во мне никакого впечатления, так как я был выбит из привычной колеи тем, что произошло в этот вечер. Я узнал кое-какие подробности о жизни моего двойника и на завтра сговорился, что он явится ко мне, и мы вместе с ним снимемся.

Фотография, которую я тебе посылаю, и есть запечатление момента нашего свидания у меня дома. По фотографии ясно можно судить, насколько сходство поразительно. ....



Читателю предлагается указать, кто из изображенных на фотографии лиц является автором письма к Н. Г-скому.



ВСЕМ,  
ИНТЕРЕСУЮЩИМСЯ СОДЕРЖА-  
НИЕМ ВЫШЕДШИХ КНИГ  
ЖУРНАЛА  
**МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ**.

КНИГА № 1.—«**Пылающие Бездны**». «Война Земли с Марсом в 2423 году», фантастический роман Н. Муханова, с рис. худ. Мизернюка.—«**25-ти летний юбилей Шерлока Холмса**», юмористический рассказ В. С., с рис. худ. Владимирова.—«**Тень над Парижем**», С. А. Тимошенко, с рис. И. В.—«**Правдивая история о землянике. Батховене и боа-констрикторе**», рассказ И. Долина, с рис. худ. С. Конского, «**Конкурс мистера Гопкинса**», рассказ Л. Арабескова, с рис. С. К.

КНИГА № 2.—«**Пылающие Бездны**». «**Пленники Марса**», фантастический роман Н. Муханова, с рис. худ. М. Мизернюка.—Рассказ Френсис Ноульс-Фостер.—«**Будды Ма-Сейн**», с рис. С. Пишо.—Историч. рассказ М. К. Губера «**Бегство Анри Рошфора**», с рис. Michau.—Рассказ А. П. Горш. «**Случай в кинематографе**», с рис. М. Я. Мизернюка.—Рассказ Петра Аландского «**Рука мумии**», с рис. М. М.—Рассказ — задача «**Корна от мандарина**» Е. Т.

КНИГА № 3.—«**Пылающие Бездны**». — «**Тот, в чьих руках судьбы миров**», фантастический роман Н. Муханова, с рис. худ. Мизернюка.—«**Ежовая лапка марабута**», рассказ П. Хитченса, с иллюстрациями П. Василенко.—«**Охотники за головами**», рассказ Роберта Леммона, с англ. текстом, с рис. А. Михайлова.—«**Сундун с пружиной**», американский рассказ Марка Троекурова, иллюстрации Н. Кочергина.—«**Который из двух?**», рассказ-задача А. П. Горш, с фото-клише.

Цена каждой книги 50 коп., с перес. 70 коп.

Подписная цена: на год с дост. и перес. 6 руб., на 6 мес. 3 руб., на 3 мес. 2 руб.

*Журнал „МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ“ находится в продаже на жел. дор. в киосках, у газетчиков и в книжных магазинах.*

С требованиями о высылке какой-либо книги журнала «Мир Приключений» обращаться в Издательство П. П. Сойкина: Ленинград, Стремянная, 12.



ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА  
**БАЛЕТМЕЙСТЕР  
МАРИУС ПЕТИПА**

Очерк из истории русского балета.

«...Искусство танца заложено в человеке самой природой, и прав Кажюзак, который в своей «Истории танца» говорит, что «в натуре человека лежат все движения, из которых танец состоит».  
*М. А. Яковлев.*

===== Цена 60 коп., с пересылкой 75 коп. =====  
Издательство П. П. Сойкина, Ленинград, Стремянная, 12.

Почтов. адрес:  
**ЛЕНИНГРАД**  
Стремянная, 12



Телефон № 584-87.

Телегр. адрес:  
**ЛЕНИНГРАД**  
**СОЙКИНУ**

*Лицам, приславшим решения к рассказу-задаче «Корка от мандарина» (см. № 2 «Мир Приключений» 1924).* — Все полученные нами решения, конечно, правильны. Но ценность решения в количестве замеченных несообразностей, и, следовательно, необходимых поправок. Наилучшим из полученных пока решений является присланное из Москвы гр-м В. М. Он нашел 34 несообразности. Фактически число это — больше. Гр-ка А. С. — кая прислала из Москвы «Ответ на рассказ «Корка от мандарина». Это — не решение, а новая трактовка основной фабулы с уклоном в сторону... недополученного жалования.

*В. К. (Москва).* «На ринге» хорошо написано, но это не рассказ, а картинка для спортивного журнала.

*О. Р. (Ленинград).* Фабула интересная, но написано нелитературно и слабо в бытовом отношении.

*М. Слободской (Ленинград).* Очень слабо.

*А. Александровой (Ленинград).* «Испуг» сделан плохо.

*Ю. К. (Москва).* Рассказ написан хорошо, но сюжет и действующие лица — сыщик и преступник — неудобны теперь.

*С. В. А. (Москва).* Рассказ не заслуживал перевода. Для России он вообще не годится. Ему место — в воскресном приложении к немецкой газете для домашних хозяек.

*И. В. Г. (Москва).* Ваш рассказ о попытке ограбления поезда, как вредный в социальном отношении, не может быть напечатан. Не подражайте иностранным повествованиям такого жанра. Ищите свой путь... Может быть и найдете!..

*Я. Ориамма (Пермь).* Ваш роман, к сожалению, не подходит для нас. Письмо Вам послано.

*Г. П. М. (Ставрополь).* О грабителях и сыщиках писать не рекомендуем.

*П. А. Х. (Александров).* Не годится нам...

*Ю. К. (Краснодар).* «На краю бездны» — очень слабо. Не следует писать из жизни тех стран, о которых Вы знаете понаслышке.

*Е. Е. Горину (Москва).* Отчего же Вы не присылаете продолжения «Кольца Сатурна»? Начало — интересно, но нужно иметь всю вещь, чтобы судить о ней.

*Г. М. К. (ст. Альма).* Рецепт Вы взяли хороший, но не справились с силами.

*П. М. Ч. (Баку).* Письмо Вам послано. Тема у Вас благодарная, но необходимо предварительно знать кое-что характерное из жизни персов-огнепоклонников. У фантазии есть не только пределы, но и свои законы. Поверьте сами в то, что Вы пишете, и Вам поверит читатель...

*Лорн Лени (Москва).* «Месть янки», как беллетристическое произведение, — никуда не годится.

*Л. П. (Рыбинск).* Мы охотно верим, что Вы путешествовали по экзотическим странам, по рассказу «Укус кобры» не убеждает в этом. Своего, индивидуального, в нем нет ничего. Публицистическая характеристика Индии, доступная каждому, читающему современные русские газеты, не есть колорит страны. Рассказ сух, и в нем нет ни одной художественной черточки.

**Продолжается подписка на 1924 год на ежемесячный журнал,**  
посвященный охоте, пушному промыслу и рыболовству

## **„УРАЛЬСКИЙ ОХОТНИК“.**

**ОРГАН УРАЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО СОЮЗА ОХОТНИКОВ.**

**ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:** Союзное строительство. Охотничье законодательство. Охотоведение. Пушной промысел. Охотничье хозяйство. Из жизни природы. Уральские охоты. Оружейная техника. Беллетристика. Из охотничьих дневников. Рыболовство. Хроника. Корреспонденции. Библиография. Официальный отдел. Вопросы и ответы.

**В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ ПОСТОЯННОЕ УЧАСТИЕ:** Андреев М. Н., Биржан А. Л., проф. Вутурлин С. А., Генерозов В. Я., Глиский А. П., Диков В. И., Жебелев П. И., Качиони С. С., Керцелли С. В., проф. Кожеников Г. А., Крестников Ф. Ф., Лопарев П. И., проф. Никольский А. М., Новиков В. М., Рахманин Г. Е., Сарафанов А. М., Сенкевич Э. М., проф. Смелянский Ю. М., Соловьев Д. К., Шубин А. И.; художники: Демидов Б. И., Елтышев Л. А., Терновский А. А. и многие другие.

Журнал выходит 15-го числа каждого месяца. Адрес Редакции и Копторы: Екатеринбург, ул. Вайнера, № 7.

Подписная плата: с доставкой и пересылкой заказной бандеролью на год—7 р. и на полгода—4 р.

Издатель: Правление Уральского Обл. Союза Охотников. Ответственный Редактор: Сергей Качиони.



# ХОЗЯЙКА

№1-1924



## СОДЕРЖАНИЕ:

Письма к русским женщинам. Письмо первое. *Геorgia Аркатова.*

Надгробная надпись. Рассказ. *Сельмы Лагерлеф.*

Обязанности молодой матери. Женщины врача *М. В. Волиной.*

Устройство домашнего огорода. Очерк. *И. А. Репина.*

Наряды и женщина. *Ю. Милославского.*

Модная хроника. Описание модных рисунков. Изящные рукоделия.

Панорама последних мод (50 рис.).

Мозаика: Домашний врач. Домашний стол. Обиходная рецептура. Женский спорт. *Г. Павловской.*

Наши законы, касающиеся женщин и подростков.

Библиография.

Задачи и игры

ЦЕНА НОМЕРА 60 коп.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ № 1 ЖУРНАЛА

„ХОЗЯЙКА“

С требованиями обращаться в Издательство П. П. Сойкина, Ленинград, Стремянная

ПРОДАЕТСЯ У ГАЗЕТЧИКОВ  
И В КИОСКАХ ЖЕЛ. ДОРОГ.

ЦЕНА № С ПЕРЕСЫЛКОЙ 60 КОП.